

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический
журнал № 7 (70) июль, 2022

#СвоихНеБросаем

ДОРОГИЕ СОРАТНИКИ!

На протяжении своего существования, т.е. более шести лет, журнал «Александръ» русским словом поддерживал наших соотечественников на Донбассе, придя на Луганскую и Донецкую землю в юбилейную 75-ю годовщину «Молодой гвардии», он приобрёл верных друзей и сам стал надёжной опорой для писателей героического края.

И конечно, в решающий момент «Александръ» не мог остаться в стороне и, откликнувшись на призыв Союза писателей России, по инициативе председателя Николая Иванова создал этот выпуск со страницами, «опалёнными войной», говорящими о подвиге русского народа и его священной борьбе с тёмными силами, против фашизма.

Только человек, прошедший испытания, может остро чувствовать жизнь и управлять словом, подвигающим на подвиги. Авторы, опубликовавшие свои произведения в «Александре», прошли через многое, и их литературное слово «дорогого стоит», после прочтения не остаётся сомнений, что «наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!».

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Этот номер журнала «Александръ» посвящён нашей трагической и героической современности, события которой по праву займут на страницах истории место, сопоставимое с великими деяниями наших предков. Так же, как они в 1612, 1812, 1853–1855, 1914 и 1941–1945 годах, мы отражаем сегодня нашествие коллективного Запада.

Наше сегодняшнее положение сопоставимо с ситуацией начала XVII века, когда Россию сотрясала смута, на стороне выдвигавшихся Речью Посполитой самозванцев воевали рязанские и тульские дворяне и донские казаки, а часть национальной элиты была готова смириться с западным доминированием и даже избрала русским царём польского королевича Владислава. Первое ополчение потерпело поражение, лишь Второе ополчение (под руководством Минина и Пожарского) спасло Россию. Речи Посполитой были уступлены Смоленская, Северская, Черниговская волости, часть Слобожанщины и некоторые пограничные земли севернее Полоцка.

В конце XX века Великая Россия вновь распалась: ушло Закавказье, отделилась Средняя Азия, перебежала в западный лагерь Прибалтика, идёт всего лишь второй год с тех пор, как вынужденно отказалась от политики многовекторности Белоруссия, Молдавия чувствует себя скорее окраиной Румынии, чем пограничной землёй России. Но самое страшное случилось на Украине – из неё Запад выковал оружие горячей войны, там бывшие русские, почувствовавшие себя «европейцами», развернули геноцид русских.

Такое уже случалось в нашей истории. После геноцида русских в австрийской Галиции в 1914–1918 годах эта провинция из западного форпоста русскости превратилась в заповедник русофобии и в конечном итоге стала механизмом дерусификации всех южнорусских земель. Через сто лет Запад поставил задачу превратить в антироссию всю Украину. В результате уже восемь лет по разные стороны украинского фронта яростно сражаются друг с другом люди, выросшие в русской культуре и говорящие на русском языке. Фактически сейчас на Украине идёт гражданская война, которая была отложена на будущее при распаде СССР. Эта война осложнена интервенцией Запада. Точно так же, как в эпоху самозванчества в начале XVII века, западных «советников» и «инструкторов» относительно мало, основную массу пушечного мяса поставляют сами бывшие русские пограничные провинции, назвавшиеся Украиной. Но от этого роль Запада в организации, финансировании, дипломатическом и информационном обеспечении войны, а также в экономическом давлении на Россию не меньше, а куда больше, чем четыреста лет назад.

Речь сегодня идёт о самом выживании России как независимого государства. Это тот миг, когда мы с вами творим историю будущих поколений русского народа, само сохранение которого зависит от успешности нашей сегодняшней борьбы.

Этот номер журнала «Александръ» лишь малая лепта в общие усилия русского народа. Но именно из таких «капелек» сложился бурный поток Второго ополчения, которое вымело поляков из России, выкорчевало измену и возродило в лице новой династии истинно русскую власть на русской земле.

С уважением,
Ростислав ИЩЕНКО,
политолог

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ВЕК

Журнал издан за счёт благотворительной помощи, оказанной Фондом
«Рассказовский» и директором ФГБНУ ФНЦ садоводства
Иваном Михайловичем Куликовым

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при
содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель
науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник
культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филар-
монии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с обществен-
ностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего
профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслужен-
ный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора
«Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения
«Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского
отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист,
общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драма-
тического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профес-
сор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза
писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ
РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут
ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с
почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную
версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 7 (70), июль 2022 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728
от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.07.2022 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13,
Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом
в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7(4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

- 6** Ростислав Ищенко.
Западное пограничье как символ
силы и слабости России

В ЕДИНОМ СТРОЮ

- 9** Порохом пропахшие слова

ВРЕМЯ Z

- 14** Стихи из огня

НА ВОЙНЕ

- 17** Олисава Тугова.
Вопрос чести

ЗАПИСКИ С ФРОНТА

- 19** Сергей Бережной.
Война на харьковском направлении

РУССКАЯ ВЕСНА

- 21** Позывной – Победа!

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

- 25** Марк Некрасовский.
Талант

ВМЕСТО РЕПОРТАЖА

- 31** Анна Вечкасова
32 Александр Сигида
34 Людмила Гонтарева

ДОНБАССКИЕ СКАЗКИ

- 37** Марина Бережная.
Бабушка Украина

БОЛЬ УТРАТЫ

- 40** Людмила Гонтарева.
Лучших недосчитаемся
41 Юрий Ковальчук.
Хлеб

МЫ – С ВАМИ!

- 44** Николай Чербаев.
Донбасс

- 46** Клавдия Дробышева

- 47** Лариса Бекрешева

БЕЖЕНЦЫ

- 48** Светлана Тишкина.
Честь имею

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 58** Евгений Голоднов.
Страна негодяев

ВЕРНИСЬ ЖИВЫМ!

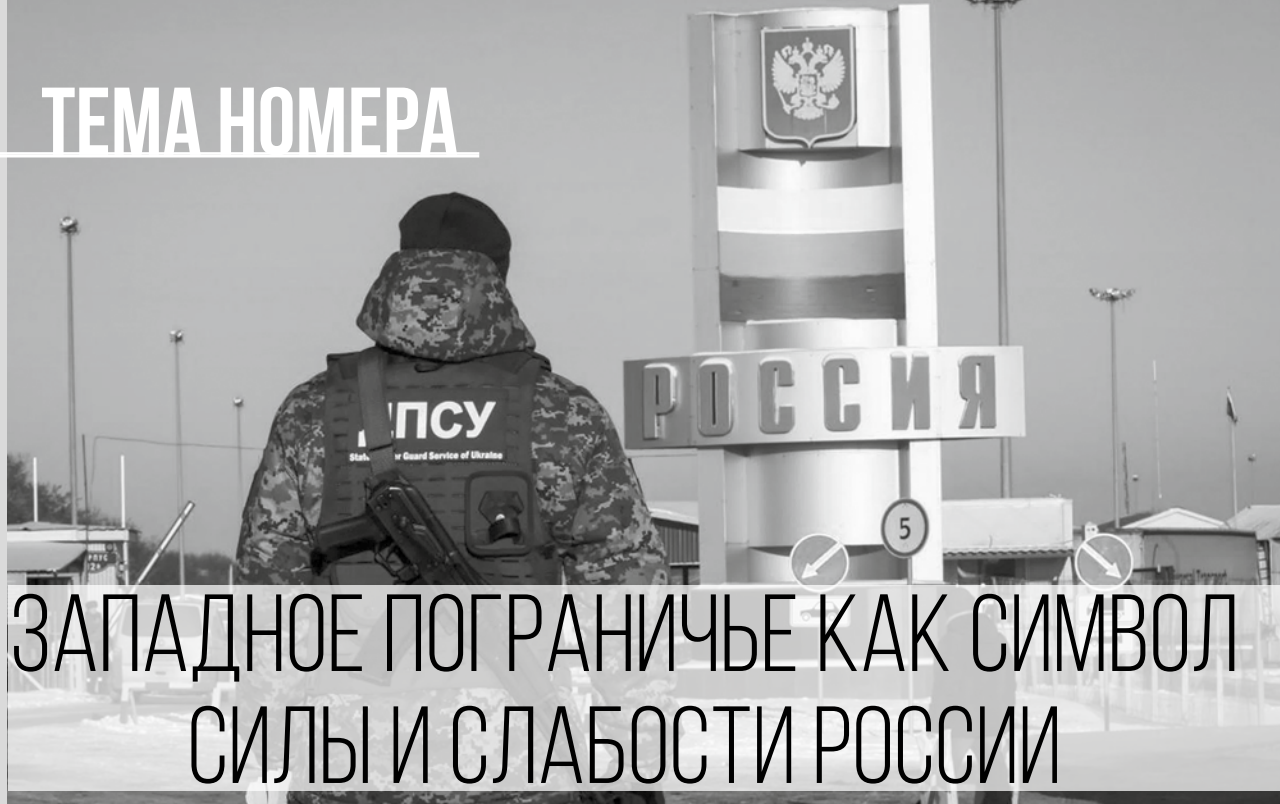
- 60** Елена Заславская.
Фронтовой дневник XXI века
61 Иван Асвальд.
Записки у блиндажа

#СИЛАВПРАВДЕ

- 65** Алеся Казмерчук
67 Наталия Мавроди
Владимир Казмин.
69 Идем на вы!
70 И сердце рвётся от боли

МЫ ПОБЕДИМ!

- 74** Александр Морозов
76 Константин Коваль
78 Иван Нечипорук
80 Елизавета Хапланова
82 Екатерина Ромашук
83 Виктория Полякова
84 Оксана Егорцева
86 Василий Толстоус
88 Андрей Шталь
90 Александр Савенков
92 Анаит Агабекян
ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»
93 Татьяна Воронина, Елена
Волкова, Елена Осминкина.
Крымский калейдоскоп

ЗАПАДНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ КАК СИМВОЛ СИЛЫ И СЛАБОСТИ РОССИИ

Ни одно государство не бывает одинаково сильным всегда. Периоды усиления сменяются периодами ослабления, причём происходят эти смены как по объективным, так и по субъективным причинам и редко когда могут быть предсказаны заранее. Например, в начале 1917 года Российская империя, находясь на пике своего могущества, готовилась пожинать плоды победы над центральными державами, а всего лишь через год жалкие остатки великой страны получили лишь похабный Брестский мир. Даже два – по одному для Советской России и УНР (но оба похабные).

Зато когда мы обращаем взор в прошлое, такая пульсация (приобретение / потеря) прекрасно видна на протяжении столетий и характеризует как соотношение сил между противостоящими державами, так и содержание конфликта. Например, борьба английской и французской королевских династий за «Анжуйскую империю» началась задолго до и завершилась после известной Столетней войны, заняв в общей сложности четыре столетия (от восшествия на английский престол Генриха II Плантагенета в 1154 году до возвращения суверенитета Франции над Булонью – последним английским владением на континенте – при Генрихе II Валуа в 1550 году). Все эти годы увеличение или уменьшение территории английских владений во Франции свидетельствовало

о соответствующем изменении соотношения сил между Лондоном и Парижем.

Аналогичным образом в XVI–XX веках переход Эльзаса от Германии к Франции и обратно демонстрировал смену соотношения сил между двумя новыми претендентами на гегемонию в Европе.

Для взаимоотношений России и Запада таким лакмусом силы / слабости служат западные пограничные провинции России (Прибалтика, Белоруссия, Малороссия, Новороссия, Бессарабия). В периоды своего усиления Россия возвращает контроль над естественными границами, проходящими по линии рек Неман – Западный Буг – Прут – Дунай (или стремится к опосредованному контролю над данными территориями). В момент наивысшей силы империи (в 1815–1917 годах) она даже двинулась дальше на Запад, включив в свой состав Польшу и Финляндию.

В периоды относительной слабости России все эти территории или их часть теряются (провозглашают независимость или оказываются в составе западных государств). Так было в результате ослабления Руси после монгольского нашествия: только в конце XV века Иван III смог выдвинуть программу собирания утраченных в XIII–XIV веках русских земель. Так было во время Великой Смуты начала XVII века, когда западная граница России вернулась на рубеж конца XV – начала XVI века.

Государства Восточной Европы, Балкан и Скандинавии классический Запад всегда считал варварской периферией своей цивилизации (в отличие от постсоветских республик, которые Запад считал и считает варварской периферией России). Эти территории Запад всегда считал и считает пригодной для ведения войны зоной. Их опустошение его не тревожит, их не жалко.

Впрочем, не жалко даже Германию. Со времён каролингского возрождения будущая территория различных рейхов служила объектом крестовых походов для обращения язычников. Такие же германцы, ставшие правящей элитой королевств, занявших территории бывших римских провинций, начали чувствовать себя наследниками великой имперской цивилизации и свысока, хоть и не без страха, взирали на своих диких языческих собратьев, обитавших в лесах между Рейном и Эльбой. С тех пор разорение Германии в ходе очередного неудачного похода на Восток является для Запада приемлемой (а в некоторых случаях и желаемой) платой за ослабление России.

Вся территория от Рейна до Наровы, верховий Днепра и низовий Дона рассматривается евро-американской (трансатлантической) цивилизацией в качестве приемлемого пространства горячей войны против России силами соответствующих стран при поддержке, но без прямого вмешательства классического Запада. Раньше достаточно было явного свидетельства восстановления российских сил в виде возвращения под имперский контроль западных пограничных провинций для того, чтобы трансатлантический Запад соглашался с необходимостью вести себя смирно и решать спорные вопросы путём переговоров.

Иногда, правда, «вразумляющей армии» приходилось доходить и до Берлина, и до Парижа, чтобы Запад наконец мог осознать изменившееся соотношение сил. Но всё же по большей части сила России означала наступление периодов мира.

Не то сейчас. США таким образом модернизировали в 80-е – 90-е годы прошлого века коллективную экономику Запада, что она может эффективно работать только в условиях глобаль-

ной гегемонии США, поддержанной Евросоюзом. Во всех остальных случаях мир просто отказывается платить Западу ренту со всех торговых операций и прекращает резервирование в западных валютах, что немедленно приводит к серьёзному падению уровня жизни в США и ЕС.

Для любой другой страны или системы подобный кризис не был бы катастрофой, а начался бы лишь начало масштабного реформирования потерявших эффективность экономической, финансовой, а за ними и политической систем. Когда-то так было и на Западе, поэтому из любого кризиса он и выходил укрепившимся.

Не то сейчас. Сама идея американской глобальной империи (американского мира: в котором странам ЕС отведено почётное и доходное место вассалов первого уровня) не предполагает снижения уровня жизни в странах Запада. Тем более недопустимо его падение ниже уровня жизни ближайших незападных конкурентов (России и Китая). Между тем по большинству показателей (транспорт, энергетика, общая устойчивость экономики, уровень безработицы, темпы роста реального производства, стабильность финансовых систем, рост благосостояния домохозяйств) Москва и Пекин добились масштабных успехов и уверенно конкурируют как со Старой Европой, так и с Америкой.

Дальнейшее развитие событий в той же динамике означает для Запада идейную, а за ней и политическую катастрофу. Признаки нарастания этой катастрофы мы наблюдаем уже два десятилетия. Параллельно усиливается и агрессивность Запада, ибо война остаётся его последним аргументом – экономическое и идейное соревнование он проигрывает всухую.

Но вести прямую войну с Россией и Китаем Запад не может. Такая война скорее всего (хоть и необязательно) приведёт к ликвидации текущей цивилизации и совершенно точно гарантирует полное уничтожение, без возможности восстановления, западной ветви человеческой цивилизации. Поэтому Запад начал и ведёт с Россией прокси-войну, с привлечением своих сателлитов и младших партнёров, их ресурсом, на их территориях, при западной финансово-экономической и военно-политической поддержке.

В политическом плане начало конфликта России с Западом было оформлено речью Путина на Мюнхенской конференции 2007 года. Путин предлагал договориться и играть по правилам. Запад не внял и уже на следующий год попытался нанести военный удар по российским интересам на Кавказе. Результатом стала «Пятидневная война» (или «Война 08.08.08») – первый этап горячей прокси-войны Запада с Россией. Затем ситуация быстро деградировала и уже в 2014 году вылилась в гражданскую войну на Украине, которую не только украинская, но и западная пропаганда стала немедленно трактовать как украинско-российскую. Спецоперация стала реакцией Москвы на дальнейшую деградацию ситуации как на Украине, так и в мировой политике в целом и знаменовала третий этап прокси-войны Запада против России.

Сейчас готовится четвёртый этап, на котором США пытаются задействовать против России армии восточноевропейских стран – членов НАТО. Если этот ход также удастся, на очереди будет пятый этап – война против России большинства стран НАТО, но не блока НАТО и не тех стран НАТО (США, Великобритания, Франция), которые обладают ядерным оружием.

Идея США заключается в том, что если заставить Россию вести обычную войну с американскими союзниками на пространстве от Ростова до Страсбурга, то рано или поздно Москва не выдержит напряжения. Дальше ей только надо не дать повод для применения ядерного оружия, и Россия вынуждена будет сдаться, ибо Европа имеет подавляющее преимущество в человеческом и материальном ресурсе, к тому же будет опираться на помощь США.

Как видим, Россия уже не может стабилизировать ситуацию, выйдя на старую имперскую границу, США всё равно склонны будут продолжать против неё прокси-войну чужими силами и на чужих территориях. В пограничную «серую» зону превратилось всё пространство между Рейном и Днестром. Однако у России нет достаточных ресурсов, чтобы занять, присоединить и контролировать всю эту территорию. Контроль может осуществляться исключительно при помощи добровольно-при-

нудительной (за счёт экономических рычагов) переориентации Центральной и Восточной Европы на Россию. Грубо говоря, необходимо не только восстановление российской гегемонии в Восточной Европе, но и для Германии, Балкан и Скандинавии Россия должна стать тем же, чем в последние 75–80 лет для них были США.

Только в таком случае США наконец утратят плацдарм для ведения против России относительно безопасной прокси-войны, а классическая Западная Европа (бывшие провинции Римской империи, от Италии до Британии, по дуге, включающей Испанию, Португалию и Францию) станет американским пограничьем, требующим регулярной ресурсной поддержки из-за океана, но бесполезной с точки зрения организации давления на Москву.

В этом варианте развития событий Россия через пару десятилетий сможет выйти на создание экономической (а затем и политической) «Большой Евразии», что в корне изменит пространство и правила геополитической игры, сложившиеся за последнюю тысячу лет, и сделает бывшее балто-черноморское имперское пограничье (за которое идёт постоянная борьба с переменным успехом) частью имперского центра, как давно уже являются частью французского имперского центра и Аквитания, и Анжу с Нормандией.

Но для того чтобы претендовать на достижение столь масштабного геополитического успеха, необходимо для начала одержать убедительную победу в самом имперском пограничье (большая часть которого пока находится под враждебным России контролем). Победа на Украине должна быть столь убедительна, чтобы США не смогли ни убедить, ни заставить своих восточноевропейских союзников продолжить эксперимент с прокси-войной. В таком случае европейские территории, которые США уже не могут удержать, а Россия не в состоянии контролировать, сами постепенно начнут дрейф под российский протекторат (как ранее они сами бежали к США).

Только так можно завершить бессмысленную и бесконечную пограничную прокси-войну на истощение, которую США пытаются навязать России.

Ростислав ИЩЕНКО

ПОРОХОМ ПРОПАХШИЕ СЛОВА

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ
(Москва)

*Солдатам и офицерам Российской армии –
участникам спецоперации на Украине
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

УКРАИНЕ МОЕЙ

Украина, Украина, Украина,
Дорогая моя!
Ты разграблена, ты украдена,
Не слышать соловья.
Я увидел тебя распятою
На немецком штыке
И прошёл равниной покатою,
Как слеза по щеке.
В торбе путника столько горести,
Нелегко пронести.
Даже землю озябшей горстью я
Забирал по пути.
И леса твои, и поля твои –
Всё забрал бы с собой!
Я бодрил себя смертной клятвой –
Снова вырваться в бой.
Ты лечила мне раны ласково,
Укрывала, когда,

Гусеничною сталью лязгая,
Подступала беда.
Всё ж я вырвался, вышел с запада
К нашим, к штабу полка,
Весь пропитанный лёгким запахом
Твоего молока.
Жди теперь моего возвращения,
Бей в затылок врага.
Сила ярости, сила мщенья,
Как любовь, дорога.
Наша армия скоро ринется
В свой обратный маршрут.
Виджу – конница входит в Винницу,
В Киев танки идут.
Мчатся лавою под Полтавою
Громы наших атак.
Наше дело святое, правое.
Будет так. Будет так!

1941 год

Юрий ЧЕРКАССКИЙ (Луганск)

ГОРОД

Квартал горел – там шёл смертельный бой,
И дом наш бомбой вражеской расколот,
Но всё же – как нас тянет этот город,
Где мы впервые встретились с тобой!

Там почернели худенькие клёны,
Что мы растили, помнишь, у пруда,
И заросли и опустели склоны –
Но всё же – как мы тянемся туда!

Пусть он в обломках, тёмен и изранен,
У нас в сердцах он песнею живёт,
Всегда такой, как той весенней ранью,
Очищенный от мелочных забот.

Он связан с нами сотнями примет,
Нагорным парком, улицей Артёма,
Грозой врасплох, когда померкнет свет
И небо сразу вздрагивает громом.

И, обрывая цвет на васильках,
Весёлые, шальные ливни хлещут,
Когда деревья под дождём трепещут
Диковинными птицами в силках.

А после гроз от голоса грачей,
От брызгов солнца праздничны дороги,
Они с бугров бросаются под ноги,
Одна другой просторней и звучней.

Какую выбрать? Нет, не выбирай,
На каждой встретишь дружбу и участие...
Теперь стервятник рвёт его на части –
Мой гордый край, мой непокорный край.

На тех дорогах падают друзья,
Кто с пульей в сердце, кто с петлёй
на горле...
Пришли враги, названья улиц стерли.
Но выжечь их из памяти нельзя!

Дыши одним законом – кровь за кровь,
Готовь расплату гордо и сурово,
Сквозь все заслоны гневная любовь
Нас приведёт к разрушенному крову.

Сквозь все преграды мы туда придём
В землянках жить и строить новый дом,
Работать от рассвета до рассвета,
Растить другие клёны над прудом
И славить город песней недопетой.

И встанет он в проспектах и дворцах
Очищенным от горечи и дыма,
Зелёным, ясным, шумным, осязаемым,
Таким, как мы храним его в сердцах.

1941 год

Стихотворение посвящено Луганску,
родному городу поэта.

Михаил ЛЬВОВ (Москва)

* * *

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться.
Чтоб стать железом, мало быть рудой.
Ты должен переплавиться, разбиться
И, как руда, пожертвовать собой.

Какие бури душу захлестнули!
Но ты – солдат и всё сумеи принять:
От поцелуя женского до пули –
И научись в бою не отступить.

Готовность к смерти – тоже ведь оружие,
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

1944 год

Олесь БУЗИНА (Киев)

* * *

Я не люблю летального исхода,
 Я не люблю войну, война – дерьмо.
 Я не пойму безмолвного народа,
 Безропотно надевшего ярмо.
 Я не люблю всю копоть от майдана,
 Я не люблю кровавый беспредел.
 Уже как год зияет эта рана
 И кровоточит тысячами тел.
 Я не люблю, когда гарант закона
 Уничтожает собственный народ.
 Я не люблю стратегов Пентагона,
 Привыкших от войны иметь доход.
 Я не люблю американцев важных,
 Я не люблю заведомый обман.
 Я не люблю политиков продажных,
 Я никогда не полюблю майдан.
 Я не люблю, что всюду лезут янки,
 Линчуют Украину, как хотят.
 Я не люблю, что киевские танки
 Донбасс утюжат, города бомбят.
 Я не люблю такую Украину,
 Где честь и совесть проданы давно,
 Где «Градами» стреляют подло в спину,
 Насилуют и грабят заодно.
 Я не люблю цинизм политиканов –
 Они людей меняют на барыш.
 Их ждут давно курорты Магадана,
 Казённый дом и шифер серых крыш.
 Я не люблю фальшивых демократов,
 Они торгуют жизнями людей.
 Их место там – в стенах шестой палаты,
 Я не люблю бредовых их идей.
 Я не люблю пассивных либералов,
 Я не люблю предателей страны.
 Я не люблю Америки вассалов,
 Я – против ужасов войны.
 Я не люблю «шестёрок» псевдосмелых,
 Хвастливые словечки «кто – кого»,
 Я не люблю истерик оголтелых,
 Я не люблю толпой на одного.
 Я не люблю коварство и измену,
 Я не люблю за пазухой топор.
 Я не люблю, когда лицом об стену,

Я также против выстрела в упор.
 Я не люблю шизоидов во власти,
 Я не люблю интриги и враньё.
 Я не люблю оскал звериной пасти,
 Когда над домом кружит вороньё.
 Я не люблю двуличных фарисеев –
 Они растяли бедного Христа.
 Две тыщи лет войну по миру сеют,
 У них душа черна и нечиста.
 Я не люблю безверье и насилие,
 Зачем дразнить насмешками ислам?
 Когда же эта еврокамарилья
 Запомнит, что «шалом» равно «салам»?..
 Я не люблю бесстыдных лицемеров,
 Они как будто не имеют глаз.
 Я не люблю карикатур на веру,
 Я не Шарли, я – огненный Донбасс!
 Я не люблю высокомерной фразы:
 «Американцы – избранный народ».
 Фашизм воскрес, и нет страшной заразы –
 Как будто снова сорок первый год!
 Я не забыл победу в сорок пятом,
 И в генах наших память не убить!
 Мы кланяемся в пояс всем солдатам,
 Погибшим, чтобы нам спокойно жить!
 Я не забыл героев Сталинграда,
 Я не забыл про Курскую дугу
 И ужасы блокады Ленинграда,
 Не сдавшегося лютому врагу.
 Я не люблю трусливую Европу,
 Она забыла, кто её спасал,
 Как миллионы полегли в окопах –
 Их до сих пор никто не сосчитал!
 Я не люблю войну – она всё рушит,
 Я не люблю, когда невинных бьют,
 Я не люблю, когда Россию душат,
 Особенно, когда в неё плюют!

*Известный украинский журналист,
 писатель, телеведущий Олесь Бузина был
 убит 16 апреля 2015 года в Киеве возле
 своего дома.*

Леонид КОРНИЛОВ (Москва)

СТЯГ

В огне обстрелов и атак,
Ломая встречный ветер,
По Украине красный флаг
Идёт, как в сорок третьем.
Похож на призрак он порой.
И нет с ним знаменосца.
Но стяг идёт упрямо в бой
В рассветных бликах солнца.
Сияет он то там, то тут.
Идёт неумолимо.
Его и пули не берут.
И все осколки – мимо.
Лишь становясь багровей чуть,
Чем был всегда от роду,
Кумач прокладывает путь
По огненному броду.
Он сам – огонь.
И он в огне
Пылает алым цветом.
То он – у танка на броне,
То – под бронежилетом.
И кто несёт, не разобрать.
Но говорят солдаты,
Что этот флаг седая мать
Вдруг вынесла из хаты.
И ожил он в её руках.
И сила в нём такая,
Что он врага вгоняет в страх
Со времени Мамая.
И неразлучен он с мечом
Древнейшего закала,
Ведь Русь вовеки с кумачом
Победу добывала.

7 апреля 2022 года

Дмитрий МЕЛЬНИКОВ (Москва)

* * *

Великая весна приходит на Донбасс,
Храни вас всех Господь, вы лучшие из нас,
На траурный Донецк из ледяной Вселенной
Струится вечный свет, нетварный и нетленный,

На пролитую кровь, на скромные цветы,
Нет, ничего не будет так, как раньше,
У прошлого – безумные черты,
У будущего – светлые, не плачь же,
Бывало, что врагу мы подавали руку,
Сухую и горячую ладонь,
Но больше не простим, спасибо за науку,
За слёзы стариков – огонь, бойцы, огонь.

Март 2022 года

* * *

С утра снаряд прошивает дом,
Убивает отца и мать,
Теперь я один проживаю в нём,
Спрятавшись под кровать.

У кошки кровью сочится глаз,
Сгорела шерсть на лице,
Но снова наводчик, не торопясь,
Подкручивает прицел.

И снова флажок поднимает палач,
И новый летит снаряд,
Не бойся, котя, не плачь, не плачь,
Им за нас отомстят.

**Елизавета ХАПЛАНОВА
(Макеевка)**

СБЕРЕГИ МЕНЯ, РОССИЯ

Ты – эпоха и мессия,
Я – печали и долги.
Сбереги меня, Россия,
Словно иву у реки,
Словно длань твою и латы,
Сохрани для ратных дней,
Словно флягу – для солдата,
И для путника – ручей.
Окорми стихом Завета,
Дай пройти твой пыльный путь.
Я тебе за всё за это
Пригожусь когда-нибудь.
И прикрою грудью верной,
И вдохну вторую жизнь.

Стану над твоим рассветом
Будни светлые вершить.
Ну а если оборвётся
На тебе моя строка,
Небу русскому всплакнётся –
И наполнится река...
Не ищу судьбы красивей –
Век мой странный и благий.
Сбереги меня, Россия...
Для себя же сбереги.

* * *

Мужчине за честь для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям: «Будем жить!» –
И больше ни слова об этом.

О жарких боях не дознается мать,
Об этом не скажут невесте.
Служить так служить! Воевать? Воевать
С достоинством, верой и честью.

Лишь вздрогнет над ним голубой небосвод,
Завидев солдатскую ярость,
Услышав знакомую фразу: «Вперёд!»,
Что в русской крови прописалась.

И в схватке лихой он, мужчина-боец,
Познает свою же породу.
И грудью пойдёт на летящий свинец,
Не зная ни леса, ни броду.

Но надо дойти. По-другому никак.
Добыть для России победу!
Сквозь дым рукопашных, сквозь ветер атак.
Сквозь память о подвиге дедов.

Мужчине за честь для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям: «Будем жить!» –
И больше ни слова об этом.

Март 2022 года

Иван ЛУКИН

(05.04.1998, Москва – 15.03.2022,
Мариуполь)

В Мариуполе 15 марта 2022 года во время выполнения разведывательного рейда в тылу противника (район завода «Азовсталь») погиб гвардии матрос 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты Иван Борисович Лукин – пулемётчик роты разведки, талантливый поэт, прозаик и сценарист, актёр, студент Литературного института им. А. М. Горького.

* * *

На земле, смешанной с порохом,
не видно травы,
только грязь, только поросль
мелких капель зимы.
По зиме тянет красная, неясная синь –
то расплакались пули и осколки мин.
А война так беспомощна...
И безжалостно кровь
убегает из гордых, непокорных голов.
Будет страхом смеяться
этот страшный удел.
Где бы ни был – не прятался
в протяжении вен...

Стихи из огня

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ (Москва)

ОПЕРАЦИЯ

Мой дед, простой советский пехотинец,
В сороковые грозные года
В Европе не бронировал гостиниц –
Без спросу брал чужие города.
Отец, механик лётной эскадрильи,
Отозванный страной от школьных дел,
Крепя её «стальные руки-крылья»,
До Польши без шенгена долетел.
Сегодня соплеменники позвали
Парней, что мне годятся в сыновья,
Помочь очистить от нацистской швали
Ту землю, что от века нам – своя.
Не место примиренческому трёпу
Во времена коричневой чумы.
Сперва – оздоровим свою Европу.
С чужой – потом договоримся мы...

2 марта 2022 года

УРОК ГЕОГРАФИИ

Кто Украину путает с Ираном,
Кто к ней отнёс Воронеж и Ростов –
Плевать им на Богданов да Иванов,
Насельников неблизких городов.
Их бронепоезд мчит по прежним рельсам,
Их пушки бьют, как прежде, наповал.
Не так ли Лондон путал Крым с Уэльсом,
Когда на Севастополь нападал?
Я буду краток в обращение кротком
К невеждам и невежам всех мастей:
Учите географию по сводкам
О продвижение «вежливых людей».

3 марта 2022 года

**Валерия САЛТАНОВА
(Ростов-на-Дону)**

СУДЬБА

Где своих убивают, бомбят города,
Где свирепствует ложь, как чума,
Если русский не встанет – не схлынет беда,
Не закончится эта зима.
Потому ли так птицы поют по утрам –
Вдохновенно, бесстрашно, светло?
Только русский и выметет пакость и срам
Там, где крышу безумцам снесло.
Ополчились на истину своры элит,
Лай разносит на годы вперёд...
Только русский сегодня, как тот Айболит,
С Бармалеем сражение ведёт.
С человеческой слизью нет тяжче борьбы –
И в своём, и в соседнем доме.
Если русский своей не почует судьбы,
То спасти нашу Землю кому?

19 марта 2022 года

**Виктор КАРПУШИН
(Московская область)**

* * *

Не только комья чернозёма,
Не только гарь сожжённых сёл...
Весенних лучиков солома
Покрыла орудийный ствол.
Бойца смущённая улыбка,
Просвет недолгой тишины.
И кособокая калитка –
Напоминание войны.
Напоминание тяжкой доли,

Когда таился русский дух...
 Утюжат БТРы поле,
 И слёзы на глазах старух.
 Наступит время – всё поправим,
 Побелим яблони в саду.
 Нежданный снег на чёрной раме,
 Осколки в потемневшем льду.
 4 марта 2022 года

* * *

Пришла пора вступить за державу,
 За русских на своей святой земле.
 Явившим миру доблести и славу
 Не подобает пребывать во мгле.
 Терпели долго, долго запрягали,
 И вот настала русская весна,
 Когда приятен дым донецкой дали,
 И ясен свет, и праведна война.
 Солдат усталых привечают вербы,
 Оттаявшие возле чёрных хат...
 Гул вертолётов в не вечернем небе,
 А гаубицы до утра молчат.
 Горжусь, что мыслю древним русским словом,
 И, до конца храня родную речь,
 Останусь милосердным и суровым.
 А как иначе Родину сберечь?

Валентина ЕФИМОВСКАЯ
 (Санкт-Петербург)

ВРЕМЯ Z

В начале было Слово – мысль без звука,
 И воцарился во Вселенной Свет.
 К Первообразной тяготеет буква –
 Метафизическая греческая Z –
 Как символ приношенья Богу жертвы
 Иль курс координаты бытия,
 Как объявление аду часа смерти
 И знак архистратигова копья.
 Архангел Михаил – небесный воин –
 В конце времён повергнет Сатану.
 А ныне наши русские герои,
 Осуществляя время Z любовью,
 Победный путь с кровотокающей болью
 Торят через крошечную войну.

Виктория МОЖАЕВА
 (Ростовская область)

* * *

Предавали Родину и веру,
 Оставляли мёртвых по полям,
 Украина славил Бандеру
 И желала смерти москалям,
 И в пыли растерзанного праха,
 И под хламом взорванных мостов
 Холодела Родина от страха
 У поклонных каменных крестов.
 И опять по небу птицы, птицы
 Торопились в лучшие края,
 Словно пепла серые частицы
 От врагом сожжённого жилья,
 И, подняв коричневые веки,
 Выползали вии из земли...
 И тоска... как будто бы навеки
 Покидают землю журавли.

Михаил КИЛЬДЯШОВ
 (Оренбург)

СЛАВЯНСКОМУ БРАТУ

Земля дрожит от страшной мести,
 И сад не хочет расцветать,
 Но завтра жить мы будем вместе
 И станем раны зашивать.
 Наш век империю пророчит
 От самых берегов Днепра,
 И лунные мы вспомним ночи,
 И близ Диканьки вечера.
 Враг не прощает нам славянства.
 Мы не простим врагу фашизм.
 Нас ждёт пасхальное убранство,
 Врага – последний катаклизм.
 Мой брат, ты первородству верен.
 Нам хлеб теперь растить вдвоём.
 Люблю я песню «Цвіте терен» –
 Давай скорей её споём.

Виктор КОВРИЖНЫХ
(Кемеровская область)

ВЫШИВАНКИ

Для последнего часа свиданья,
Упиваясь небесным огнём,
Вышиваешь иглою Майдана
Вышиванки на теле своём.
Лягут крестик с веночком и строчки,
Алой кровью наполнятся швы.
Обернутся воронки в цветочки,
А траншеи в ажурные листы.
Чудный месяц на теле и звёзды.
В честь высоких заморских гостей
Вспыхнут росы, как чистые слёзы
В небеса унесённых детей.
Дым и горечь полынного хлеба,
Гарный хлопец над полем ржаным.
Блещет жовто-блакитное небо
Над коханным простором твоим.
Ради воли высокой и цели
Гайдамаки от мира сего
Для любимой тебя не жалели
Ни себя, ни родных – никого.
Захлебнувшись сыновней любовью,
По следам самостийных годов
Напитают москальской кровью
Вышиванки вишнёвых садов.
Возойдут из поганого склепа
В золочёный державный жупан:
Посполитовый гетман Мазепа,
Незалежный Бандера Степан...
Вышиваешь, себя обряжаешь,
Как в последний готовишься путь.
Ждёт жених из предтечных пожарищ,
Звонкой песней прострелена грудь.
С рушниками придут за тобою,
Вознесут на престол к образам.
И в церквах твоих ветер завоюет
И откроет всем виама глаза.
Протокольные речи назначат,
Рухнет птах на средину Днепра!..
Только русское сердце заплачет
По тебе, дорогая сестра...

Валерий ЛАТЫНИН
(Москва)

НЮРНБЕРГ ЖДЁТ

Где бы ни запрятался лукавый,
Бог его и под землёй найдёт.
Так и хунту за Майдан кровавый
Трибунал нюрнбергский вскоре ждёт.
И какие б силы ни стояли
У авантюристов за спиной,
На небесной пишется скрижали
Летопись истории земной.
Будет суд! Неотвратима кара
И народа, и небесных сил
За устройство бойни и пожара
В колыбели Киевской Руси!

Татьяна ЯСНЕЦКАЯ
(Санкт-Петербург)

* * *

Мы были, есть и будем
На землях праотцов,
И радость к русским людям
Придёт в конце концов.
Не та у нас дорога,
Не люб вам наш народ?!
Убого? Нет: у Бога
За пазухой живёт!
Готов он к лихолетьям.
Средь тягот и забот
Столетье за столетьем
Хранит свой древний код.
Не первой чёрной своры
Взрастает лебеда.
Народный суд нескорый,
Но праведный всегда.
Во вражьих окруженьях
Нам свой беречь простор
И побеждать в сраженьях
Беде наперекор.

ВОПРОС ЧЕСТИ

«На Пасху огонь был особенно плотный. Стрельба не прекращалась с обеих сторон...» Хорошая фраза для начала рассказа. Андрей Тимофеев, когда будет разбирать на литературном семинаре, непременно скажет, что слишком пафосная. Надо бы записать. Правда, записать некуда. От яркого солнца на экране мобилы ничего не разглядеть, а тонкий походный блокнот в нагрудном кармане кителя совсем отсырел, да и карандашный огрызок я где-то потеряла.

– Вот и вот, – боец с позывным Моцарт тычет пальцем в посечённые стволы деревьев, срезанные ветки, подтверждая свою мысль про активный огонь на Пасху.

Мы совсем не похожи на героев Андрея Тимофеева, его герой из романа «Пробуждение» решительно и красиво уезжает в ночном автобусе на Донбасс. А мы шаримся в окопах под Авдеевкой. На моих берцах застывшая, потрескавшаяся глина, штаны в серой земляной пыли. И башка люто чешется при одном воспоминании о горячей воде. Я лезу под каску и скребу всей пятернёй. До линии обороны укропов метров триста, и прилёты на тропе до блиндажа свистят регулярно – после минных разрывов на ярко-зелёной весенней траве остаются дымящиеся чёрные ямы.

– Воздух! – командует Моцарт, который топает впереди – и тут же технично складывается и перекачивается набок. Я так не умею, грузно падаю под хлопок разорвавшейся где-то слева мины, ударяюсь коленом, локтем и пару секунд смотрю на почти прозрачные от солнца стрелы травы, пронзающие небо.

Дальше по тропе до блиндажа мы сосредоточенно бежим.

– Польские миномёты у них появились, – уже на месте объясняет Моцарт, он складывает на земляном выступе крошечный шалаш из палок,

разводит костерок, ставит рядом жестяную закопчённую кружку, – у них выхлопа нет. Обычно секунды две, чтобы сориентироваться: вжух – и где-то долбанёт, а эти – без предупреждения, мощные прилёты, хлёсткие.

Я отпыхиваюсь на дне окопа – бегать в броне не самое приятное занятие. Окопы знатные, глубокие, бетонированные, их взяли совсем недавно, немного подправили под себя. На бревно насажена каска-обманка. Калмык гладит облезлого и тощего кота-шпротика. Кот от людского внимания тархтит, как БТР. Интересно, окопные коты и к укропам так же приходят, а те их гладят и подкармливают тушёнкой?

Если буду писать рассказ, то по литературным канонам Калмык в систему персонажей не вписывается. Сюжет не двигает, тему не раскрывает. Зато он приехал на передовую делать репортаж, потому что настоящий военкор, не то что я – безвестная и безымянная. «Твоя проблема в том, что ты слишком любишь своих персонажей», – говорил Андрей Тимофеев. И поэтому я сейчас внимательно смотрю, как Калмык гладит кота, чтобы непременно об этом написать. Сколько раз этот военкор уже мотался через границу, чтобы привезти такую нужную для добровольцев снаряду...

– Эй, Буковка, тебе тридцать семь. Тебе давно пора дома сидеть и борщи варить, – говорит Моцарт.

– Борщи – это тема, – соглашаюсь я.

Буковка – это мой несуразный, слишком длинный позывной, в эфире он сливается в Букашку, Буку, Кафку...

– Когда укропы в плен сдавались, их борщом кормили, пирожками, аж зло берёт. Нас не кормят, – продолжает свою мысль Моцарт. Он весь какой-то породистый, точёный, ладный, как офицер из советских фильмов. И тут же

разъясняет: – Да я всё понимаю, зачем это – чтобы они в плен пошустрее сдавались. Но всё равно зло берёт.

Подошедший Старый поправляет ремень автомата, прикуривает у костерка согнутую дугой сигарету, вздыхает:

– Ночью за двухсотыми на поле пойдём, месяц уж лежат. Не по-людски это.

– Наши? – интересуется Калмык.

– И наши, и не наши, – отвечает Старый. У него на макушке свёрнутая по краям валиком шапка-плевок. Как у Змея из сериала «Спецназ».

– Кто за нас воюет, тот и наш, – поясняет Моцарт.

– Да мы и укропов выносим. В мешки складываем и выносим. Была договорённость, чтобы телами обмениваться, но с их стороны не срослось что-то, – сетует Старый, – приходится закапывать...

– Тоже люди. Жалко, – проносится грустным эхом. – Там не только укропы. Итальянцы точняк есть и поляки.

– А мне свои руки жалко, – ворчит Моцарт. – Убиваешь их, убиваешь, ещё и закапывать.

– А у нас в Сирии так и было: ты убил, ты и закапываешь, – улыбка Старого похожа на гримасу, – там же жара, не закопаешь – к вечеру будет беда.

– Заминировано там? – спрашивает Калмык.

– Уже нет, наши сапёры сработали. – Моцарт отхлёбывает из чашки и прикрывает глаза. – Простреливается хорошо.

– Там ближе двух метров не подползти. Дух такой... Давно лежат, – развивает тему Старый. Моцарт дёргает плечом. Я чувствую, как подступает тошнота, хотя вокруг по-прежнему пахнет только землёй, дымом и травой.

– Фиг знает, как их вынести, – размышляет Старый.

– Крючком зацепить за броник? – предлагает Моцарт и тут же сам себе мотает головой: тупанул.

– Ну и дотянешь только то, что в бронике застрянет, а остальное как по полю собирать? – хмыкает Старый.

– Да... что делать – поблюём, но своих забрать – это вопрос чести.

Олисава ТУГОВА

Окончила Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, магистр филологии.

Участник Межрегионального совещания молодых литераторов в Ярославле (2018, 2019), молодёжного арт-форума «Таврида-2019» и др.

Лауреат премии «Золотое перо Руси» (2019, за книгу «Когда поёт Лис»).

Публикации в литературных журналах «Юность», «Дон», и других.

Член Союза писателей России.

Руководитель литературного объединения «Солнечный круг».

Они спокойно едят консерву, а я смотрю в глубокое, живое, кобальтового цвета небо. На днях на КПП рыдала женщина, мать одного из тех, кто лежит сейчас в том поле, она вцепилась тонкими крючковатыми пальцами в плечи Старого, и её лёгкие, пушистые седые волосы топорщились, как перья, – она была похожа на птицу Сирин и кричала тоже по-птичьи:

– Почему ты живой, а он нет? Сдохни тоже! Сдохни! Сдохни!

– Она – мать, – так подытожил потом Старый.

Я верчу между пальцами найденный в кармане алый обломок скорлупы крашеного пасхального яйца, щелчком отбрасываю его в фисташковую траву и думаю, что если я закончу так рассказ, то это будет, конечно, символично, но слишком нарочито. Мой сын тоже через пару лет пойдёт в армию. И это страшно, но правильно. Это тоже вопрос чести. А моя жизнь вообще бессмысленна. У меня не получится даже написать нормальный рассказ об этом дне. Зато я могу его прожить.

Олисава ТУГОВА

Май 2022 года

ВОЙНА НА ХАРЬКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСКИ

Не знаю, можно ли называть подразделение, место боя, имя воина, поэтому ограничусь лишь направлением – харьковское, район Русской Лозовой. Время – майские праздники. Эта бригада спецназа заходила первой на рассвете 24-го. Была в Харькове, вышла по приказу. «Пожарная команда» – бросали на самые опасные участки, и они блестяще выполняли задачу. Мы были рядышком с первых дней, но встретились только вчера, да и то на несколько часов – отвозили из города обратно на позиции.

Командир разведгруппы – офицер, совсем юный, худющий и жилистый, наш земляк из соседней области. Зовут Александр, с греческого – «защитник». Сын старшего офицера, отмотавшего Афган и две чеченские, теперь сражающегося на Донбассе. Но о нём рассказ отдельный, а сначала о его сыне. О наших мальчишках, взваливших на свои плечи груз ответственности за Россию.

В этот день они отражали атаку за атакой накачанных наркотой нациков. Оставшийся танк загнали в укрытие, наказав сержанту не высываться, пока не получит приказ. Сержант ждал, когда позицию засыпали снарядами и минами. Он ждал, когда накрыли взвод «Градом». Ждал до тех пор, пока укры не подошли на бросок гранаты, и тогда нарушил приказ. Задраив люк и выключив рацию, сержант приказал сам себе: «Вперёд!»

Выскочив из укрытия на озимые, сержант за несколько минут сжёг два танка и три бээмпэ, а затем намотал на гусеницы десятка четыре бесов и вернулся обратно. Изумрудная зелень, испятнанная красным – кровь от разорванных тел, и пять факелов с чёрными клубами. Это не сюр – это страшный оскал войны. Она знает три краски: чёрную, красную и белую – цвет бинтов...

Сержант за нарушение приказа получил втык, но всё равно ещё дважды его танк выры-

вался из укрытия и давил, давил, давил, потому что к исходу дня закончились боеприпасы. Они дрались в окружении, дрались, когда уже не осталось сил. Дрались, когда драться уже было нечем. Даже получив приказ на отход, они всё равно дрались. Ночью они вышли к своим, вынеся всех раненых. И никто не считал их героями, не кричал, что они совершили подвиг.

Да, это была рутинная солдатская работа. Саша так и сказал: «Отработали, немного устали, вот отдохнём чуток – и завтра опять на работу». Александр – значит Защитник. Они все Александры земли Русской. Храни их Господь! Расстались с ним за Стрелечьим. Он уходил, прихрамывая и забросив за спину рюкзак. Отец короткими затяжками добивал сигарету. Вечерело. Прямо на озимые легли мины, вздыбив землю. Чёрное с зелёным. Война взяла в руки кисть. Господи, пусть у неё не хватит краски.

* * *

Бойцы под руки волокли сержанта к санитарной «таблетке», а Саня, командир разведвзвода, шкандылял сбоку и ворчал на своего «замка» (замкомвзвода): «Почему не дождался? Почему сам полез? А если бы...» Обошлось без «если бы». Старлей порвал связки, когда неудачно спрыгнул с «брони», и группу повёл «замок». Задание плёвое: выйти к селу, прошупать атмосферу и вернуться, поэтому сержант не стал дожидаться, пока ногу командира обколют и спеленают.

– Мы сами, командир, – сказал «замок», улыбнулся и потёр ладони. – Ох и порезвимся без тебя.

Старлей застонал даже не от боли, а от слов своего безбашенного зама и бессилия что-либо изменить, поэтому погрозил кулаком, изобразив зверскую рожу:

– Только попробуй, проходимец, сгною. Зайди и выйди на мягких лапках.

* * *

Зашли, залегли, притаились напротив лубопытного особнячка. Крузак и элька появились после полудня. Припарковались возле ворот, один из вылезших из салона парней ушёл в дом, остальные разминались, курили, о чём-то переговаривались и громко смеялись. Сержант приказал взять их на мушку, но огня без команды не открывать, а сам тихонько снялся и, скрадывая добычу, огородами выбрался в другой конец улицы.

Он вышел со стороны Дергачей, поэтому его приняли за своего. Уходивший в дом вернулся, и приехавшие стали выгружать тубы, в которых транспортируют пиндосские ПТРК (противотанковые ракеты). Он шёл не спеша, вразвалочку, насвистывая мотивчик и зажав в руке эргэдэшку (граната РГД-5).

Конечно, наглость, даже высшей степени наглость и вызов, но в этом весь сержант. Оторва по жизни, непричёсанный и не занузанный в армейскую упряжь даже уставами и командирами. Один из приехавших поднял голову, внимательно посмотрел на приближавшегося незнакомца, прищурился и окликнул. Оставалось с полсотни шагов. Сержант ускорил шаг, сокращая дистанцию, улыбнулся, махнул в приветствии левой рукой, а правой метнул гранату под ноги крутившихся около крузаканациков. Ещё не осела поднятая взрывом земля, как он всадил короткую очередь прямо через заднее стекло в водителя и тут же метнул вторую эргэдэшку в кузов пикапа. Двенадцать секунд, два внедорожника, пятеро покровлённых в хлам нациков и ещё трое годных к транспортировке «языков», разнесённые в куски ПТРК и ПТУРы и ещё четыре целёхоньких.

Всё бы хорошо, если бы не выброшенный взрывом «фагот» (ПТУР). Он долбанул по голове сержанта, отчего земля качнулась и в глазах померкло. Как потом сказали врачи – закрытая черепно-мозговая травма средней тяжести. С черепной травмой Саша согласился, но чтобы мозговая – это слишком.

Ну откуда у этого отморозка мозги? Конечно, была бы каска – всё бы обошлось, но разведчики ни бронеков, ни касок не носят. В госпитале заместителю командира взвода разведки сержанту В. вручили Георгиевский крест. Саша получил выволочку за разорванные связки на ноге.

* * *

10-го с Васильевичем искали его сына. У Вити Носова переживания были на лице, а отец сдерживался, только курил всё чаще и чаще. Саша должен был выйти, ждали весь день, искали, но безуспешно: колонну накрыли РСЗО и арта, потом добивали из засады. Ох уж эти колонны! Такое ощущение, что не все генералы Российской армии знают то, что знали сержанты Советской. Азбука: как минимум дозорное отделение, головной дозор, боевые походные заставы, боковое охранение, замыкание, тыльная походная застава. Сына ждали сутки: среди «двухсотых» и «трёхсотых» его не было, как не было среди живых. Оставался плен, но эту мысль отец не допускал: сын разведчик, в плен не сдаётся.

Саша действительно вышел через сутки и вывел своих ребят, по пути захватив наёмника. Американец украинского происхождения. Лежал, закрыв голову руками и сбросив броник. Рядом лежали автомат, «глок», гранаты. Лежал и орал, что свой, что его не надо убивать, ещё что-то про Женевскую конвенцию. Второй пиндос страдал рядом: здоровый бугай, откормленный, тяжёлый. Прошитый очередью, он не мог сам идти, плакал и просил оставить в живых: дома двое деток ждут не дождутся...

У Сани вес 60 кило с ботинками, такого борова не дотащить. Да и никто не звал его на нашу землю, но раз сам пришёл – оставайся. Навечно. Война жестока. Укроамериканца доставили и передали по принадлежности – повезло, веса был транспортируемого.

А Саша получил очередной втык за то, что всю ночь «болтался чёрт знает где сам, да ещё бойцов таскал за собою». Извинился, сослался на плохое знание местности. Обещал исправиться.

Объяснение удовлетворило.

Сергей БЕРЕЖНОЙ
(сайт «Русское воскресение»)

Позывной – Победа!

Михаил ДУШИН (Кострома)

ПОЗЫВНОЙ – РУССКИЙ!

Из Костромы и Курска,
Из Грозного и Казани...
Наш поЗыВной – РУССКИЙ,
Поэтому Бог с нами!
Из Донецка, Иркутска,
Луганска и Волновахи...
Наш поЗыВной – РУССКИЙ,
А русский не знает страха!
Не прячемся за «тунгуски»,
Не бьём по домам из «градов».
При поЗыВном – РУССКИЙ
По щелям прячутся гады.
Фашисты, наёмники, звери,
Скоро вам будет пусто...
Едет на БТР
Пацан с поЗыВным – РУССКИЙ!

Игорь ИЗБОРЦЕВ (Псков)

Я РУССКИЙ СОЛДАТ!

Я лакец, аварец, чеченец, лезгин...
Я русский солдат, я – непобедим!
От нас не отнимут грядущих побед,
Об этом России сказал Президент!
Я сету, даргинец, татарин, мордвин...
Я русский солдат, я – необорим!
Я щит для России, я меч для врагов,
Защитник своих и гроза чужаков!
Я вепс, я ингуш, абазин, караим...
Я русский солдат, я – несокрушим!
Я Псков и Москва! Сыктывкар и Якутск,
Я Грозный, Саранск, Абакан и Иркутск!
И наших полков, как ни силсья, не счесть...
Я русский солдат, я – и слава, и честь!
От нас не отнимут грядущих побед,
Об этом России сказал Президент!

РУССКАЯ ВЕСНА – 2022

Сегодня первый день весны,
И он – как в горле горький ком...
Что это? Выстрелы слышны?
Иль Божий гнев? Иль ранний гром?
И почему шумит капель
И от нее вскипает плёс?
Нет, всё-таки стреляют в цель!
И не капель, а реки слёз!
Не ранний гром, но Божий гнев...
Но всё ж пусть он минует нас!
Пусть, боль и смерть преодолев,
Не дрогнув, выстоит Донбасс!
Пусть хватит воли, хватит сил!
Мы горю власти не дадим!
Врагу пусть будет час не мил,
Мы русские, мы – победим!
И света не закроет тень,
Не остановятся часы...
Встречаем марта первый день,
Встречаем русский день весны!

Владимир СИЛКИН (Москва)

АНТИДЕЯТЕЛЯМ КУЛЬТУРЫ

Сытые и модные витии!
Вам плевать сегодня на страну!
Разве можно не любить Россию,
Если мир ей объявил войну.
Что же вы стреляете ей в спину,
Где же ваша совесть, господа?
С вашей поддержкой не покинут
Этот мир нацисты никогда.
Это стыдно, а точнее – подло –
Бить военных воплями под дых.
Никогда в России ваша «кодла»
Не полюбит ратников своих.
Мы за тех, кто точно хочет мира,
Мы за тех, кому даны права,
Мы всегда встаём за командира,
Мы с тобой, Россия и Москва!

* * *

Либералы-пацифисты
Заявляют: «Нет войне!»
И фашисты, и нацисты
Беспрестанно бьют по мне.
И мороз идёт по коже
От визжащей этой тьмы.
Кто же Родине поможет
В этот час, если не мы?!
Вместе с армией родною
Перемелем вражью мразь,
Со своей родной страну
Не дадим втоптать нас в грязь.
2 марта 2022 года

* * *

Наше оружие – слово,
Мы не приемлем бравад.
И поднимается снова
Нас защитить Сталинград.
С нами погибшие деды,
Смотрят сквозь вечную тьму.
Славные наши победы
Не отдадим никому.
С армией нашей и флотом
Нас невозможно сломать.
Если не ведает кто-то,
Родина – это же мать.
Мы защитим её снова,
Мощь в нашей армии есть.
Наше оружие – слово,
Выдержка, слава и честь.
2 марта 2022 года

ПЕРЕПРАВА

*Герою России старшему лейтенанту
Антону Старостину*

Противник прёт, а ты назад – ни шагу,
Сминаешь всё, что на твоём пути.
Не для того ты дал стране присягу,
Чтоб от неё однажды отойти.
Тут твой рубеж, а проще – переправа.
Машины вражьи перед ней зажглись.

И на кону и честь твоя, и слава,
Которые в судьбу сейчас вплелись.
Грохочет танк, один стоит за роту,
И дело тонко знает экипаж.
Затихнет бой, и унесёт кого-то,
Но этот берег будет нынче наш.
6 марта 2022 года

ЗАСАДА

*Герою России, командиру танковой роты
гвардии капитану Алексею Лёвкину*

Населённый пункт Чупринки.
На дороге ни следа.
В это время даже кринки
Не сушили никогда.
Если честно, не до кринок.
Вражьи танки встали тут.
Не сожги их, от Чупринок
Головёшек не найдут.
А тем более – засада,
А тем более – война.
«Капитан, ты слышишь, надо,
Смотрит на тебя страна!»
И танкисты бьют по цели,
И танкисты бьют под дых.
Чтобы наши уцелели,
Чтоб никто не тронул их.
БМП горят и танки,
Наши снова на броне.
Получай, нацист, болванки,
Догорай, нацист, в огне!
6 марта 2022 года

Михаил СИЛКИН (Москва)

* * *

Таёт снег, полей прохлада,
Неба голубого синь...
Потеплело. Сеять надо.
Эх, земля моя, остынь...
Горький смрад железных зёрен,
Разъедает твою плоть.
Как могу я быть спокоен?
Дай терпения, Господь!

Западный тяжёлый ветер
Покачнул. Я не упал.
Я пока что не ответил,
Я пока сильнее стал!
Я ведь только распрямился,
Я ведь только сделал шаг,
Я ведь заново родился,
Я узнал, кто друг, кто враг...

2 марта 2022 года

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ (Москва)

МОСКАЛЬ И ХОХОЛ

Если б я знал, что будет так:
Там, где был друг, – там теперь враг,
Смог ли давно, друга любя,
Пулю его взять на себя?
Этот приколы знали мы встарь:
«Здравствуй, хохол, здравствуй, москаль!..»
И, не щадя юных голов,
Брали Донецк, Киев и Львов.
Помнишь тот бой в центре земли,
Где мы с тобой оба легли?
Сыплет на холм солнце янтарь:
Кто тут хохол, кто тут москаль!..
Помню и я, ещё живой,
То, как ты встал передо мной,
Чтобы спасти, хоть и не спас.
Ты уж прости, Господи, нас...
Что же теперь, злобой пыля,
Смотрит хохол на москаля?
Иль на земле, там, где светло,
Словно во мгле, память снесло?!
Пусть мы давно стали золой,
Но всё равно и под землёй,
И среди тьмы, и под звездой
Помним, что мы – крови одной!
Слышишь, хохол, павший солдат,
Если б я всё знал это, брат,
Я б и тогда – в давнем бою –
Принял в себя пулю твою!..

...ПОСТЫ ПАМЯТИ

На площадях, на кладбищах и в парках,
Где шли бои, у гор чужих и рек
Они стоят, упавшие в атаках,
Они стоят, воскресшие навек!
И не уйдут ни днём они, ни ночью,
Не бросят пост под снегом и дождём...
Держись, Алёша, бой ещё не кончен,
Дождись, братишка, мы к тебе придём!
За их спиной гранитные знамёна,
А на руках – и дети, и цветы,
И, помня всех упавших поимённо,
Они стоят, как памяти посты.
Всё краше жизнь в спасённых ими странах
И всё скупее речи и венки.
Ещё вчера – любимы и желанны,
Уже сегодня – будто бы враги.
Пусть не сотрутся памятные даты,
Врезаясь в мир тревожащей строкой.
Они стоят – советские солдаты –
Не тяготятся должностью такой!
И не уйдут ни днём они, ни ночью,
Не бросят пост под снегом и дождём.
Держись, Алёша, бой ещё не кончен,
Дождись, братишка, мы к тебе придём!

Надежда ГУМЕНЮК (Чита)

* * *

Словно раны присыпаны солью,
И душа горькой болью щемит –
Так снарядами вспахано поле,
Будто сердце Донбасса болит.
А войною разбитые хаты
Словно чёрные шрамы земли –
И стоят тополя, как солдаты,
На защите святыней своих.
Но Донбасса не сломлена воля,
Как добытый крепка уголёк, –
Хоть сурова шахтёрская доля,
Мир в донецких степях недалёк.
Снова в небе весенние зори
В тишине алой мглой расцветут –
И туманом рассеется горе,
А окопы травой зарастут.

Андрей БАБОЖЕН (Чита)

* * *

И всё же последнее слово,
Как прежде, за русской страной,
А ветер истории снова
Играет нацистской волной.
Волной, что несёт муть и глину
На берег победной весны,
Собою топя Украину
И славя детей сатаны.
За что погибали солдаты
Три четверти века назад?
Зачем шли в атаку штрафбаты,
Сражаясь за свой Сталинград?
Чтоб подлое чёрное знамя
Скреблось о небесную гладь
И страшное адское пламя
Смогло возгореться опять?!

Но, видно, потерял рассудок
У тех, кто под флагом зверья.
И стебли они незабудок
Скосили литовкой вранья.
Фашизм, шовинизм – всё не ново,
Всё было такой же строкой.
Но только победное слово,
Как прежде, за русской страной!

Геннадий ИВАНОВ (Москва)

* * *

Привыкаем жить без Украины.
И теперь, быть может, навсегда
нам чужие степи, и долины,
и Днестра широкого вода.
Так бывало в мире, так бывает.
Братья тоже ссорятся навек.
Киев золотой наш уплывает,
на враждебный уплывает брег.
Как хочу я в этом ошибиться:
наваждение, бес попутал – вот
перебесятся, и устремится
снова к нам украинский народ...
Но покуда вижу: всё сильнее
там вражда к России и всё злей,
молодёжь – безжалостней, наглее,
и Россия ненавистна ей.
Там у нас у многих пуповины.
Там святых истоков благодать.
Привыкаем жить без Украины...
Не хочу, не буду привыкать.

Елизавета ХАПЛАНОВА (Макеевка)

ДЕРЖИТЕСЬ, РЕБЯТА

То ли сон, то ли явь, но летят на восток
Отчизны снаряды.
И снайперы метят вам точно в висок...
Держитесь, ребята.
Достанет вам сил, чтобы встать и стоять
До полной победы!
Донбасс и Россия – славянская рать,
Здесь общие беды.
Плечо подставляют Самара и Брянск,
Ростов и Саратов...
Держитесь же, Славянск, Донецк и Луганск!
Держитесь, так надо...
Орёл и Казань, Краснодар и Сургут
Молитвы читают.
Но земли Донбасса взрывают... И бьют,
Пощады не зная.
Российское братство стремится помочь –
Спасибо, что рядом.
Наступит рассвет, канет в прошлое ночь.
Держитесь, ребята!

ТАЛАНТ

– Санька, ты почему домой не идёшь? Уроки два часа как закончились.

Санька обернулась и увидела перед собой незнакомого старика. Если бы она его видела раньше, то, конечно, узнала бы. Бородёнка торчит во все стороны, на голове шапка-ушанка, шуба из зайца, будто на улице не май месяц, а декабрь. Стоит и улыбается.

– Вы откуда моё имя знаете? – спросила его Санька.

– Я всех в нашем посёлке знаю. И твоих сестёр, и твоего брата Лёньку. Хулиган. Тюрьма по нему плачет. И маму твою – Марию. Серьёзная женщина – ей бы полком командовать, а она вас нянчит. Я помню, как твой батька впервые в шахту спустился, кстати, ему тогда было, как и тебе, десять лет. Знаешь об этом?

– Нет, не знаю.

– То-то и оно. Неинтересно тебе это. Вырастешь, будешь жалеть, что не спрашивала, да спросить будет не у кого. Четыре войны он прошёл. Два раза с германцами, Гражданскую и японцев в сорок пятом бил. А начинал работать на шахте твой батька саночником. Фартук брезентовый, цепь на шее, и к ней привязан ящик на полозьях – санки. Ползёт саночник по штреку к забойщику, подбирает отбитые куски угля и в ящик складыва-

ет, а потом тянет его на четвереньках к вагонетке. Заполняют саночники вагонетку углём доверху. Тяжёлая вагонетка, с места не сдвинешь. Вот тогда и начинается работа коногона. Подгонять кнутом лошадь. А лошадь оттого, что не видит солнечного света, слепая. Работа в шахте не сахар. Подрост твой батька, сил поднакопил и перешёл в крепильщики. А потом уж пошёл работать в забой. Что-то я отвлекся... Почему, Санька, домой не идёшь? Двойки получила или что пострашнее?

– Эх, если бы двойки, – с печалью в голосе ответила Санька. – За двойки мама поругает и забудет. А вот за поведение... На весь разворот дневника красными чернилами замечание. Выпорет меня за него мама ремнём.

– И что ты натворила? Подралась? С Мишкой Крысой?

– Что за люди, – возмутилась Санька, – три часа прошло, как я ему фонарь под глаз поставила, и уже об этом весь посёлок знает.

– И за что ты с ним подралась? Сам бы он к тебе не полез. Во-первых, твой брат ему это не простит, отлупит так, что всю жизнь будет помнить. А во-вторых, ты девочка у нас не слабая.

– Конечно, не слабая, всё лето поливала огород. Наберёшь два десятилитровых ведра воды из колодца, повесишь их на коромысло – и бегом

из оврага по узенькой тропинке. И так за день раз четыреста... Нас в семье много – без огорода пропадём. А посадить, а прополоть, а выкопать... Я любого мальчишку из нашего класса на руках поборю. А Мишка Крыса сам виноват. Он деньги у первоклассников отбирал и к нашим девочкам под юбку рукой залазил. Получил за дело.

– И что, ваша классная руководительница этого не знает?

– Знает. Но не наказывает. У него папа не то что мой – главный по снабжению шахты. Богатый. А мама поселковым магазином заведует. Вот я виноватой осталась. Нашей Луизе недаром кличку дали: Луиза-подлиза. Очень она начальство любит и богатых родителей.

– А почему тебя за двойки не наказывают?

– Классная сказала, что я тупенькая. Тройку в четверти она мне и так поставит, а после седьмого класса по мне плачет ПТУ. Прямая мне дорога в маляры и штукатуры.

– Как это тупая? – возмутился старик. – Не бывает тупых людей, надо хорошо объяснять и хорошо учить. В каждом человеке есть талант.

– Что, и во мне есть?

– И в тебе, Санька. А учёба – дело поправимое. Давай, доставай свои учебники и тетрадь. Посмотрим, что тебе на дом задали.

– Вы ещё при царе учились, чем вы можете мне помочь?

– Ты, Санька, мне не выкай. Люди меня Шубиным зовут, а для тебя я дедушка. Зови меня так. Мне бы было приятно, если бы у меня была такая внучка. А то, что учился давно, не страшно – учителя хорошие были и учился я с охотой.

И действительно, объяснял дедушка хорошо: Санька и сама думала, что она к учёбе неспособная, а после объяснений дедушки начала решать задачки, как будто семечки щёлкала. И часа не прошло, а все домашние задания сделаны. На прощание договорились, что и завтра после школы возле клуба встретятся – делать домашку. И главное – никому не рассказывать, кто ей помогает. Это их большой секрет.

Прибежала Санька домой, а мама уже на пороге с ремнём стоит: тётка Галя, мать Мишки Крысы, по-соседски зашла и нажаловалась, что её сыночка Мишеньку зверски избила Санька.

Санька посмотрела на маму и сказала: «Мама, что бы ты сделала, если бы узнала, что твой одноклассник отбирает у малышей деньги и завтраки, а ещё он насильничает над твоими подружками, лезет им под юбки?»

Мама даже и на секунду не задумалась с ответом: «Задала бы ему такую трёпку, чтоб надолго запомнил».

– Вот видишь, мама, с Мишкой по-другому нельзя. Фонарь под глаз он получил по заслугам.

Мама улыбнулась, бросила ремень на лавку и обняла Саньку. Так первый раз в жизни Саньку не наказали за замечание. Ночью ей снился дедушка, который решал с ней задачи.

Проснувшись Санька с отличным настроением. И в школу пришла как на праздник. А там классная руководительница Луиза Ивановна проводит четвертную контрольную на весь урок. Только для Саньки эти задачки совсем не трудные. Восемь минут, и решения готовы. Тянет Санька руку – вопрос задать хочет, а Луиза Ивановна ехидно у неё спрашивает:

– Что с тобой, Александра? Живот заболел или голова?

А Санька ей отвечает:

– У меня ничего не болит. Я хочу спросить, что мне дальше делать – я все задачи решила.

– Ну, если всё решила, делай второй вариант. Получишь не одну двойку, а две.

Ещё десять минут, и этот вариант контрольной работы был решён. Опять тянет Санька руку, а Луиза аж позеленела:

– Всё сделала? Давай иди к доске, там тебе твои шпаргалки не помогут.

И даёт ей задачу из нового материала, который их класс ещё не проходил. Тут Санька свой сон и вспомнила – такую же задачу они с дедушкой во сне решали. Взяла в руки мел – и давай писать. Да так быстро, что мел в руках крошился. Пять минут, и задача готова.

Луиза посмотрела на доску, затем на решённые в тетради два варианта контрольной работы, открыла журнал и с натянутой улыбкой поставила Саньке тройку.

– Почему тройка? – возмутилась Санька. – Я ведь всё решила. Ни одной ошибки.

– Как ты это списала, я разберусь, а выше тройки я тебе никогда оценку не поставлю. Обещаю это тебе перед всем классом.

К клубу после уроков Санька подошла с ужасным настроением. Пришла, чтобы отказаться от дальнейших занятий. Зачем напрасно мучиться – всё равно ведь выше тройки оценку не получит. Дедушка выслушал Саньку и нахмурился. И таким грозным стало его лицо, что Саньке на мгновение даже страшно стало. Дедушка посмотрел на Саньку, улыбнулся и сказал:

– Не бойся, внученька, проблема с твоей учительницей наладится. Не будет она тебя обижать. Думал я, она исправилась, стала другим человеком. А она какой была, такой и осталась. А ты учишься не ради оценки, а для себя. Всё, что ты учишь, в жизни обязательно понадобится.

Улыбнулась Санька, и на душе стало легче. Подумаешь, тройку поставили. Пусть Луизе будет стыдно.

– Дедушка, хватит сердиться. Давайте лучше заниматься. Время тратить на Луизу жалко.

И опять решали задачи. И рассказывал ей дедушка, как мир устроен. И объяснял правила правописания. И даже история, которая раньше казалась Саньке скучной и неинтересной, вдруг стала приключенческим романом с героями, борющимися за правду и справедливость. Время, отведённое на учёбу, пролетело незаметно. И когда надо было уже уходить, Санька решилась и спросила:

– Дедушка, а какой у меня талант?

– Ты, Санька, остро чувствуешь чужое горе, сопереживаешь беде.

– Разве это талант?

– Конечно, талант. Не веришь? Пойдём, посмотришь, как талант воплощается в реальность.

Дедушка подвёл Саньку к старому террикону. Рядом с ним валялись куски породы.

– Потрогай их, Санька, – приказал он.

– А чего их трогать? Бесполезные они, никому не нужные. По всему посёлку валяются.

– А ты потрогай их ладошкой и вспомни, что ты почувствовала, когда узнала, что Мишка Крыса первоклашек обижает.

Санька приложила ладошку и вспомнила о Мишке.

– Что-нибудь чувствуешь?

– Ничего не чувствую.

– Хорошо. На другом куске попробуй.

Санька положила ладонь на другой камень и уже хотела сказать, что всё это глупая шутка и что нельзя ничего почувствовать в этом никому не нужном камне... Но внезапно ладонь как бы укололи иголкой, и она почувствовала, что там, в глубине, как будто кто-то или что-то нуждается в её помощи.

– Да, – растерянно сказала она, – там, внутри камня, что-то есть.

Дедушка извлёк из кармана своей шубы маленькую кирочку и ловко расколол камень на две части.

– Смотри, Санька. Видишь, что в нём пряталось? А ты говоришь, бесполезный камень.

Санька наклонилась над кусками и увидела, что на них отпечатались что-то похожее на птицу, но не птица.

– Что это?

– Детёныш археоптерикса. Ещё не птица, но уже не динозавр. Упал в грязь, завяз в ней и там и погиб. Звал он мать, но не дозволялся, а ты через миллионы лет услышала его зов. Редкая находка. Храни её как зеницу ока. Больших денег стоит, но ты не продавай. Это твой талисман. Твоя удача. Напоминание о твоём таланте...

Завернула Санька оба куска в шарф и положила их в портфель.

– Никогда не продам их, дедушка. Они всегда будут мне напоминать о тебе.

Утром Луиза Ивановна в класс не пришла. Не пришла она и на другой день. Когда у директора школы спросили, где она, то Михаил Кузьмич, фронтовик-инвалид, потерявший на войне руку, неожиданно для всех выматерился и пожалел, что он вовремя не разоблачил эту тварь. Позже все узнали, что во время войны Луиза сдавала немцам комсомольцев, коммунистов и тех, кто ненавидел фашистов. Долго не могли найти, кто предатель, и на тебе – обвалилась стена в доме, где во время войны находилась СД, а в нише доносы и дела на агентов с их фотографиями. Комитет государственной безопасности Луизу нашёл и арестовал. Потом её судили на открытом суде в городе, где она во время войны сотруд-

ничала с фашистами, и приговорили к высшей мере наказания.

А из города прислали новую учительницу. Молодую. Саньке она очень понравилась. Учёба у Саньки пошла: из троечницы в хорошисты, а затем и в отличники. И не в ПТУ она пошла, как твердила Луиза, а поступила после десятилетки в институт. А перед днём отъезда на вступительные экзамены попрощалась с дедушкой. На прощание он ей сказал: «Учись, Санька, хорошо, не за оценки, а за знания. Против совести не иди. И всё у тебя получится. А будет трудно – вспомни обо мне, если жив буду, помогу...»

* * *

Александр Никитичне повезло – прорвалась через Изварино, под обстрелами. Все в Россию, а она из России – маму забрать. Вокруг горящие машины, убитые люди, а она с русским паспортом к нацикам в руки – город Лутугино и шахта им. Ленина с одноимённым посёлком захвачены ВСУ и добробатами. «Куда ты едешь? – твердили ей. – Убьют». Ехала Александра Никитична в неизвестность. Что с мамой? Телефоны не работают. Связи нет. Луганск в кольце блокады. Шесть блокпостов. Три взэсушных и три – ополченцев. И на каждом её спрашивали:

– Куда идёшь, мать?

А она отвечала – одним на чисто украинском, другим на русском:

– Я еду забрать маму, увезти её подальше от войны.

– Сколько ей лет? – удивлялись солдаты.

– Девяносто два, – отвечала она.

Проскочила: женщине за шестьдесят, не воевать же едет – даже паспорт не проверили. Посёлок Александра Никитична не узнала. Там, где стоял клуб, – трава по пояс. Ни стен, ни фундамента. Там, где было шахтоуправление, – полуобвалившиеся стены с провалами окон. Посёлок пуст, только каждый четвёртый дом цел – и это не последствие войны, а последствие развала СССР. Всё разграбили «бизнесмены». Первоначальное накопление капитала. Создание новой украинской элиты. Дома мама – старенькая, ничего не понимающая: с кем война? Против

кого воюют эти хлопцы, разговаривающие с «западным» акцентом? Да и самой Александре Никитичне было непонятно, как люди могут убивать таких же людей, как они, только за то, что они говорят на другом языке. В шахтёрском посёлке не было понятия национальности, а были хорошие люди – работающие, серьёзные, с которыми можно было пойти в забой, и плохие – те, которым доверять нельзя, но такие на шахте долго не задерживались.

Новости были страшными: племянника Андрея, сына брата Лёньки, парня абсолютно аполитичного, унаследовавшего от своего отца взрывной характер и физическую силу, арестовал одноклассник, бывший участковый, а теперь воин «света» и боец добробата. То ли девушку когда-то не поделили, то ли мешал своим авторитетом торговать наркотой. Отвёз он его в Лутугино и там бил с утра до обеда. Бил так, что Андрей не мог ни ходить, ни стоять и только просил своего мучителя добить его. А утром следующего дня Андрей бесследно исчез. «Мы его не арестовывали, – заявил воин света невесте Андрея. – Ищите его сами. Наверное, по бабам пошёл. Нагуляется и вернётся».

Александра Никитична договорилась с соседом, что тот утром подбросит их до блокпоста на своём жигулёнке. А там пешком до следующего блокпоста. Везде есть хорошие люди, везде помогут. Потом стала собирать вещи, те, что возьмут с собой. Складывала в сумку самое необходимое – документы, альбом с семейными фотографиями, награды отца. А тут мама полезла в заветный сундук, достала коробку и, улыбаясь, протянула её дочке: «Это твоё, доченька, я помню, как ты просила это сберечь». Александра Никитична открыла её и обомлела. Археоптерикс. Как она о нём забыла? Это же дедушкин подарок. Когда она приехала на первые студенческие каникулы – тогда ещё Санька, а не Александра Никитична, – она пыталась найти дедушку, но безуспешно. Никто его не знал, а отец, когда она его спросила, знает ли он Шубина, засмеялся и сказал, что, конечно, знает. «Кто на Донбассе не знает Шубина? Это же хозяин шахты, покровитель шахтёров – шахтный домовый. Пошутил твой знакомый над тобой. И не с нашего он посёлка, да и не с соседнего – я всех шахтёров в округе знаю. Наверное, гостил у

кого-то». Папа, папочка... съела шахта твои лёгкие. Тридцать лет, как тебя нет, а боль не утихает. Прав был дедушка Шубин: когда папа был жив, ни о чём его не спрашивала. А теперь столько хочется у него спросить...

Утром посидели «на дорожку», закрыли дверь дома на ключ и отдали его на хранение соседке. Старенький жигулёнок, маневрируя между колдобинами и ямами, со скоростью, не превышающей 30 километров в час, пополз в сторону Георгиевки, где находился украинский блокпост. Не повезло – нарвались на проверяющее начальство. Жирный майор с лоснящимися грязно-серыми волосами, лет сорока с гаком, с шевроном из чёрного материала, на котором были вышиты череп и кости с надписями «Батальон Айдар» и «Подразделение имени Оскара Дирлевангера», потребовал, чтобы все вышли из машины и предъявили документы. Увидев русский паспорт Александры Никитичны, он даже завизжал от удовольствия:

– Москалька!!! Ну шо, приехала?!! – И, не дожидаясь какого-либо ответа Александры Никитичны, вложив весь свой вес, ударил её в подбородок...

Александра Никитична пришла в себя, оттого что на неё вылили ведро воды. Она лежала на деревянном полу. Судя по глобусу, стоявшему на шкафу, это была школа. Голова болела, и её подташнивало. Сотрясение – констатировала своё состояние Александра Никитична. Кто-то рывком поднял её с пола и посадил на стул, стоявший посередине комнаты перед столом, за которым сидел обрюзгший и похожий на жирного хряка мужик. Он с явным удовольствием изучал её документы.

– Молодец, Рэмбо, гарную рыбёшку поймал, будет тебе за неё подяка, – сказал он кому-то, кто стоял сзади Александры. – Знаешь, кто это? Светило. Академик. Физик-ядерщик. Если она сгинет на Донбассе, то это будет большой потерей для всей москальской науки. Выйди, Рэмбо, я хочу с ней побалакать.

Рэмбо вышел, а хряк встал из-за стола, подошёл к ней и, улыбаясь гнилозубой улыбкой, спросил:

– Что, Санька, не узнаёшь меня? Сильно изменился? Это всё вы, москали, виноваты, тянете из нас соки...

Только теперь она узнала его.

– Мишка?

– Мишка, конечно, Мишка. А почему ты не добавила «Крыса»? Я теперь не Мишка Крыса, а пан командир, и ты, сучка, теперь полностью от меня зависишь. Захочу, отпущу, а захочу, кожу с тебя живой спустим, да ещё солью с перчиком посыпем для остроты ощущений. Помнишь, как ты при всех меня избила?

– За дело тебе я фонарь поставила и ничуть об этом не жалею. Подлым ты, Мишка, был в детстве и таким же и остался.

Мишка ничего ей не ответил, а вернулся к столу и, наклонившись, поднял с пола ящик и поставил его на стол. Это был её ящик с отпечатком детёныша археоптерикса.

– Хороший подарок ты мне, Санька, сделала. Тысячу долларов США стоит.

– Мелочишься ты, Мишка, как отбирал копейки у первоклашек, таким и остался. Эти отпечатки любой музей купит за миллион долларов. Ещё и передерутся между собой. Забирай их себе и отпускай меня.

– Отпускай? Я знаю, откуда они у тебя. Я помню, как ты показывала фокусы нашему классу, угадывала, какие отпечатки внутри породы. Ракушки находила, рыбок... Теперь работаешь на меня. Будешь находить для меня артефакты.

– Факи, Мишка, это совсем другое. А это артефакт. Настоящая редкость. Такую всю жизнь будешь искать и не найдёшь.

– А ты постарайся. Если не найдёшь что-нибудь ценное завтра, то расстреляю одну из твоих сестёр, или твою племянницу, или маму. Родственников у тебя много. Надолго хватит. Сейчас тебя отведут в подвал. Посидишь там до утра. А утром на работу. И время есть подумать, кого расстреляем первым, если ничего не найдёшь.

Александру Никитичну отвели в подвал и приковали наручниками к трубе. Сон долго не шёл. Она понимала, что найти нечто подобное – один шанс на миллион. Надо сделать так, чтобы никто не пострадал. И единственное правильное решение – это попытаться покончить с собой. Задремала она под утро...

– Санька, – кто-то тряс её за плечо и шептал: – Санька, проснись.

Она открыла глаза и увидела дедушку. И сразу Александра Никитична стала Санькой, как будто и не было 45 лет с их последней встречи.

– Дедушка, родной, что мне делать, они же будут убивать всех моих родственников. Помогите.

– Помогу, конечно, помогу. Веди их на старый террикон. Заберись на самую вершину. Там лежит неподъёмная глыба породы. Скажи, что в ней лежит взрослый археоптерикс. Не дай им её расколоть. Пусть все, кто с ним придет, поднимаются на террикон, чтоб её снести. А дальше моя работа. Только не думай, что это сон. Делай всё так, как я сказал, и всё будет хорошо. И ещё, Санька, – я тобой горжусь. Выросла ты настоящим человеком. Не посрамила дедушку.

Проснувшись Александра Никитична от грубого толчка. Перед ней стоял знакомый майор – тот, который её ударил на блокпосте, Рэмбо.

– Вставай, сука, работать пора.

Он отстегнул её от трубы и потащил по коридору. Во дворе стоял армейский джип, в котором на передних сиденьях расположились водитель и Мишка. На заднем сидел солдат с автоматом в руках. Рэмбо сел в машину на заднее сиденье, а Александру Никитичну втиснули между ним и солдатом.

– Куда едем, пан командир? – спросил водитель у Мишки.

– Нам нужно ехать на старый террикон. Тот, что остался от шахты Ленина. Мишка, покажи водителю дорогу, – ответила за Мишку Александра Никитична.

– Едем. Я покажу, – приказал Мишка водителю и, обращаясь к Александре Никитичне, добавил: – Осознала, Санька, ты свою ситуацию. Будешь работать на меня как миленькая.

Через полчаса они стояли перед терриконом. Александра Никитична полезла на него в сопровождении Мишки, Рэмбо и солдата. И только водитель остался караулить их возле джипа. На самой вершине лежал большой кусок породы. Александра Никитична подошла к нему и приложила ладонь. Глыба молчала – пустая. Нет в ней ничего. Но она сделала радостное выражение лица и закричала:

– Нашла. Есть. Взрослая особь археоптерикса. Мишка приказал солдату:

– Неси кирку, расколем и посмотрим, что там внутри.

– Мишка, ты что, дурак? Один неточный удар, и трещина по находке – большие деньги потеряешь. Снесите его вниз. Отвезите в школу. Там и расколем. Вернее, распилим алмазным кругом. Я покажу место, где надо пилить.

Мишка задумался, терять деньги ему явно не хотелось. А потом закричал солдату-водителю:

– Микола, поднимайся, твоя помощь нужна.

Когда тот взобрался на вершину, то все четверо стали поднимать глыбу.

И когда казалось, что она оторвалась от террикона, произошло то, что иначе как чудом Александра Никитична не называла. Земля под ногами «воинов света» провалилась, и они исчезли в глубине провала. Стены провала стали осыпаться, и уже через минуту на этом месте осталась лишь небольшая ямка.

Александра Никитична спустилась вниз, села в машину, благо ключ зажигания остался в ней, и поехала к дому матери. Забрала её – и просёлочными дорогами в сторону осаждённого Луганска. На переднем сиденье машины осталась Мишкина сумка, а в ней её паспорт. В сам Луганск они пришли пешком, бросив джип в степи. А потом была битва за Хрящеватое и Новосветловку и деблокада города.

* * *

Уже в России Александра Никитична часто думала: приходил ли к ней дедушка или это последствие сотрясения мозга? И почему они провалились? Хотя всему есть всегда научное объяснение. От собственного веса внутри террикона произошло самовозгорание серы и кусочков угля. Они выгорели – осталась пустота, в которую «воины света» и провалились. Недаром запрещается ходить по терриконам. Опасно для жизни.

А недавно ей приснился сон, будто глубоко под землёй, в шахте, Мишка и его бандюки толкают вагонетку, гружённую углём, а рядом дедушка Шубин подгоняет их кнутом. И почему-то ей их было совсем не жалко. Надо же было такому присниться.

Марк НЕКРАСОВСКИЙ
Луганск

Анна ВЕЧКАСОВА

Поэт. Прозаик.

Окончила Кашинское медицинское училище по специальности «фельдшер». Работала в разных сферах медицины, а с 2014 года – фельдшером выездной бригады скорой медицинской помощи.

Член литературного объединения «Радуга». Участник Первого открытого фестиваля «Муза Новороссии». Печаталась в альманахах ТО СТАН и «Радуга», сборниках «Поэтическая коллекция», «Час мужества», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса», «Александръ» и др.

Член редколлегии альманаха «Территория слова».

* * *

Происходят в мире странном
Удивительные вещи:
На окошко утром ранним
Прилетает ворон вещий.

Он приносит небылицы
И значительные вести.
Всё рассказывает в лицах.
Старый он: ему за двести.

Ворон статен и прекрасен,
Он умён и интересен.
– Что ты ищешь на Донбассе?
– Жду войны и горьких песен...

По утрам стучит в окошко,
Ожидая безнадежно
Слёз и боли, стёкол в крошки...
Мир хранят. Пока возможно.

03.02.2022

* * *

Я вижу сон: Донбасс в огне,
Дома горят и воют «Грады».
Так мира хочется. И надо
Давным-давно проснуться мне.

20.02.2022

* * *

По велению Украины
Убивают народ солдаты.
Гибнут дети детей безвинно,
Полыхают кострами хаты,

Как нацистов пошла «потеха»,
Помнишь, сколько промчалось вёсен?
Под обстрелами не до смеха –
Пролетело смертельных восемь.

НОЧЬ

Укрывает ковыль коврами
Пришлых тварей гнилые кости.
Ярко светится над дворами:
То луна заглянула в гости.

Серебром залила дороги,
Раздала тишины припасы.
Охраняют древние боги
Русский дух на святом Донбассе.

01.05.2022

* * *

Возможно, забуду не скоро я:
Смертельной объят пеленой
Мой город. Осталась «скорая»
У края передовой.

В застывшем безводном мареве
Работали за троих.
Смотрели ночами в зарево,
Не ведая: кто и чьих...

Последние силы изношены,
И думали – смерть обойдёт.
Убитый. И ранена. Брошены?
Кто помнит – меня поймёт.

* * *

А «скорая» меня не довезла,
Напрасно была об асфальт колёса.
В единый миг я стала безголоса
Среди руин и битого стекла.

Подумайте: молчать! А что осталось?!
Не видеть мир, не трогать и не слышать,
Как бисер-дождь рассыпался по крышам...
Опять не повезло – какая жалость.

* * *

До боли сжимаю руки.
В окно проревел раскат.
Сканирую кожей звуки:
Гроза, «Ураганы», «Град»?..

И вновь задрожали стены.
Диспетчер даёт добро.
Летим, не включив сирены,
Там – раненная в бедро.

Она родилась в рубашке.
Везём её через дым
С бессменным шофёром Сашкой,
Что стал мне почти родным.

Александр СИГИДА
г. Молодогвардейск – Атамановка

Поэт, публицист.

Член Союза писателей России, союзов писателей Луганской и Донецкой народных республик, Межрегионального союза писателей.

Лауреат литературных премий имени Михаила Матусовского, Владимира Гринчукова и «Молодой гвардии». Лауреат литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» им. А. Куприна (2022).

Руководитель проекта «Территория слова».

ИЗ ЦИКЛА «ВМЕСТО РЕПОРТАЖА»

ВМЕСТО УТРЕННИХ НОВОСТЕЙ

Если нас не теребить, никого не тронем...
Нас пытаются убить (то горим, то тонем)

То разбойник соловей, то француз, то шляхта...
(Самых лучших сыновей забирала шахта).

То татарин, то поляк, то лихие немцы...
В древнерусские поля вышли ополченцы:

Поднимается народ на святую битву;
(С сентября закрыт завод); Бог забрал молитву...

К потерпевшим небесам обращаем лица;
Верю – солнечным часам не остановиться

21–22.VII. 2015

ЯНВАРЬ 2014

* * *

Писала британская «дейли»
Что право имеет народ...
(Вовсю разливают коктейли;
Булыжники – в наш огород.)

Леваду и крайние хаты
Пока что не тронул пожар;
(На западе – можно – захваты...
А нам через тряпку дышать?!)

Все слушали странную Верку...
(Судачили с разных сторон)...
Стоит без движения «Беркут»,
Прикрыв безоружный ОМОН.

НЕ О ТОМ...

(От войны гражданской избавленья нет...)
Где-то под Должанкой затерялся след,
Остаются внуки – дети без отца;
Ищем в интернете – не найдем конца...
...Вспомнит проигравший и прольётся свет...
«Без вести пропавший» – вот и весь ответ

НЕ СПИШЕТСЯ...

Отвечу резко трепачам –
Помогут сын и брат.
(А он воюет по ночам:
«...В дивизию – комбат!»)

У вас «Динамо» и «Зенит»,
«Аквариум», «Любэ»;
А он до старости хранит
Бэушное хэбэ.

Никто не спишет груз потерь –
Приедь – спроси у нас;
Какая разница теперь,
Афган или Донбасс?

Но предпочтительней куда
Подсчитывать ворон.
(У добровольца есть всегда
Заныканный патрон.)

Избыток совести пылал сознанием вины;
А вас никто не посылал... подальше... от войны?

Трус ищет выход запасной
в спасительной тиши;
А аналитик записной докладывать спешит.

Когда земля по швам трещит,
уместна вертикаль?
Тут и оружие, и щит, и басня, и мораль.

Хвала нагрянувшим в Донбасс!
(Такое вот кино...)

Излишек сорама угас в заглавнике давно.

3.IX. 2016

КАДРЫ

«Коллеги» снимают затылки,
Один – умудрился – в упор:
Бензин разливают в бутылки
(Заносят над миром топор...).

Не ведают цели и страха?
Не знают, чем пахнет конец?
Готова кровавая плаха
(Домой не вернулся юнец...).

Гудит на Крещатике улей –
Запали на западный мёд;
Со свистом проносятся пули,
И падают трупы на лёд.

10.XII. 2016

Рисунок – Виталий Подвицкий

Людмила ГОНТАРЕВА

г. Краснодон, ЛНР

Поэт. Прозаик. Публицист.

Член Союза писателей России, союзов писателей Луганской и Донецкой народных республик, Межрегионального союза писателей.

Лауреат премии им. «Молодой гвардии» (2011), премии имени Владимира Гринчукова (2015), Михаила Матусовского (2021). Золотой лауреат Международного конкурса «Национальная литературная премия "Золотое перо Руси" – 2018». Лауреат литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» им. А. Куприна (2022).

Главный редактор альманаха «Территория слова».

* * *

Когда закончится война,
Я упаду ничком на землю.
Пусть зарыдают в проводах
Ветра – я больше не приемлю
Испуга в солнечных глазах
Бинтованных крест-накрест окон.
Теперь пусть радуется гроза
Оранжевым разрядом тока.
Пусть тяжёлые идут
Машины по вечерней трассе.
Мы забываем про войну –
Их гул не страшен, не опасен...
Мы забываем о войне,
Мы забываем, забываем...
О жёсткой танковой броне,
О беженцах в июне-мае,
О развороченных телах
На площади кровавом блюде
И о безжалостных словах
Должны забыть... но не забудем.

* * *

Эти умные мальчики с крепким
словарным запасом,
Что бесстрашно в атаку рвутся
всем смертям / всем чертям назло...
На груди – Че Гевара, в наушниках –
«Сектор газа».
Пуля – дура, понятно: случайно опять повезло.

А затем – ренессанс тоски и триумф бессонниц.
Безутешной рыбой становится вдруг песок.
Ни елейный тон, ни надрывный хор богомолиц
Не уменьшат боли. И снова вишнёвый сок

На седом снегу. И опять беспощадна память
Для солдат, что в небесном / земном строю
своём до конца.
На ладони – жизнь. Остаётся взлетать
иль падать,
Погружаясь в облако страсти / печали /
забвения / веры / свинца...

* * *

Сегодня длинный ровный дождь –
Степям во благо.
Прохожий улицей идёт с зонтом,
Как с флагом.
Вниз не торопится вода:
У туч – одышка.
И даже снайпер не спешит
Работать с вышки.
Затихли птицы и коты.
Молчит природа.
Июль дождинками бомбит нас
С небосвода.
Уж скоро радуга весь свет
В цвета раскрасит.
И кажется: войны здесь нет
И дождь – прекрасен!

* * *

Мы живём над обрывом,
В паутине войны.
Искалечены взрывом –
Ни дорог, ни страны.
Поезда к нам не ходят,
Самолётам – запрет.
Правда, аэропортов
В городах больше нет.
Лишь бумажные крылья
В царстве вечных дождей,
А самой эскадрильи
Не найти, хоть убей.
Нету чувства полёта
И вообще нету чувств.
Пусто место пилота.
Взгляд бесцелен и пуст.
Мы давно полутени
В оболочке людей:
В кровеносной системе –
Гул толпы площадей.
Ничего не решаем,
Ничего не решим
Мы на глобусе-шаре,
Что казался большим.
В перевёрнутом мире
Мира нет, мира нет...
Лишь награды в турнирах
Чьих-то славных побед.

* * *

Ветер рвёт провода,
С крыш летит черепица,
И скрывает вода
Наших улиц границы.

Над степным городком
Собирается лихо.
В зазеркалье окон
Напряжён и тихо.

Надвигается сушь,
Невзирая на грозы.
Мясорубка из душ
На пределе угрозы.
На прицеле – покой,
Не задавшийся, в общем.
Мы уходим в запой,
Не куём, и не рогщем,

И не мелем зерно,
Не читаем молитвы...
Мы попали в сезон
Мировой шоу-битвы.

* * *

Лечь в траву и закрыть глаза.
Вжаться раной открытой в почву.
Снились алые паруса.
Оказалось – земля кровоточит.

Тих Господь... Только он с креста
Видел мир без прикрас и фальши.
Ветер укусом жёг уста,
Шли иуды победным маршем.

Сквозь меня прорастёт трава.
Мир с войною в хмельном застолье.
Мы теряем в бою слова,
Чтоб разлиться немою болью...

«ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОЙНЫ»

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ДО 2014 ГОДА

* * *

Нас расстреляют уже на рассвете.
Волосы треплет слепящий ветер.
День будет тих и пронзительно светел
В этом квадрате, на этой планете.

Вдруг на осколки порвутся струны,
На серых скалах проступят руны,
И поспешим мы по рельсам чугунным
В край, где ацтеки, древляне, гунны.

Алые маки покроют футболки.
Холод почуяв, завоют волки.
Киллер ружьё зачехлит втихомолку
И поспешит на свою остановку.
Эти мгновенья взорвут экраны.
Мы растревожим квартиры, как раны,
Где-то меж роликами рекламы
В рамках программы, не очень рано.

Зритель безмолвный за всё в ответе,
Крика молчанья, увы, не заметит,
Качество съёмки, сюжет отметит,
Сетуя вслух – у экранов дети.

И, не поверив, что всё случилось,
Что бесконечность в зрачок просочилась,
Примем объятья листвы, словно милость,
Падая в осень, что детству снилась.

Крылья к вискам тишиной прикоснутся,
Звоном тяжёлым разбитого блюда.
...Надо успеть на шаги обернуться,
Чтобы проснуться, проснуться, проснуться...

* * *

Мы войну объявим только завтра
На рассвете, когда солнце всходит.
...На муку талоны, спички, сахар
И моя записка на комод.

Добровольцем уйду – смотрите –
В регулярные войска санчасти.
Занимай места в партере, зритель:
Я спасаю раненое счастье,

Извлекаю день из-под обломков.
...Красный мак и белые одежды...
Бинтовать разлуку так неловко,
Так туга повязка – струны режет.

Приручив дыханье тёплых пальцев,
Ощуцаю боль как неизбежность.
В организме убывает кальций.
В перестрелке убивают нежность.

После взрыва – гулкое затишье,
Крика своего уже не слышу.
Вспоминаю лето: вишни, вишни,
И закат багровым соком вышит.

Пусть зима забьёт крест-накрест ставни,
Осень взглядом мой состав проводит.
Я уйду внезапно, но оставляю
Для тебя записку на комод.

БАБУШКА УКРАИНА

Марина БЕРЕЖНЕВА

Родилась в 1969 году в Дебальцево Донецкой области, после школы уехала в Новосибирск, работала на НЗМК, затем в газете «Момент истины», на радио, в рекламном агентстве. В 2004 году вернулась на Донбасс, где и проживала до 2019-го, также работала в рекламе, на радио, а интернет-проектах. В 2014 году возглавила министерство ДНР, которое сегодня называется Министерством информации, а с 2016 по 2019 год возглавляла пресс-службу Верховного Суда ДНР. В 2015 году стала членом Союза писателей ДНР, членом правления СП. Сейчас живёт в Балабаново Калужской области, работает завучем. Была в числе авторов книги «Час мужества», которая стала «Книгой года» в 2015 году. Печатается в альманахах СП ДНР, некоторые из них редактировала, регулярно публикуется также в альманахе «Территория слова» (Краснодон), в журнале «Сибирские огни», выпустила одну книгу стихов «Благодаря тебе».

Помнишь, как ты ездил к бабушке на Украину? Из большого шумного города – в маленький городок, над крышами которого шумели остроконечные верхушки серебристых тополей, а прямо во дворах многоэтажек на кудрявых невысоких деревьях зрели абрикосы. Их тугие зелёные попки за пару недель наливались медовой желтизной и такой же медовой сладостью.

Бабушка целыми днями хлопотала у плиты, где волшебным образом из груды овощей рождался густой и бордовый борщ, румянились налиснички с творогом, а то пыхтела с натугой здоровенная трёхэтажная алюминиевая соковарка, исторгая из своих глубин струйку горячего ещё ароматного сока.

Ты же целый день пропадал с пацанами во дворе, где у самодельных футбольных ворот кипели настоящие сражения за побитый жизнью красно-синий, совсем не футбольный мяч. Но это было неважно, потому, что тогда вовсе не важны были ни бренд футбольного мяча, ни наличие треугольничка с логотипом известной спортивной фирмы на твоей футболке – его с успехом заменял улыбающийся олимпийский мишка, которым ты гордился так, словно ты сам и был этим весёлым мохнатым олимпийцем.

А ещё совсем неподалёку была речка. И в самую жару вы со всей ватагой дворовых пацанов спасались в ней, ползая на пузе возле самого бережка или ныряя там, где вода доставляла аж до макушки.

Вы соревновались, кто больше соберёт камешков со дна, и ты однажды получил свою минуту славы, достав в горсти вместе с илом и обточенным водой бутылочным стёклышком здоровенный, царский ещё медный пятак, покрытый зелёной патиной.

И девочка из соседнего подъезда тогда посмотрела на тебя так, что ты не раздумывая вручил ей свою находку, гордый ещё и своим великодушием.

А вечером с бабушкой вы читали книжки. Ещё утром по дороге за хлебом и молоком вы заходили в книжный магазин, где пахло совсем не как в хлебном, но тоже так вкусно и немного тревожно, тебе казалось, что это запах приключений и удивительных историй. Там вы покупали книгу. У бабушки в магазине был «блат», как говорили взрослые, – там работала её школьная подруга. Поэтому для тебя специально оставляли «Остров сокровищ» или «Денискины рассказы». И вечером вы с наслаждением читали с ней по очереди главы или рассказ. Кстати, некоторые из этих книг были на украинском, но это не мешало тебе следить за приключениями их героев и так же ждать развязки. Потому что в вашей дворовой компании было без разницы, на русском или украинском говорить. Каждый понимал каждого – сказанное на том языке, на каком ему было удобно. И за пару дней ты переставал прислушиваться к тому, на каком языке говорят Мишка и Оксанка, Сергуня и Тарас.

Иногда тебе бабушка разрешала залезть в глубину тяжеленного тёмного дерева комода и достать шкатулку с лаковыми розами на крышке. Там, на бордовом бархате, лежали ордена и медали твоего деда. Ты осторожно трогал их металлические тяжёлые кругляши с гербами, танками, профилем какого-то мужчины, про которого бабушка сказала: «Это Сталин». Ты однажды даже осмелился примерить орден перед зеркалом, пока никто не видел, – тебе казалось, что за такое непременно заругают, но примерить очень хотелось.

А потом ты уехал. И однажды зимой пришла телеграмма, и мама плакала, а папа побежал покупать билеты. К бабушке, на Укра-

ину. Но вот тебя не взяли, оставили дома, «на хозяйстве». А вернувшись, мама сказала, что бабушки больше нет. Вы больше не ездили в тот маленький городок, где во дворах растут абрикосы. Не к кому стало ездить.

Когда мы потеряли тебя, бабушка Украина? Когда ты умерла? Когда из любимой, доброй и хлебосольной бабули, мамки, весёлой сестрёнки ты превратилась в накачанное иностранным оружием и идеями нацизма чудовище, пожирающее своих детей и внуков? Как мы допустили это? Как ты сама допустила такое с собой сделать? И как нам жить дальше, ведь мы знали тебя раньше и любили... Потому что как не любить родного тебе человека, родную тебе землю? Что же делать нам с тобой, родная?

2022 год, Балабаново

* * *

Пей из её руки адреналин
И слушай вой и визг её детишек-мин,
Дождём кометным рвущихся о крыши...
Родные блиндажи,
Спасительный накат,
Вчера лишь собранный
С окрестных битых хат,
Держи!
Она вокруг, она же и внутри,
Она – война, и, что ни говори,
Ты – часть её уже,
Ты сын её, я – дочь,
И нам с тобой уже, пожалуй, не помочь:
Пусть будет мирной жизнь,
Пусть будет тихой ночь,
Пусть тысячи ночей проходят в тишине,
Но будет жить она
В твоём ночном окне,
И если что-то вдруг нарушит тишину,
Пусть лишь на миг, мой друг,
Мы свалимся в войну...

2022 год, Балабаново

* * *

Нет слаще жизни, чем назло,
Нет радостнее, чем во имя,
А не сражаться со своими
Кому-то очень повезло.

И мы спускаемся во мглу,
Чтоб утвердиться – свет превечен,
Мир совершен и безупречен
Сквозь честной оптики стекло.

Мы убеждаемся, любя,
И всех сторонних убеждаем,
Что будет тот лишь побеждаем,
Кто бьётся только за себя.

Победа – это не парад
И не сверканье фейерверков,
А это та святая мерка,
Та, что дороже всех наград.

Которой измерять судьбу
И точно, и удобно людям,
Пусть с ними эта мерка будет
И до рожденья, и в гробу.

Но как победу ни зови,
Ни призывай святое имя,
Её руками лишь своими
Создать возможно на крови...

И с радостью и болью жить,
Сквозь кровь и смуту прорастая,
Победа белой веткой мая
Под ветром времени дрожит...
2022 год, Балабаново

ДОНБАССКИЕ СКАЗКИ

А кто-то расскажет нам страшные сказки потом,
Как спят на Донбассе от горя уставшие дети,
Как ветер в руинах над ними рыдает, о том
Как страшно ему – повидавшему много на свете...

А может, не сказки, но кто же поверит тебе,
Что можно – прямою наводкой – в окно детской
спальни?
Что в чёрной, затмившей и разум, и зренье злобе
Так просто накрыть жилмассив артиллерией
дальней.

Так просто по городу выпустить «Града» пакет,
Ведь не разобрать – там блиндаж или дети
в подвале.

И кровь запечётся на пёстром цветном покрывале,
Плохая от «Града» защита – их тоненький плед...

Потом – много слов и сюжетов покажут нам СМИ
О том, что случилось, с кем сталося несчастье
такое,

А мы посочувствуем, и ощущение покоя
Исчезнет ненадолго, выпьем души за помин...

Но день промелькнёт, ночь придёт, и усталости вал
Уносит, как прежде, и снова дела одолеют,
И мы позабудем на время, как пятна алеют
На маленьком пледике, что тех детей укрывал...

* * *

Сквозь то, что нам положено пройти,
Мы все пройдем, просеемся сквозь сита
Событий, отделивших неопитов
От тех, кто в курсе – что там на пути
Нам стоит ожидать.
Но сердце ворожит,
Ему смириться с участью нет силы.
От края колыбели до могилы
Оно выводит нас на виражи,
Которые и не вообразить,
Которых загадать не получилось.
И лишь мечта – маяк или лучина? –
В зелёном мареве случайного дрожит...

ЛУЧШИХ НЕДОСЧИТАЕМСЯ

Знаете ли вы, что такое боль? Пусть Господь убережёт вас от боли, связанной с уходом близкого человека. Когда хочется отмотать время назад и попытаться всё изменить, веря, что это возможно. Но нет. У каждого свой путь. У Бога на каждого из нас свои планы.

15 ноября перестало биться сердце талантливому журналисту и литератору Юрию Ковальчука. Оно просто не выдержало титанических нагрузок от тревог и разочарований. Юра всегда был оголённым нервом, тонко чувствующим ложь и несправедливость.

Он родился и проживал в городе Новая Каховка Херсонской области. В связи с событиями 2014 года по зову сердца одним из первых приехал на Донбасс и вступил в ополчение ДНР. Он приехал сражаться за идею, за правду, за веру. Был участником ополчения города Краматорска. Как военный корреспондент освещал события, находясь на передовой.

После жизнь забрасывала его в разные города, он не боялся никакой работы (что в лучших традициях биографий настоящих творческих людей).

В 2017 году попал в плен и был осуждён на пять лет за участие в боевых действиях на стороне ополчения. Только благодаря помощи друзей, коллег-журналистов и правозащитников Юру удалось внести в списки на обмен, и он оказался на свободе.

Жизнь преподнесла мне подарок, и более трёх лет у меня была возможность видеть, как рождаются новые произведения. Юра стал для меня другом, советчиком, защитником. «Психологи считают, надо записывать всё, что ты пережил и из-за чего тревожишься, чтобы уменьшить давящую боль, чтобы перейти на другую ступень жизни», – говорил он и писал свои рассказы. О людях на войне, о тюрьме, о своих переживаниях. Все его рассказы о военных событиях на Донбассе 2014 года яркие и правдивые. Юра очень бережно и скрупулёзно работал со словом, создавая образы воинов-ополченцев, где в главном герое, безусловно, угадывается сам автор – простой мирный житель, которому пришлось взять в руки оружие и встать на защиту своих идеалов, своего языка, своего Отечества.

В начале ноября он вдруг вспомнил историю о хлебе, который ел на блокаде, и «ничего вкуснее этого хлеба, ничего ценнее в жизни не было». «Пусть будет рассказ», – решил он. И за пару часов ночью 10 ноября написал его, тут же выложив в соцсетях с комментарием: «Только что, полчаса назад, дописал. Да, коряво. Исправлю. Читайте, комментируйте, что надо поправить».

Этот рассказ стал последним в его творчестве. 15 ноября Юры не стало. Ему было 38 лет.

Читайте, комментируйте, что надо поправить...

Людмила ГОНТАРЕВА

Юрий КОВАЛЬЧУК

1983–2021

Журналист. Участник ополчения города Краматорска. Военный корреспондент.

Автор сборника рассказов о событиях на Донбассе в 2014 году. Художественные произведения печатались в сборниках «Время Донбасса», «Донбасс – Петербург», журналах «Александръ», «Северо-Муйские огни», альманахе «Территория слова», международном альманахе «Глаголь». Публицистические статьи вошли в сборник «Россия и Сербия на поворотах истории» (Москва, 2019), «Записки Балканиста» (2019–2021). Лауреат литературной премии Партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая проза России» (2019), победитель (посмертно) литературной премии Партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая публицистика России» (2022).

ХЛЕБ

Понимание происходящего пришло ко мне быстро – буквально на третью ночь, проведённую на блокпосте на Дружковском направлении, рядом с греко-католической часовенкой, напоминающей обычный сарай, стены которой помимо примитивных фресок «украсили» недавно из орудия БТР украинские солдаты, базирующиеся на аэродроме.

Сам блокпост представлял собой сложенный из бетонных блоков небольшой лабиринт, в центре которого, как останки насекомых в

середине паутины, лежали автомобильные покрывала и стояло несколько десятков коктейлей Молотова. В случае опасности мы должны были поджечь покрывала, чтобы скрыть своё отступление, забросать врага «зажигалками» и бежать в частный сектор. Идея была так себе, но лучшего плана ни у кого не было – спасибо, в штабе хотя бы позаботились о том, чтобы люди с блокпоста имели возможность уйти.

В ту ночь у наших командиров что-то подгорело, и они забрали пятерых бойцов на другой блокпост, находившийся со стороны Славянска. Впоследствии выяснилось, что они постоянно ждали откуда-то прорыв и бессмысленно швыряли из стороны в сторону немногочисленные силы, как капризный ребёнок поступает с надоевшей игрушкой. Однако в ту ночь это всё было для меня впервые, поэтому в желудке свернулось что-то тяжёлое, а пальцы нервно бегали по карабину, щёлкая штыком, проверяя и перепроверя затвор, и так до бесконечности.

Нас осталось всего трое. Из оружия – два карабина СКС и один «калаш». Единственную нашу ненаглядную «муху» тоже забрали, так что вздумай в ту ночь украинцы с аэродрома опять приехать, чтобы пострелять по блокпосту, ответить было бы нечем. Разве что коктейлями. Мы были одни, и мы были обречены, как глиняные уточки в тире.

На всякий случай я проявил инициативу и отправил домой паренька из местных, постоянно приносившего нам когда термос с чаем, когда какую-то домашнюю снедь. С трудом удалось отбиться от Стратега – очевидно, блаженного старичка, подвизавшегося в штабе, который не пойми зачем прибыл на блокпост и около часа доставал нас, то утешая и требуя, чтобы мы крепились, то впадая в панику и требуя, чтобы мы шли стучаться в окна засыпающих домов и спрашивали, нет ли среди местных жителей охотников, которые могли бы усилить блокпост...

Долгие весенние сумерки угасли, на небе высыпали блёклые точки звёзд. Наш третий товарищ ушёл куда-то в высокую траву и заснул мертвецким сном. А может, просто занял таким образом наиболее безопасную позицию – кто знает и кто стал бы его за это винить? Мы с

Гусаром привычными уже процедурами тормозили грузовики и фургоны, заглядывали внутрь кузовов, если те не были опечатаны. Накануне было несколько эпизодов, во время которых боевики-националисты приезжали на место бойни в фургонах «Приватбанк», так что мы теперь старались осматривать любой грузовой транспорт.

Первые несколько часов мы делали своё дело задорно и, как пишут в милицейских протоколах, инициативно, но вскоре поток машин иссяк, и мы остались один на один со своими страхами и сомнениями. И майской ночью вокруг нас.

Я раньше был любителем работать допоздна или же лечь спать пораньше, чтобы проснуться работать в три утра. Началось всё с того, что в девятом классе я стал слушать полночный «Маяк» и другие радиоканалы, в том числе англоязычные, потому что около полуночи там крутили много тяжёлой музыки. Потом привык смотреть полночный кинозал: раньше на ТВ ночью показывали не только эротику, но и всяческий артхаус и классику кино, которые просто нереально было поглядеть в прайм-тайм. Потом, когда я стал старше, привык работать по ночам во время дедлайнов или шлёться и бражничать со своими безумными друзьями.

В общем, ночь для меня в то время была привычной средой обитания, но конкретно в тот момент я себя чувствовал как-то неудобно. Мы были одни с Гусаром (не считая крепко спящего или просто слившегося с высокой травой тела), и нас в любой момент могли убить. Война тогда только начиналась; напомним, что это было моё третье дежурство, так что я немного психовал. Гусар тоже всё понимал и явно не испытывал оргазма при мысли о своей ответственной миссии красиво умереть за то, что кому-то в штабе показалось, что на этот раз мифический «прорыв» будет с другой стороны Краматорска. Откровенно говоря, мне было очень страшно. Притом не столько от перспективы боестолкновения, сколько от осознания, что наши жизни в руках не слишком умных и не слишком честных командиров.

О! Сколько раз потом они шутили играючи нашими жизнями! Сколько человек погубили зазря! Сколько обрекли на застенки украин-

ских спецслужб, позабыв в панике во время стрелкового бегства документы со списками желающих вступить в ополчение! Впрочем, не о том сейчас речь.

На этот раз всё шло достаточно гладко – поток машин практически сошёл на нет. Сигарет было вдосталь. Патронов хватало на то, чтобы героически умереть. В целом всё было более или менее в рамках приличий. И всё-таки мы нервничали. За спиной было кладбище, начинённое к тому времени растяжками и минами больше, чем постояльцами. Рядом был аэродром, на котором базировалось около 400 укропов с бронетехникой и прочими средствами уничтожения нас, несчастных.

Мы с Гусаром крепились, оставшись вдвоём против этого всего дерьма. Курили сигарету за сигаретой. Жалели, что нет коньяку. Устав от психоза, ржали аки кони, вспоминая придурковатого Стратега. В общем, развлекались как могли. Пока хватало машин – рефлексировать было некогда. Но когда к трём утра шоссе полностью опустело, мы остались один на один со своими страхами. Втайне каждый из нас завидовал Весёлому, который ещё с вечера залёг в «секрете» – периодически мы слышали его храп и понимали, что пока мы тут мучимся, человек смотрит девятый сон.

Когда машин вообще не стало, нам пришлось особенно худо. Полезли в голову дурные мысли, от которых мы спасались смехом – безжалостно высмеивая всю ситуацию, её персонажей и себя. Впрочем, это шоу продлилось недолго. Только мы стали задрёмывать на вырванных из анонимного автомобиля сиденьях, как небо полыхнуло серо-голубым.

Это был Славянск. С нашего холма видно было все девятиэтажки и даже порой Карачун. Громыхало так, что картина реальности, бесцельно нажитая за десятилетия мирной жизни, плакала и текла, как свеча. Просто представлялось, что же творится там, где приземляется всё это железное дерьмо... Стоит сказать, что все эти глупые мысли были развеяны уже через месяц, 16 июня, когда Краматорск был обстрелян из «Акаций». Ну а потом, в ДАП, Никишино, Шахтёрске, было совсем круто... Куда круче, чем

всё, что там было, в Славянске и Краматорске. При всём уважении.

Славянск отгрохотал, пугая нас видом разрывов (город был в низинке, так что мы почти всё видели), машины перестали ездить, и стало скучно. Под храп нашего «снайпера» мы с Гусаром забавлялись, скучая по возможности обсудить то же самое в ближайшем кабаке.

– А ты представляешь, если танки?

– И Стратег бегаёт между ними в поисках охотников...

– С-с-сука!

Долгий протяжный смех людей, которые поставили на кон свои жизни и вот-вот готовы заплатить по счетам.

– Вкури! А вдруг сейчас бэтээр!

– Мы в него выстрелим из АКМ!

– Мы его штыком СКС!

– Мы в него пукнем!

Опять гомерический хохот.

Угорали минут тридцать, то меньше, то больше. Тем временем зажглась заря, а в Славянске что-то такое творилось, будто огромное пьяное чудище стучало своей палицей по сонному городу. Дай-то боги жизни каждому, кто спал в тех постелях.

Смеялись и глумились, подначивая себя, тем более что опасность щекотала нервы. Закончилось тем не менее всё внезапно. Уже стали проезжать первые автомобили, поставляя провиант или что-то иное, – дорога стала заполняться машинами, но мы, отыгрывая невроз, просто ржали и никого не останавливали. Светало, хлиwiekie шарьки... Даже наш «снайпер» вылез из мокрой травы и уселся рядом, для начала стрельнув сигарету.

Небо только-только загоралось. Начinalи щёлкать и чирикать первые птицы. Мы курили и обречённо ржали, обсуждая, как нас убьют, глядя на зарево в Славянске. По правилам нам бы стоило уже начать останавливать машины, но вдохновения как-то не было – мы просто продолжали хохотать. Полулежали с Гусаром на автомобильных сиденьях у дороги, покачиваясь со смеху. Вспоминая придурковатого Стратега, и вообще весь штаб, и всю дурацкую ситуацию, и себя, чуть ли не за упокой.

Стало светать – почти видно окружающее. Наш дурноватый хохот прекратил хлебовоз. Мужик (пусть боги дадут ему и его семье здоровья) остановился у импровизированного знака «стоп» и некоторое время наслаждался зрелищем двух вооружённых смехом и ружьями идиотов. Потом вышел и некоторое время сочувствующе молча курил рядом. Потом, когда мы перестали ржать, с участием спросил:

– Устали?

Мы переглянулись с Гусаром и почти хором ответили:

– Устали, батюшка.

– Кузов проверять будете?

– Едь с Богом! Вези людям свежий хлеб!

Водитель покрутился на месте. Подумал, бросил окуроч, плюнул. Ушёл за машину, дважды лязгнув замком. Вернулся с двумя булками горячего белого.

– Поешьте, пацаны. Тут не сахар, понимаю...

Мы с радостью взяли в руки это единственно разумное и здоровое, что возвращало нас в мир нормальных людей, которые не боятся по ночам вражеских БТР. Мы рассыпались в благодарностях. Даже косноязычный Гусар благодарил. И до сих пор я благодарю. В то утро я увидел хорошее от людей. А это же большая редкость. Спасибо тебе, утренний хлебовоз. Хлеб был особый, волшебный.

Хлеб – это архетип. Хлеб – это святое. Хлеб, как вода, связывает нас с местом рождения. Я помню свой первый хлеб и даже сегодня, когда я далеко, помню воды родного места. Хлеб – важное в нашей жизни. Тот хлеб, что я ел утром неподальёку от Славянска, стал для меня особенным.

Вопрос не в том, каким он был на вкус. А был он горячим, свежим и душистым, без всякой химии и явно только что из печи. Он согрел лучше крепкого алкоголя и напичкал круче тушёнки. Мне было очень приятно, что хлебовоз одарил нас. Я бы подарил ему что-то, но ничего не было у меня – ехал воевать налегке.

Хлебовоз уехал, машин становилось всё больше, рядом полыхал Славянск. А мы жрали, давясь, горячий хлеб. И каждый понимал, что это, вероятно, в последний раз. Хотя некоторые из нас прожили гораздо дольше. Но никто всё ещё не дожид до конца.

Николай ЧЕРБАЕВ,

*руководитель Сосновского
литературного объединения
«Родник»*

К НАТО

Солдат российский – храбрый воин!
Любви народной он достоин.
Он не жалеет жизнь в бою
За землю русскую свою.

За мир, за правду, за народ
Солдат без страха в бой идёт.
И мы – народ – гордимся им!
Солдат-герой непобедим!

Так было, есть и будет так –
Любой повержен будет враг.
И победить нас не старайтесь!
С границ российских убирайтесь!

К СОБЫТИЮ В Г. ДОНЕЦКЕ 14 МАРТА 2022 Г.

Не дрогнула рука нациста,
Не окосел звериный взгляд,
Когда он с подлостью фашиста
В Донецк направил «Точку У» – снаряд.

Нацистов возвращает НАТО
Под строгим взором США,
На чёрном дуле автомата
Несут по миру корень зла.

Слезами горе не измерить,
Людей убитых не вернуть.
В «свободу» НАТО нельзя верить:
«Свобода» их – кровавый путь.

Но встала армия России
У злых нацистов на пути.
В единстве, в правде наша сила!
Им от возмездья не уйти!

КАК МАТЬ РОДНАЯ ВСЕМ РОССИЯ!

Как мать родная всем Россия!
Сынов на бой вновь позвала!
По воле Божьей ей миссия
Дана весь мир спасать от зла.

Чуваш, чеченец и тувинец,
Татарин, русский и бурят,
Калмык, башкир, хакас, даргинец
Стеной плечом к плечу стоят.

Вокруг святой Руси, как прежде,
Сплотились все одной семьёй.
В победу с верой и надеждой
С врагом вступили смело в бой.

И пусть фашизм не ждёт пощады.
Заветам предков мы верны!
Падёт фашизм – исчадь ада –
Извечный враг моей страны!

ЛЮБИТЕ РОДИНУ! ЦЕНИТЕ!

Любите Родину! Цените!
Как Божий дар её храните!
Нет на планете места краше,
Чем вся земля России нашей.

Всё: от морей до мелких речек,
И даже маленький крылечек,
И бережок с печальной ивой –
Всё сердцу русскому здесь мило.

Цветастей нет лугов, чем наши,
Нет чернозёмней наших пашен.
Чаруют глаз леса и горы,
Степей бескрайние просторы.

Какое небо над Россией!..
Ну разве есть ещё красивей,
Когда в час утренней зари
Курлычут с неба журавли?!

Любите Родину! Цените!
Как мать родную берегите!
Страну свою мы защитим!
Мы вместе – сила! Победим!

* * *

Мы никому зла не желаем –
Мы в мире, дружбе жить хотим.
На зло мы злом не отвечаем –
Мы Божью заповедь храним:
Смиренно терпим и молчим.
Ко всем с открытою душою,
В беде на помощь всем идём.
Мы не идём на вас войною,
Мы не клеветем и не лжём.
Но приближение сил НАТО –
Нам очевидно – налицо.
Россия разве виновата,
Что западный сапог солдата
Вновь к нам ступает на крыльцо?
Не искушайте наши чувства:
Для войск России нет преград!
В ответ на ваши безрассудства
Победным будет наш Парад!

ПОДНИМАЙСЯ, РОССИЯ!

Поднимайся, Россия!
Поднимайся, народ!
Нам нужна сейчас сила –
Снова враг у ворот.

Если мира хотим мы,
Жить свободно хотим,
Поднимайся, Россия!
Мы врага победим!

Сила в дружбе народов,
Мы в единстве сильны.
Счастье, мир и свободу
Сохраним для страны.

Наша армия – сила!
Поднимайся, народ!
Поднимайся, Россия!
За Россию – вперёд!

ПОКЛОН ТЕБЕ, СОЛДАТ РОССИИ!

Поклон тебе, солдат России,
За службу верную, за честь.
Навстречу злу и тирании
Ты встал, чтоб Родину сберечь.

Враг, одержимый клеветой, –
Им русской правды не понять.
Тебе, солдат, дано судьбою
Победный русский флаг поднять.

И мы в твою победу верим!
Победный флаг ты водрузишь.
И пусть бросается враг зверем –
Ты землю нашу защитишь!

Поклон тебе, солдат России,
Шлёт наша русская земля!
И флаг с трезубцем жёлто-синий
Ты бросишь у стены Кремля!

ЧЕЧНЯ – ЧАСТЬ РОССИИ

Чечня – часть России!
Мы – вместе, мы – сила!
В единстве народов
Есть символ свободы!
Пусть НАТО и Штаты
Деньгами богаты,
Но им вопреки
Мы дружбой крепки.
Наш крепок кулак,
Разбит будет враг.

Кадыров с бойцами сегодня герой,
Ведёт их без страха с нацистами в бой.
Без страха всю правду в глаза говорит,
И сердце его за Россию болит.

На ветер Кадыров слова не бросает,
Что Путин прикажет, то он выполняет.
Я эту цитату пишу с его слов:
«Что Путин прикажет – исполнить готов!»

Клавдия ДРОБЫШЕВА
Сосновка

ВОИНАМ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Развязалась война в Украине.
И тревожно сейчас всей стране.
Запад злобу таит с такой силой!..
А нацисты им вторят вдвойне.

Вы держитесь, пожалуйста, братцы,
Мы здесь очень болеем за вас.
Помогите донбассцам сражаться,
Ведь им трудно, поверьте, сейчас.

Вы вернитесь живыми, ребята!
Пусть нацисты горят под огнём!
Защитите славянского брата!
В вас мы верим, и любим, и ждём!

Мыкола ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ

* * *

Как низко пали в Украине,
(Не те, кто строил, созидал),
А те, кто правит ею ныне,
Кто там вершит сей дьявол-бал.

Кто над народом измываясь,
Бросая в огненную печь
Людей... При этом наживаясь,
Гешефт побольше чтоб извлечь.

Как мерзки вы в глазах народа,
Что в дни Великой той войны
Своею жизнью дал свободу,
Дал мир и радость видеть сны.

Попрали всё вы, сучьи дети,
И растоптали сапогом,
Вам места нет на этом свете,
Не вспомнит мир о вас потом.

Не будет вам ни покаянья,
И нет прощенья никогда
За ваши злобные деянья,
За смерть, разруху на года!

Но знаю я, что мир настанет,
И вновь каштаны зацветут
Для тех, кто любит, созидает,
И кто могилы павших чтут...

2022.

СИЛА В ПРАВДЕ!

Лариса БЕКРЕШЕВА, Луганск

Поэтесса, переводчик. Родилась в с. Макарово Станично-Луганского района Луганской области. Автор книг стихов «Сентябринки», «Островок Любви», «Симфония тишины». Публиковалась в ряде коллективных сборников и периодических изданиях Украины и России. Автор более 50 научных публикаций, в том числе об искусстве перевода. Лауреат многих поэтических конкурсов. Председатель Республиканского союза писателей (Луганского отделения Межрегионального СП). Лауреат литературной премии имени Владимира Гринчукова. В настоящее время – старший преподаватель кафедры иностранных языков Луганского национального университета имени Владимира Даля.

* * *

Моя земля над тихою Луганью
Укутана в предутреннюю грусть.
Не раз меняла жизнь твои названия,
Но как ни назови – ты та же Русь!

Мой Северский Донец – он брат по крови
Седому Дону испокон веков.
И в ночь Купалы сотканный любовью
Плывёт венок вдоль русских берегов,

И пусть любовь сердца соединяет
Всех, кто пришёл к нам в гости без меча.
Степной орёл парит, границ не зная,
Свободе чувства братства нас уча.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Победный май, но слёз глаза полны
У тех, над кем наш мирный свод искрится,
Но кто родных всё ждёт ещё с войны,
Чтоб с ними сокровенным поделиться,

Услышать, как они к плечу плечом
Собой закрыли Родину от пули
И как желали жизни горячо,
Когда в глаза бессмертья заглянули.

Их имена над толпами текут
В полку бессмертном вновь единым строем!
В них снова жизнь! А в небо голубое
В их честь взлетает праздничный салют.

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТА

Смешной, веснушек золотых разлив,
В руке тюльпан, сам – ниже постамента,
Но, свой тюльпан на мрамор положив,
Георгиевскую расправил ленту –

Победы знак на маленькой груди –
И снова к маме, гордый и серьёзный!
Давай, малыш! Смелей вперёд иди!
Хоть на глаза совсем некстати слёзы...

Мы помним всех, кто подарил нам тишь
И мирную лазоревость рассвета!
С георгиевской ленточкой малыш –
Он от фашизма защитит планету!

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Это было ужасно! Киев обстреливали из артиллерии! Кто? Ну раз на Украину «напала» Россия, то было естественно думать, что её войска и обстреливают. Это было неправдой, но правду никто не искал. Киевлян принуждали оставаться дома, не давая выходить даже в магазины. Кто? Это делали свои, украинские силовые структуры. Запасы продуктов если у кого и были из населения, то очень быстро подходили к концу. Некоторым смельчакам удавалось прорваться в магазины, но толку от этого было мало – полки были почти пустые, кассы не работали. Тех, кто, теряя самообладание от голода, решался взять что-то из того, что могло утолить жажду или голод, ловили, приматывали к столбам скотчем и, спустив штаны, лупили чем попало по голой заднице. Кто? Те самые националисты – «герои» Укра-

ины из нацгвардии или теробороны, которые вызвались поддерживать порядок в городе. Средневековье какое-то! Слухами об их зверствах земля полнилась... Страх нарастал.

Соседи по вечерам выходили на лестничную площадку, чтобы узнать новости. Конечно, они шаблонно ругали Путина с его армией за то, что всё-таки вторгся на Украину и покусился не на какой-то там Донбасс, к чему давно привыкли, а на саму столицу.

Наталья, тридцатипятилетняя киевлянка из тридцать девятой квартиры, поверить не могла, что такое вообще может происходить в благополучном до сих пор Киеве. Мужа Натальи, как он ни увиливал от мобилизации, грубо увели из дома и отправили воевать на Донбасс. Последний раз он звонил жене четыре месяца назад, затем связь оборвалась. Что случилось,

жив ли он, жена не знала. Наталья осталась одна с двумя детьми: семилетней Лилией и пятилетним Марком.

Дед Ефим, недавно поселившийся в тридцать пятой квартире у сестры, тоже выходил послушать, кто что знает. Говорили, что русские обстреливают Киев из занятого ими Гостомеля. Ефим возражал: он своими глазами видел, что прилёты были с противоположного от аэропорта направления. На это люди только пожимали плечами. Что-то доказать из положения почти арестованных не получалось, хотя и новостям, пока ещё льющимся из «зомбоящиков», тоже уже не верилось.

В связи с нарастающим голодом всё острее вставал вопрос об эвакуации из Киева, оказавшегося в зоне боевых действий. Куда бежать? Это был главный вопрос на повестке дня.

На днях соседи с третьего этажа пытались выехать во Львов на своей машине. Звонили, рассказывали, что их за определённую мзду выпустили из Киева. Но в Житомире их снова остановили военные и сказали, чтобы ехали за ними. Больше от них звонков не было. Телефон не отвечал. Ходили слухи, что вояки из территориальной обороны забирали для нужд армии машины, вытряхивая хозяев, как ненужный хлам. Иди куда хочешь, пока жив. Но правда это была или очередная страшилка, люди не знали.

Сегодня утром ещё одна семья из соседнего подъезда пыталась вырваться из Киева в сторону Одессы, но тероборона не выпустила их. Пришлось вернуться.

Нужно было что-то предпринимать, чтобы выжить, но где соломки подстелить, чтобы горе не испить, никто не знал.

– Я оставаться здесь с детьми и умирать от голода не собираюсь, – заявила Наталья, – буду пробовать уехать на запад, возможно даже в Польшу. Мне один знакомый сказал по секрету, что есть такие люди, которые помогают беженцам добраться до Львова. А если на восток или на юг едешь – не выпускают. И расстрелять могут как предателей. Война всё-таки!

Дед Ефим с сестрой Марией решили ехать в Донбасс, но о решении своём, по понятным причинам, никому не сообщали. Они понимали,

что лучше ехать на общественном транспорте на север, пока не упрутся либо в российские войска, либо в государственную границу с Россией или Беларусью. Заманчивыми в этом отношении были рейсы Киев – Чернобыль и Киев – Чернигов. Не факт, что удастся уехать из Киева, и не факт, что даже до автовокзала удастся добраться, но очень уж хотелось деду в свой родной дом в посёлке под Луганском с сестрой вернуться.

Вечером, после очередного обстрела, их район остался без света. Это обстоятельство придало соседям смелости, и уже следующим утром из подъезда одна за другой вышли три семьи. Им повезло, бойцы теробороны простили их бегство.

Одна семья – родители, дочь и племянник – сели в личный автомобиль и были таковы.

Вторая семья – Наталья с двумя детьми – вышли чуть позже. На углу дома их ожидал микроавтобус, водитель которого занимался тем, что за немалые суммы помогал беженцам добраться до Львова.

Третьими из подъезда вышли дед Ефим и баба Мария. Они пешим ходом решили идти на автовокзал. Пройти нужно было около трёх километров. Для Марии это было большим испытанием, но она смиренно шла за братом, понимая, что он выбрал самый безопасный маршрут. За плечами Ефима висел небольшой рюкзачок, в котором лежали самые нужные вещи сестры и одно на двоих силиконовое дедово одеяло. Мария шла налегке. В руках у неё был только пакет, в котором лежало два пирога с картошкой. Испекла она их из последних запасов, как тот колобок из сказки: по сусекам поскребла и наскребла. Назад дороги не предвиделось. Только вперёд!

Наталью с детьми довели до автовокзала, сказали, чтобы шла к группе отъезжающих у третьего перрона. К этому месту, мол, через пятнадцать минут должен будет подъехать большой комфортабельный автобус, который довезёт семью до Львова. Не подозревая подвоха, женщина надела на детей небольшие рюкзачки, забрала чемодан, большую сум-

ку, и они вышли из микроавтобуса. Он сразу уехал.

Наталья с Марком и Лилией подошла к группе.

– Вы на Львов? – спросила она для порядка у молодой женщины, возле которой стоял чемодан на колёсиках.

– Да какой Львов? Все дороги перекрыты. Тут хотя бы до Винницы добраться.

– Как перекрыты? Кем? – опешила Наталья.

– Не знаю. Так говорят, – пожав плечами, ответила молодница.

– Не знаете, так не пугайте. Я же с детьми...

– Здесь все с детьми, в очередь становитесь! – возмутилась пожилая дамочка, подумав, что мамочка с детьми не хочет стоять в очереди.

– А вы во Львов? – с надеждой найти попутчиков, спросила Наталья.

– Нет, – удивилась дамочка. – Здесь все на Винницу. Через двадцать минут отправление.

В доказательство двухэтажный белый «лайнер», покачиваясь на мягких рессорах, вплыл на перрон и с шипящим шиком открыл двери на посадку. На лобовом стекле отчётливо красовалась табличка: «Киев – Винница». Пассажиры стали заполнять автобус.

Наталья поняла – её банально ограбили. Она тройную цену заплатила, чтобы добраться до Львова, а аферисты довезли её с детьми до вокзала и исчезли.

– Ничего святого у людей! Правду говорят: «Кому война, а кому мать родна», – пожаловалась мама детям, но, похоже, они не поняли, что случилось и при чём здесь война.

– Мама, я ку-у-ушать хочу-у-у!.. – в ответ протяжно напомнил пятилетний Марк. Вдруг мама забыла об этом?

– И я тоже, – поддержала Лилия брата и жалобно посмотрела на маму.

Вдалеке какая-то предприимчивая женщина с лотка на колёсах торговала жареными пирожками. Наталья посмотрела в изрядно похудевший кошелек, тяжело вздохнула и повела детей к лоточнице.

Дед Ефим и баба Мария благополучно миновали блокпосты теробороны и дворами

прошли до самого автовокзала. Ещё издали они увидели Наталью с детьми, стоящую в длинной очереди за чем-то съестным.

– Как хорошо, что мы не дети... – произнёс Ефим, сочувствуя соседке.

– Вернее, что мы не с детьми... – справляясь с одышкой, уточнила Мария.

Ефим внимательно всматривался в обстановку на площади перед автовокзалом.

– Вроде не обижают людей. Пошли, – предложил он.

– Хотя бы автобусы ходили и билеты продавались. Ладно, пошли уже. Там лавочки всё-таки, – ответила Мария и первой ступила на зебру перехода с неработающим светофором.

Вооружённые люди в камуфляже с синими повязками на рукаве появились ровно в полдень. Они по-хозяйски стали обходить территорию автовокзала. Дед Ефим заметил, что несколько касс как по команде захлопнули свои окошки. Билеты на утренний рейс Киев – Чернигов уже покоились у него в кармане, поэтому можно было не волноваться за то, что кассы вдруг прекратили их продавать. Но не волноваться не получалось.

Людей обыскивали: проверяли не только документы, но и содержимое карманов и сумок. Паспорт ЛНР дед Ефим спрятал в потайной кармашек на рукаве куртки, но, если искать, всё же прощупать его было можно. Главное сейчас было не суетиться, чтобы не вызвать подозрения у блюстителей непорядка, а ещё точнее, блюстителей хаоса. Наталья с детьми давно переместились поближе к соседям. Марк и Лилия, привалившись друг к другу, спали на лавочке. Дед достал своё одеяло из рюкзака и укрыл малышей.

– Со стороны мы единой семьёй выглядим, – рассудил он. – Бабушка с дедушкой, дочка и внуки уезжают из столицы.

– Вот и пусть так считают, – согласилась баба Мария. – Мужчина хоть и старый, а всё равно защитник молодой хорошенькой женщины, которую любой похабник обидеть может.

– Будем держаться вместе, – согласилась Наталья. – Мне с вами спокойнее, да и вам с нами – тоже. Не забывайте, у меня муж за Украину воюет!

– Ну это мы ещё посмотрим, кто кому и чем поможет, – по-доброму усмехнулся Ефим. – Главное, чтобы Господь без Божьей помощи не оставил. Его сейчас в пустыне диавол искушает. Может, и не до нас, человеков, Ему теперь.

– Что ты такое говоришь, старый? – возмущилась Мария. – Как это не до нас? Где вера твоя? Он же Бог! Всемогущий и вездесущий! Господи, помилуй нас грешных!

– Тихо. Всё. Разговоры только о «цветочках». К нам идут.

К ним подошли пять человек с автоматами и потребовали предъявить паспорта и открыть сумки. Дети, услышав громкую речь на украинском языке, моментально проснулись и сонными тетерьями рассматривали дяденек в камуфляже.

– Куди їдемо? – спросил приземистый бо-родач лет сорока.

– В Чернігів, – ответила за всех Наталья, – а звідти на Львів поїдемо.

– Навіщо такі кульбіти? – удивился мужчина, рассматривая три украинских паспорта и два свидетельства о рождении.

– Так у Києві квитки на два тижні вперед розкуплені... а повертатися назад нам не можна. Вдома ні світла, ні їжі.

– Гаразд, тільки на жалість не тисни. Все одне Москва сльозам не повірить. Окупанти кляті... А де чоловік?

– Воює... За Україну!

– Ну-ну... А чим доведеш, що за Україну, а не за Русню? І взагалі, звідки так мову добре знаєш?

– Я вчителька української мови та літератури в школі. Ви мене в чомусь підозрюєте?

– У школі, кажеш? А ось зараз і перевіримо, чому ти дітей своїх вчиш.

Военный повернулся к детям и гаркнул:

– Слава Україні!

Лилия растерялась, а вот маленький Марк – ничуть. Наталья не учила его этому, но, видимо, учили в садике, потому что он не задумываясь звонко и чётко выдал на-гора:

– Героям слава!

– Гер-р-р-о-ям слава! – заикаясь, повторила за братом старшая сестра.

– О, тепер бачу, що не москалі. Ми пішли. Але я ще повернуся. Красива ти баба. Кажеш,

Светлана ТИШКИНА
г. Луганск

Поэт и прозаик, публицист и драматург, член СП ЛНР, МСП и СП России. В 2021 году принята в Национальную ассоциацию драматургов.

Родилась в г. Энгельсе Саратовской области. С 11 лет проживает в г. Луганске, ЛНР.

Председатель Православного литературного объединения «Свете Тихий», лауреат Всероссийской премии СП России «Слово».

Составитель Международного альманаха «Свете Тихий».

Награждена медалью Луганской иконы Божией Матери, многими грамотами и дипломами. Лауреат литературных премий Олега Бишерева и «Молодая Гвардия», финалист Московской литературной премии – 2019 в номинации «Драматургия». Дипломант XII Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» 2021 года.

Автор поэтических сборников: «Народом можно пренебречь?» (2007), «Как начинается весна?» (2009), «Рождение Новороссии» (2016).

Автор романов (крупная проза): «Ольга» (2010), «Красноречивое молчание» (2009), повести для детей «Миражи на дорогах + детские шалости» (2011), исторической книги «Тайны Александровска» (2011), повести о детях войны «Гутенька» (2019), повести «Сказ о том, как казаки за Правдой ходили» (2020). Автор нескольких пьес.

Работала журналистом в газетах ЛНР «XXI век», «Республика», «Православная Луганщина». Публицистику, поэзию и художественные рассказы можно встретить во многих журналах, альманахах и на страницах известных интернет-ресурсов.

до ранку на вокзалі будете? Таких, як ти, охороняти треба!

Он цинично рассмеялся, отдавая паспорта. Когда проверяющие отошли на приличное расстояние, русскоговорящий дед Ефим выдохнул бывшее напряжение:

– Слава Тебе, Господи! Наталья, права ты была. Спасли вы нас, старых. Я ж отродясь язык не ломал, на мове не тарабарил. На русском бы заговорил – неизвестно в каком подвале оказались.

– Что вы! – Наталья махнула рукой. – Оно само собой получилось. А от Марочки я вообще такого не ожидала!..

– Благодаря ему, получается, мы проверку прошли, – обнимая и целуя детей, сказал дед.

– Мне не нравится, что он обещал вернуться, – печально добавила Наталья, – взгляд у него сальный такой, бр-р-р-р-р.

– Я тоже об этом подумал, – согласился с ней дед. – На ночь вам здесь оставаться нельзя.

– Может, домой вернёмся? – спросила Мария.

Ефим отрицательно покачал головой.

– А пойду-ка я на разведку схожу, – хитро улыбнувшись, предложил дед. – Осмотрюсь, может, узнаю чего.

С этими словами он пошёл на выход из автовокзала. Минут через пятнадцать «разведчик» даже не вошёл, а вбежал в зал ожидания.

– Так, берём вещи и на выход! – приказал он.

– Куда мы? – спросила его Мария.

– На север, на север и ещё раз на север! – бодро объяснил дед. – Автобус полупустым отправляется, а мы здесь сидим и ничего не знаем. Бегом!

Больше вопросов не последовало. Добрые соседи помчались в пугающую неизвестность.

Им повезло, водитель частного автобуса решил подзаработать на дополнительном рейсе. Приобретённые в кассе билеты негодились, но сдать их обратно не получалось.

– С такими грабежами на дорогах о Львове и Польше можно больше не мечтать, – тихо пожаловалась Наталья.

Дед Ефим всё понял, достал кругленькую сумму и отдал водителю со словами «за всех».

– Спасибо, отец, – со слезами в глазах произнесла Наталья. – Видите, теперь вы нас спасаете.

– Один у нас Спаситель. Не просто так Он свёл нас на опасной дороге. Помогите нам, Господи!

Дед перекрестил соседку и подтолкнул на посадку. Баба Мария, Лилия и Марочка уже смотрели на них сверху вниз через окно.

Автобус, следующий рейсом Киев – Чернобыль, конечно, тщательно проверили на выезде из Киева, водитель «отчехлил» определённую сумму бойцам территориальной обороны, и они поехали далее. Уже через час пути пироги с картошкой были дружно съедены и запиты водой из купленной на автовокзале пластиковой пятилитровки. Понимая, что дети вскоре снова попросят кушать, дед Ефим прошёл по салону к водителю.

– Мы с детьми едем. В дорогу много взять не смогли. Останови, пожалуйста, где можно накормить их.

– Понял, – ответил улыбчивый мужчина средних лет, – будет вам остановка. Только вот что... Вы в курсе, что в Чернобыле российские военные хозяйничают?

– Нет, – соврал дед Ефим, – слышал что-то, но не поверил. Неужели правда?

– Доедем – увидим, – уклончиво ответил водитель. – Беженцам лучше к ним попадать. Они мирных эвакуируют в Россию.

– Да мы во Львов хотели...

– Это будете на украинских блокпостах рассказывать, а мне не надо объяснять, зачем люди на север едут.

– Понял... Спасибо, – поблагодарил дед Ефим и поспешил вернуться на своё место.

Мария спала, раскинувшись на оба кресла. Ефиму и сесть-то теперь было некуда. Он нашёл свободное кресло в конце салона, уселся и постарался последовать примеру сестры. Отдохнуть надо было обязательно. Кто знает, что ждёт их впереди.

Дети есть дети, им надоело сидеть тихо. Засыпая, дед Ефим слышал, как Наталья пыталась успокоить расшалившихся Марку и Лилию.

На въезде в какой-то посёлок задремавших пассажиров разбудил оглушающий взрыв. Автобус развернуло, поставив поперёк дороги. Дед метнулся к своим, проверить, все ли целы. Марк плакал, потому что испугался. А вот Лилия не просто плакала, она орала! Осколок мины пронзил боковину автобуса и вошёл в её бедро. Мама со слезами на глазах и с дрожью в руках перевязывала ей ногу оторванным от своей блузки рукавом. Ранеными оказались ещё двое пассажиров, которые сидели около окон. Ранен был и сам водитель. Лобовое и боковые стёкла были вынесены взрывной волной.

– Что делать? – спросил водителя дед Ефим.

Тот тихо стонал, кровь стекала с темени, заливая лицо, но он смог достать из-под сиденья аптечку и отдать деду.

– Перевязывайтесь там... Едем в ближайшую больницу.

Не дожидаясь, пока окажут первую помощь, он завёл мотор и поехал вперёд. Слава Богу, это оказалось возможным! Но каким бы героем ни был шофёр, его надо было сменить за рулём.

– Притормози! Я сяду на твоё место, – осторожно предложил дед Ефим.

– А справишься? – еле слышно спросил водитель.

– Не сомневайся. Вставай, говорю, пока в столб не въехал.

До больницы они доехали без происшествий, водитель с перебинтованной головой сидел рядом и показывал дорогу. Видимо, он бывал в этом отчуждённом «от жизни» районе и знал, где и что в нём работает. Ещё несколько мин разорвалось в стороне, похоже, на той трассе, по которой ранее следовал автобус.

– Кто это стреляет? – спросил дед. – Наши?

– Это зависит от того, кого ты, батя, считаешь нашими, – глухо ответил водитель.

– Укропы? – уточнил дед.

– Так точно, – по-армейски браво ответил раненый, хотя было видно, что ему становится всё хуже и хуже.

Как только автобус остановился у районной больницы, в салон вошло два солдата с белыми повязками на рукавах. Ефима прошила

радостная догадка... Он видел такие повязки в четырнадцатом!

Солдат, увидев раненую девочку, бережно взял на руки и, не теряя времени на расспросы, понёс в приёмное отделение. Наталья побежала за ним, оставив на деда с бабой младшего сына. Второй солдат, оценив ситуацию, крикнул стоящим снаружи военным, чтобы принесли двое носилок. К этому моменту водитель уже был без сознания. Второй раненой женщине военный помог спуститься со ступенек и вместе с дедом Ефимом повёл в больницу. Зарёванный Марк побежал за ними. Баба Мария догнала его и крепко взяла за руку, чтобы не дай Бог не потерялся в чужом городе.

Всем остальным пассажирам была дана команда оставаться на местах. Через окна автобуса (кто-то с ужасом, кто-то с удивлением, а кто-то и с восхищением) смотрели на КамАЗ, на борту которого красовалась белая буква Z.

Добро пожаловать в русский Чернобыль!

Лилию прооперировали. Марка накормили. Маму успокоили. Врачи обещали, что с её девочкой всё будет в порядке. Деньги за операцию платить было не нужно. Как только позволит состояние раненой, семью переправят в Россию. Дед Ефим был доволен, что так быстро оказался среди своих, русских, перед которыми не надо было ломать родной ему язык украинским диалектом.

И тут повеселевший, сытый Марк выдал! Он подошёл к раненым Z-солдатам, которые ожидали приёма у кабинета хирурга, поднял руку в фашистском приветствии и громко крикнул: «Слава Украине!»

Ответа не последовало. Это озадачило ребёнка. Он ещё раз, ещё громче крикнул: «Слава Украине!» Но военные почему-то не ответили: «Героям слава!», а только усмехнулись.

– Детей зачем такому учите? – спросил один из них.

– Это не я, – опустив голову, ответила испуганная Наталья. – Это, наверное, в детском садике учат...

– Ну да, чему учат, тому и учится ребёнок, – согласился военный.

– В Киеве он нас спас этой кричалкой, когда проверка была. А теперь вот... подвёл, – продолжила оправдываться Наталья.

– Не расстраивайтесь. Маленький он. Ещё будет время понять, что к чему.

– Простите нас. И знаете... Хочу быть честной с вами: у меня муж в ВСУ. Он не хотел воевать, но нас не спрашивали.

– Не переживайте, всё будет хорошо. Война скоро закончится.

Солдат с перевязанной головой надел форменную шапку-ушанку с кокардой, вытянулся по стойке смирно перед малышом, вскинул руку в воинском приветствии и отчеканил:

– Честь имею!

Марочка удивился, округлив глаза, но и на этот раз в грязь лицом не ударил. Он тоже вытянулся, поднял также руку и звонко повторил:

– Чесь смею!

Солдат подхватил малыша на руки, прижал к себе, поцеловал и со слезами на глазах повторил:

– Честь имею, малыш. Честь имею!

– Честь имею, – старательно выговорил Марочка. – Так?

– Так и только так! Дорогой мой, хороший! У меня же сынок в Рязани такой, как ты. Дай Бог счастья!..

Дед Ефим посадил восторженного Марочку в самый настоящий военный вертолёт с винтами и мигалками и залез следом. Бабе Марии помогла забраться Наталья. Бедную девочку Лилечку на носилках занесли военные. Ранение оказалось серьёзным, осколок от мины достали, но кость была раздроблена. Для того чтобы девочка могла ходить в будущем, нужно было сделать ещё одну непростую операцию. Семью уже ждали в московской детской больнице.

Сложные чувства одолевали Наталью. Она же собиралась бежать во Львов, в Польшу, в большую и богатую Европу. Но спасали её дочь сейчас те русские, которых приказано было считать врагами. Но ведь украинцы тоже русские. Почему же русские с русскими воюют? Кому

это надо? Самое страшное, что ответы на эти вопросы лежали на поверхности, но поднять их могли только очень смелые, решившиеся на борьбу с НАТО, с США, с Западной Европой люди.

26.04.2022

ПАСХАЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ (ЭПИЛОГ)

Отец Арсений готовился к всенощной. Так в народе называют ночное пасхальное богослужение, которое начинается глубоким вечером, а заканчивается ранним утром. После этого происходит освящение куличей, пасок, яиц и всего того, что приносят люди к храму в нарядных корзинках. А приносят не только на рассвете, но и поздним утром, и после обеда.

Конечно, радостно, но и трудно одному столь длительное и насыщенное по содержанию и священнодействиям богослужение совершать. Сын Александр тоже священник, но не придёт на помощь отцу, потому как в городском храме теперь настоятелем служит. Слава Богу, новый архиерей благословил принять на приход молодого клирика. Иерей Василий не подкачал, очень даже гармонично вписался в приходские хлопоты, мощно спелся с церковным хором, нашёл общий язык с прихожанами. Вдвоём служить и легче, и торжественнее.

Дом священника весь пропитался ванильной сдобой множества пасхальных куличей. Завтра их отвезут беженцам из Рубежного и других освобождённых территорий республики, а сегодня к ним никто не притронется, потому что время разговления ещё не настало. Матушка Вера, как преданный и верный помощник, проверяла, что из облачения батюшки нужно подглядить, что куда положить, чтобы в ответственный момент не искать.

Итак, отец Арсений готовился к всенощной. Воспользовавшись перерывом между утренними и вечерними службами, приказал не беспокоить по мелочам и ушёл в свою уютную спальню подремать пару часов. Пока он отдыхал, много чего случиться успело, но матушка, помня о том, что у мужа сердце не каменное, а очень даже человеческое, никому его беспокоить не позволяла. Даже входные

двери открыла настежь, чтобы в колокольчик не звонили, а сразу заходили и спрашивали.

– Нет его, – отвечала она всем, кому хотелось увидеть батюшку. – Приходите вечером в храм, там и увидите.

Событие схождения Благодатного огня в Иерусалиме, как предвестие праздника Воскресения Христова, благовествовало, настраивало сердце христианина на сретение Светлой Пасхи! Природа радовала ясной и тёплой погодой, благоухала пышным цветением абрикосов и вишен, расстилала одуванчиковые и тюльпановые ковры по дороге к храму. Но отец Арсений шёл на ночное бдение со скорбным выражением лица. Он не давал себе забыть о том, что Сын Божий был предан и отдан на суд Понтию Пилату, что одержимая злобой толпа ещё вчера кричала: «Распни его, распни!..» И распяли Христа, как разбойника. И умер вочеловечившийся Бог в молитвах за нас и за тех, кто так радовался Его смерти... Плащаница, в которую он был облачён, ещё лежала по центру храма.

– Прости нас, неразумных, – молитвенно воздыхая, обратился настоятель к сошедшему во ад Спасителю.

Он шёл и смотрел, как в лучах заходящего солнца сверкали купола родного храма. Где-то далеко прогремел взрыв. Восемь лет прошло, а война всё никак не сдавалась, наоборот, становилась всё более ожесточённой и кровопролитной.

– Спаси людей Твоих! – взмолился он всем сердцем, перекрестился и вошёл в ворота трёхпрестольного богатыря, освящённого во имя Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных.

Первым делом отец Арсений заглянул в просфорню.

– Всё готово? – спросил он.

– Батюшка, не переживайте, – склоняя голову под благословение, ответила просфорница Елена, – всё готово и разложено.

Настоятель преподал Божие благословение верной помощнице и пошёл в храм.

Внук Кирилл в новом стихаре (из старого вырос) помогал Ольге, внучке Елены, украсить цветами икону Воскресения Христова.

– Как закончишь, – обратился он к внуку, – позвони «Милости Бога», скажи, что жду его на крестный ход.

– Кому? – не понял Кирилл.

– Цыгану Янко из «Пикника». Тому, что переполох на прошлую Пасху со своим «святым мясом» устроил.

– А-а-а, а при чём здесь милость Бога?

– Имя его так переводится. Янко – «Милость Бога».

– А-а, понял.

– Мужчин не хватает, просто беда, – пожаловался дед внуку. – Все мобилизованы. Не женщинам же хоругви нести.

– Не могу представить крестный ход без деда Ефима. Сколько себя помню, он впереди с пасхальным фонарём шёл.

– Не трави душу. Самому Ефима Михайловича как воздуха не хватает... Как уехал Киево-Печерскую лавру от томоса защищать, так и забыл сюда дорогу. Но свято место пусто не бывает. Кого-то надо ставить вместо него.

Благословив любимое духовное чадо Ольгу и внука Кирилла, пошёл к царским вратам. В это время в алтаре отец Василий развешивал белые, зелёные, красные облачения на плечики. Увидев настоятеля, поспешил уведомить:

– Елизавета просила передать, что Руслан, который в доме деда Ефима поселился, не придёт. Прячется, боится, что в армию с улицы заберут.

– Этот детинушка из Киева к нам сбежал, чтобы не служить, и тут бегать приходится. Не переделаешь уже. Увы, минус один в нашем строю получается.

В алтарь зашёл Кирилл.

– Батюшка, не будет цыгана. На войне он.

– Как на войне?! Он же приезжий. Паспорт ещё не сделал.

– Жена сказала, что сам пошёл, добровольцем. Не привык, говорит, за спины других прятаться.

– Мда-а-а, кто бы подумал? Героем оказался наш шашлычник, – удивился настоятель. – Так это что, минус два уже получается? Хотя время ещё есть. Посмотрим, кого Господь на крестный ход пришлёт.

– Не один вы. Трое нас! – напомнил ему отец Василий. – Справимся как-нибудь.

– Как-нибудь? На Пасху? Не годится. Надо бы не как-нибудь... но да-а-а, война... – рассудил отец Арсений.

Иконописец иеромонах Иоанн с родной сестрой-подмастерьем, недавно принявшей постриг с именем Пелагия, по прибытии в посёлок сразу пошли в храм. Увидев молодого батюшку во дворе, забеспокоились. Отец Василий тоже немало удивился, увидев, что в ворота входят монах и монахиня. «Кто такие? Откуда?» – мысленно вопрошал он.

– В здравии ли отец Арсений? – спросил монашествующий.

– Слава Богу, всё хорошо. В алтаре он, – ответил священник.

– Давно звал настоятель, да только теперь, с военной оказией, довелось в Луганске оказаться. Мы из Дивеево в свой монастырь добираемся. Теперь, говорят, уже пускают. А у вас мы при храме жили, когда Архистратига Михаила писали... – пояснил отец Иоанн.

– Так это вы?!

– Мы.

– Настоятель рассказывал о вас. Проходите, будьте как дома.

– Спаси Бог! Мы дома, – колокольчиковым голоском ответила молодая монахиня. – Если благословение отца Арсения будет, то и на второй стене, для симметрии, возьмёмся Архистратига Гавриила написать. Светлый у вас настоятель, до донышка души Божий!

– Да, он у нас такой, – согласился отец Василий.

– Не говорите ему, что мы приехали. Устроим небольшой сюрприз, – попросил иеромонах.

Отец Василий не возражал.

«Деяния святых апостолов» первой начала читать Вероника, мама маленькой Роксоланочки, которую чуть не удочерила Елизавета.

«Хорошо читает. Научилась», – с умилением подумал настоятель.

Второй читала Надежда. Та, которая «первый блин комом». У неё не всё гладко получалось, но было видно, что она очень старалась

не делать ошибки в непривычных для светских людей ударениях.

«Где твой маленький Максимка? – мысленно спросил её настоятель и сам же себе с удовольствием ответил: – А Максимка твой в тепле, сытый и ухоженный. И Роксоланочка там. И другие спасённые Господом детки-конфетки – в приходском центре матери и ребёнка. Не ошибся я в Елизавете. Настоящей защитой им стала».

И тут на всю высоту собора разлился знакомый колокольчиковый голос.

«Показалось... или?.. Неужели?!» – воскликнул про себя настоятель и выглянул из алтаря.

Возле иконы архистратига Михаила стояли его любимые монашествующие иконописцы.

– Три плюс два! – обрадовался он. – Да какие «плюс два»! Вот и прислал Господь подмогу.

Когда сестра-подмастерье дочитала канон, отец Арсений вышел поприветствовать дорогих гостей. Плащаницу в алтарь они заносили уже вместе с иеромонахом Иоанном.

К началу пасхальной полунощницы к храму подъехали две легковые машины.

Из серой Audi вышел Богдан с женой и двумя детьми (тот самый, который на Троицу верующим стал), а из чёрного Ford Focus вышел Алексей (пропавший муж Елизаветы). На этот раз любимой дочери с ним не было, но, несмотря на это, мир по-прежнему был тесен, а православный – ещё теснее. Его непреодолимо тянуло именно в этот поселковый храм. Здесь работала Елизавета, перед которой он был очень сильно виноват. Прибывшие поспешили в храм.

Отец Арсений слышал, что по храму пошло волнение, какие-то возгласы удивления, но, поглощённый священнодействием, не придавал этому особого значения.

Пришло время формировать крестный ход. Пасхальный фонарь настоятель благословил нести иеромонаху. Лучшей замены старосте прихода найти было трудно. Он вышел на амвон посмотреть, кого ещё можно поставить во главе шествия. Вышел и обомлел!

В храм один за другим входили военные – уставшие, помятые, бородатые, но поразительно: взгляды их светились любовью к Богу, верой и надеждой. Входили без оружия, крестились и рассредоточивались по храму. На руках и ногах – белые клейкие ленты, у многих шевроны с буквой Z. Значит, свои. Можно было не бояться. Командир подразделения подошёл к священнику, отдал честь и сказал:

– Со мной пятьдесят человек. Не спрашивайте, откуда и куда едем. Не отвечу. Но вот увидели храм и мимо проехать не смогли. Знаем, что крестный ход вот-вот начнётся. Разрешите поучаствовать?

– Господь даже врагов не прогонял. А здесь – свои, родные, богатыри земли русской! Вовремя прибыли, – ответил ему отец Арсений и прослезился.

Хоругви и крест отец Арсений отдал нести военным. Икону Святого Воскресения взял отец Василий. Пономарю Кириллу доверили кадило. Монахиня Пелагия взяла в руки Евангелие. А иеромонах Иоанн встал впереди с пасхальным фонарём. Настоятель не мог нарадоваться. Такого мощного, многолюдного крестного хода ещё не видел посёлок!

Когда военные выстроились в колонну, отец Арсений смог рассмотреть всех, кто пришёл на пасхальное бдение. Он поздоровался с семьёй Богдана, с одиноко стоящим Алексеем, другими прихожанами, а когда обернулся, то глазам не поверил! Во главе крестного хода с пасхальным фонарём стоял не высоченный иеромонах Иоанн в рясе и клобуке, а щупленький, в стареньком ватнике, но очень даже живой и здоровый дед Ефим.

– Как? – воскликнул удивлённый отец Арсений.

– Вот так, – смущённо ответил староста прихода, – не могу без вас. Я тут нежданно-негаданно ещё и большой семьёй обзавёлся. Вон стоят мои голубки и голубоньки.

Там, куда показал дед Ефим, стояли детинушка Руслан (который прятался от призыва), полноватая старушка (сестра деда Ефима Мария), видная молодая женщина (Наталья),

вихрастый мальчишка лет пяти (Марочка) и девочка лет семи в инвалидной коляске (Лилия).

– И что, все твои? – уточнил настоятель

– Мои, – развёл руками дед. – Так получилось.

– А что с девочкой?

– Не уберёг. Осколочно-взрывная травма. Косточки на ножке раздробило. Две операции перенесло дитё. Но не переживай, скоро уже бегать будет. Потом расскажу.

– Договорились. Ну, води нас, бессменный наш староста прихода, как всегда водил, – сказал он деду Ефиму.

Настоятель улыбнулся сестре Пелагии, когда понял, что она отдала брату Иоанну святое Евангелие, а сама встала с церковным хором рядом с матушкой Верой. Елизавета со своими мамочками, которые не пели в хоре, встала за военными.

– Мироносицы наши дорогие, – с умилением произнёс настоятель, – а ведь не мы главные здесь, а именно они – тихие, верные, надёжные спутницы наши. Как в I веке шли к пещере, чтобы в последний раз оплакать распятого Христа, так и сейчас идут.

Наступало время пасхальной заутрени.

– Пора, – подсказал отец Василий.

Настоятель кивнул и взял в руки украшенный цветами трисвечник с распятием.

Около полуночи торжественная процессия под стихиру «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех...» устремилась в событие непревзойдённой важности для всего человечества – из Великой Субботы в Великое Воскресение Христово!

Сделав круг вокруг собора, крестный ход возвратился в храм, открылись его двери, и великая радость наполнила тропарём Праздника Праздников ночную округу: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!»

– Христос воскрес! – провозгласил отец Арсений.

– Воистину воскрес! – согласились с ним участники крестного хода.

Светлана ТИШКИНА

СТРАНА НЕГОДЯЕВ

ВСПОМНИМ РУССКИХ КЛАССИКОВ

*«Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жульё...»*

В своё время Максим Горький и Сергей Есенин побывали в США и описали свои впечатления. Трудно заподозрить, что они могли писать то, что теперь называют «заказухой». Писали, что видели и как чувствовали. Оба, кстати, были не только большими художниками, но и беспартийными. А в наше время некоторые соотечественники (в том числе известные) уже, кажется, даже на расстоянии словно бы зомбированы Америкой: лучше неё для них ничего нет! Не знаю, может быть, Горького и Есенина от «зомбирования» спас их природный иммунитет? Было интересно перечитать их американские заметки.

Тридцативосьмилетний М. Горький пребывал в Америке с апреля по сентябрь 1906

года – на 16 лет раньше Есенина. Если совсем коротко отразить его впечатления, они в резком высказывании: «Это не жизнь, а безумие». Одноимённый очерк из цикла «В Америке» вышел в том же 1906-м. Горький назвал самый большой город Америки Нью-Йорк «Городом жёлтого дьявола». Отзывался о его жителях нелестно, используя определение «малодушные торгаши». По мнению писателя, в Нью-Йорке царил дух стяжательства, жизнь людей подчинена погоне за деньгами: «...Вокруг кипит, как суп на плите, лихорадочная жизнь, бегут, вертятся, исчезают в этом кипении, точно крупинки в бульоне, как щепки в море, маленькие люди. Город ревёт и глотает их одного за другим ненасытной пастью... Я впервые вижу

такой чудовищный город, и никогда ещё люди не казались мне так ничтожны, так поработаны. И в то же время я нигде не встречал их такими трагикомически довольными собой, каковы они в этом жадном и грязном желудке обжоры, который впал от жадности в идиотизм и с диким рёвом скота пожирает мозги и нервы...»

Представители крупного бизнеса США хотели, чтобы Горький присоединил свой голос к дифирамбам российских меньшевиков и эсеров в адрес американцев... Но Горький этого не сделал. Тогда в прессе была организована и проплачена атака на несговорчивого русского писателя. Его срочно выселили из отеля в Нью-Йорке, владельцы других отелей также отказали в приёме. В конце концов Горькому пришлось покинуть Америку из-за скандала, в котором писателю не только пытались «заткнуть рот», но и вмешивались в его личную жизнь.

Есенин пробыл в Америке с 1922 по 1923 год как муж известной американской танцовщицы Айседоры Дункан, которую, кстати, власти США лишили американского гражданства за исполнение танца с красным флагом. Как известно из её биографии, «крамольный» танец она позволила себе прямо во время пребывания в Америке. Вдобавок Айседору стали подозревать в шпионаже в пользу СССР. Американские методы борьбы с «врагами» и неудобными, как видим, складывались не один год и не сильно изменились.

По воспоминаниям, а главное, по произведениям самого Есенина можно понять, что Америка явно не впечатлила его со знаком «плюс». Ему было там некомфортно, он запил, часто ссорился с супругой. Вернувшись из поездки, Есенин создал поэму «Страна негодяев», вот фрагмент из неё:

Мы, конечно, во многом отстали.

Материк наш:

Лес, степь да вода.

Из железобетона и стали

Там настроены города.

Вместо наших глухих раздолий

Там, на каждой почти полосе,

Перерезано рельсами поле

С цепью каменных рек – шоссе.

И по каменным рекам без пыли,

И по рельсам без стога шпал

И экспрессы и автомобили

От разбега в бензинном мыле

Мчат, секундой считая доллар.

Места нет здесь мечтам и химерам,

Отшумела тех лет пора.

Всё курьеры, курьеры, курьеры,

Маклера, маклера, маклера...

От еврея и до китайца,

Проходимец и джентльмен –

Все в единой графе считаются

Одинаково – business men.

На цилиндры, шапо и кепи

Дождик акций свистит и льёт.

Вот где вам мировые цепи,

Вот где вам мировое жульё.

Если хочешь здесь душу вырвать,

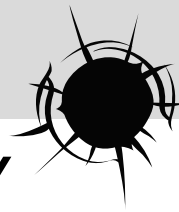
То сочтут: или глуп, или пьян.

Вот она – Мировая Биржа!

Вот они – подлецы всех стран.

Более ста лет минуло с момента посещения Горьким и Есениным США – страны «жёлтого дьявола», «Мировой Биржи»... Что принципиально изменилось в нравственном облике Америки и американцев за это время?

Евгений ГОЛОДНОВ

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК XXI ВЕКА

С 2014 года для всех людей Донбасса праздники 23 февраля и 9 Мая стали особенными, ожили в личных судьбах. Война, фронт, наступление, победа теперь не просто слова, а часть жизни и личного опыта. На День Победы в Бессмертном полку люди идут не только с фотографиями дедов, воевавших в Великую Отечественную войну, но и с фотографиями отцов, братьев, сыновей, погибших в Донбассе.

В 2022 году, после 8 лет войны, «ожесточённого перемирия» Минских соглашений, непрерывных потерь и отчаяния, «наконец-то нам дали приказ наступать, отнимать наши пяди и крохи»!

За три дня до дня Z, 21 февраля 2022 года, мой сын Иван, студент второго курса факультета изобразительного искусства Академии Матусовского, был мобилизован. Поначалу, почти месяц, связи с ним не было. Первую весточку я получила от старлея его полка, который попал в госпиталь в Луганске. Позывной у старлея был знатный – Колыван. Колыван показал мне блокнот, в котором бойцы, служившие в 208-м полку, черкнули по несколько строк своим родным. Была там весточка и от моего Ивана.

Вскоре мне удалось передать ему на фронт посылку, и среди прочих вещей также блокнот.

Блокнот вернулся ко мне 10 мая 2022 года, весь исписанный, с рисунками и даже с первыми цветами, приклеенными скотчем. Так в моей литературной жизни ожил жанр фронтового дневника.

Я старательно набрала Ванькины «Записки у блиндажа» и его стихи, которые немного отредактировала. Оставила также милую подпись «Аболтус».

В начале блокнота я написала Ивану стихи, которые уже стали песней.

ВЕРНИСЬ ЖИВЫМ!

Мальчишки уходили на войну.
Художники, актёры, музыканты...
Они свои оставили таланты.
А как иначе? Родина в дыму!
Мальчишки уходили на войну.
Девчонки терпеливо провожали.
Не плакали, а молчаливо ждали.
А как иначе? Родина в дыму!

Вернись живым. Вернись живым. Я жду.
Я вынесу лишенья, боль и беды.
Мой ангел, донеси мою мольбу,
Пусть станет оберегом незаметным!
Вернись живым. Вернись живым. Я жду.
Я верю в нашу Правду и Победу!
И в русскую священную весну,
Наполненную негасимым светом!

Мальчишки уходили на войну.
Художники, актёры, музыканты...
Когда-то были, а теперь – солдаты.
А как иначе? Родина в дыму!
Мальчишки уходили на войну.
Узнали цену жизни и таланту,
Что наше боевое братство свято,
Что ничего не сделать одному!

Вернись живым. И мы ещё споём.
И новые картины мы напишем.
Для будущих девчонок и мальчишек...
Мы нарисуем Родину и дом.
Вернись живым. Вернись живым. Я жду.
Я верю в нашу Правду и Победу!
И в русскую священную весну,
Наполненную негасимым светом!

18 марта 2022 г.

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

ЗАПИСКИ

АЛЕКСАНДРЪ

У БЛИНДАЖА

Иван АСВАЛЬД

ВЕРНУСЬ С ПОБЕДОЙ

Родные, ждите, мы придём с Победой!
Как только мы очистим нашу Русь,
Взовьётся русский флаг над белым светом.
И я вернусь, и я к тебе вернусь!
Со мною «мосинка», со мною Бог и Правда,
Твоя молитва, мама, будто щит,
Но крови нашей пролито изрядно,
И враг ещё кусает и шипит!

Ты ждёшь меня! Но мы придём обратно,
Когда он будет полностью разбит!
23 марта

30 МАРТА 2022 Г.

Знаешь, мама, я, наверное, скучаю по дому
и мечтаю вернуться к тебе.

Во сне я вижу ваши лица: сестру, тебя, де-
душку с бабушкой и даже Уголька.

Ваши письма согрели меня и вызвали слезу.
Но настроение боевое, в свободное время
пишу стихи и рисую. Сейчас сижу в лесу под
Рубежным. За время службы накопилось много
историй. Я знаю, что, когда мы будем дома, мы
загуляем.

Враг отчаянно сопротивляется. Много кто
заболел, есть 200-е и 300-е. Но силу духа на-
шего полка не сломить.

С любовью, твой Аболтус.

Хутор – классный парень. Вчера с ним про-
говорили до ночи. Я чуток приболел. А он лечит
нас периодически. :)

Обязательно схожу с ним в бар.

Дядька он добрый, хотя может скрутить
врага в бараний рог. Он рассказывал много о
поверьях и языческих обрядах Руси.

Ночью, как и вчера, на укропов падал до-
ждик с градом.

Пошло потепление, и появились мошки
и жуки.

ПЕРВЫЙ МАРШ-БРОСОК

Лесом тёмным-тёмным
Шёл наш батальон,
Вдали за терриконом
Родной остался дом.
Отвела молитва
Смерть куда-то вбок...

До сих пор мне снится
Первый марш-бросок.

ВОЙНА СЛУЧИЛАСЬ С НАМИ

Мы в снегах лежали,
Мины в небе были,
Слёзы набежали,
На щеках застыли...
Голова покрылась
Седыми волосами.

Что случилось с нами?
Война случилась с нами!

ПЕСНЯ О ПОЛКУ

Мама, напиши песню
О нашем двести восьмом,
Как бойцы сражались
В лесу ледяном,
Как солдаты лежали

В промёрзшей земле,
Как мины визжали
В огненном феврале!
И о Победе скорой,
Пожалуйста, напиши!
О том, что мы будем дома,
О том, что мы будем жить!

ЗВЕЗДА СВЕТА

Звезда света,
Дай хоть немного тепла,
Напомни о лете,
Путь укажи туда,
Где мы ещё дети,
Где счастьем полна
Душа моя,
Застывшая
В окоченевшем теле.

ДАРА

Милая сестра,
Давай отбросим грусть!
Близится пора,
Когда к тебе вернусь!
Дорогая Дара,
Я сейчас в лесу,
И я тебе в подарок
Яблок принесу.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Ангел-хранитель,
Ты моя броня,
Пусть осколки мимо
Прносятся, звеня.
Мины, разрываясь,
Обойдут ребят,
И снаряды гаубиц
Не тронут, пролетят.
Мощный, будто «сушка»!
Белое крыло!
Мне с тобой, братушка,
Пожалуй, повезло!

ДРАКОН ДОНБАССА

Не буди дракона –
Стража Террикона!
Если он проснётся,
Степь огнём зальётся.
Тебе к родному дому
Вернуться не придётся.

Не буди дракона –
Стража Террикона!
Только нам покорен,
И нас он защитит.
Кто пришёл с войною,
Кто пришёл с раздором,
Тех огненной волною
Он испепелит!

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ РУССКИМ

Быть русским – значит
Защищать, спасать,
Принять безропотно
Свою «несчастну долю»
И под огнём
Не дрейфить пулемётным.

МОЙ РОДЖЕР

Я назову автомат
Роджером.
Я солдат,
Но улыбкой кривой
Похожи мы.

Я назову автомат
Роджером.
Я как старый пират:
Жизнь прошлая
За борт сброшена.

31 МАРТА 2022 Г.

Мама, ваши письма были написаны в мой второй день рождения. В День Святого Патрика, 18 марта, я был на побывке, а наш блиндаж разворотила мина. Вот что значит удача!

В тот же день госпитализировали Эймунда: он простудил тройничный нерв. А через пару дней, 20 марта, я принял боевое крещение. Мы выносили раненых, после того как нас обстреляли! Боженька бережёт! А теперь наша очередь дарить дождик с градом.

P.S. Целую всех.

1 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Сегодня будем покидать наши позиции, двигаться вперёд, опять копать. Говорят, Лисичанск и Север так просто не взять. Враг очень хорошо укрепился. По ночам слышен гул техники и видно зарево. Наши славно работают!

Большую часть стою на посту, рисую, пишу и очень скучаю.

В воскресенье поеду в село на побывку в баньку.

Леса тут, мам, очень красивые.

Эх, если бы не война...

5 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Первые цветы.

На новых позициях уже окопались. Видно лисичанские горы.

Занесли меня в наградные списки.

Укры рядом, но ночью и днём им дарят град и огонь.

Постоянно начеку, чтобы встретить гостей.

7 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Времени рисовать и писать стихи всё меньше. Возможно продвижение вперёд. Можно сказать, что сейчас мы блиндажные войска. Чуток подводит здоровье, а так всё хорошо. Только тревожно и зуб болит, но, я думаю, прорвёмся. До Северодонецка и Лисичанска рукой подать, но укропы хорошо окопались и выпускают ДРГ. Но, я думаю, им это не поможет.

9 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Ваша посылка дошла, и теперь я ещё тот воин Аллаха. :)

Связи с вами нет. Симка бракованная. Лютый, дикий лесоруб, заебашил буржуйку. Кофейничаем.

Ночью летают птички и слышны выстрелы. Ходил на дальний рубеж.

В Севере взорвали завод, виден розовый дым. А так дарим укропам дождь с градом.

С любовью, твой Аболтус.

12 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Всё ещё в лесу. Ночью бьём укропов. Времени писать и рисовать мало, постоянно на посту или бегаю по поручениям.

Впервые за долгое время связался со своими. На душе легче.

Видел на видео, как укропы издеваются над пленными.

Твари!

17 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Болят зубы, а так здоров.

Встретился я позавчера с Эймундом.

Пробивается Лугаком.

Лес стал родным домом.

Пытаюсь писать и рисовать.

Моё творчество всем нравится.

Возможно, станем комендачами.

Наши щемят укропов днём и ночью.

Чувствую тоску. Так много дел дома.

19 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Я не жалуясь, моя воля по-прежнему не сломлена, стойко и гордо стараюсь нести службу.

Но честно, эта война уже достала.

Узнаю про некоторых трусов и уклонистов из ряда моих знакомых, мерзко.

А ещё накопилось много дел дома.

Как же война меняет приоритеты.

21 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Вчера мы ушли из леса. Война учит не откладывать времени на потом. Нужно всё делать сразу, потому что можешь не успеть. Сегодня

доделывал набросок боевого товарища, которого больше нет.

Горько терять камрадов.
Но это война, ничего не изменишь.
Сегодня он, а завтра, может быть, мы.

22 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Редкое блаженство с братом на броне.

23 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Что может быть приятнее, чем быть среди своих друзей и братьев? После долгой отлучки Лёша сегодня играл на пианино. Живая музыка завораживает.

Многих из нас кинули в 7-ю бригаду. Это мог быть и я.

24 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Поздравляю со святой Пасхой!
Нас переводят в комендатуру.
Казаки-комендачи, звучит забавно.
Горестно, что отрывают от родного полка, но Казак подбодрил речью.
Честно говоря, мне было спокойнее в лесу.
Переводят нас в ДНР, на Красный Лиман.
Работа комендачом имеет свой шарм и свою специфику.

Надеюсь не запятнать честь родного 208-го полка.

25 АПРЕЛЯ 2022 Г.

Ну, родные мои, теперь я в военной полиции. Дедушка, можешь не учить меня технике безопасности, я уже опытен.

Моя решимость не сломлена, сердце наполняет ярость и желание отомстить мерзавцам. Обстановка жаркая. Попали под обстрел. Есть 300-е. Но мы держимся, и всё у нас хорошо. Единственно, что печалит, нечем жахнуть по ним. Люблю вас всех и скучаю бескрайне. Благодарен вам за поддержку. Надеюсь, скоро увидимся и отпразднуем победу.

С любовью, ваш Аболтус.

26 АПРЕЛЯ 2022 Г.

«Мы даже в бой идём с музыкой».
Прибыли на месторасположение.
Увидел россиян. Приятные ребята.
Их очень удивили наши моськи («моська» – винтовка Мосина) :)
Нашел трофейную словацкую кепку.
Наши давят укропов.

1 МАЯ 2022 Г.

Наши под обстрелом опять. От взвода осталось 10 человек. Остальные 300-е.

Хочется отомстить этим мразям. Били нас с миномётов и градов. По всей видимости, нас заложили местные...

Признались в своих деяниях. Надеюсь, они получают по заслугам.

2 МАЯ 2022 Г.

Обстрелы стали для нас нормой. Чувствуем себя не то тряпками, не то монстрами подкроватными.

Слышен стрелковый бой вдалеке, возможно, постреляем.

Страха нет. Лишь решимость.

3 МАЯ 2022 Г.

Пишу под звуки прилётов. Вчера ночью били укропы фосфором, ужасающее зрелище.

Прилёты по нам стали обыденностью. Уже почти не страшно, «если суждено, то суждено».

А всё благодаря местным проукропам, навели они на нас грады.

Забавный факт: свист чайника теперь заставляет прятаться.

Страниц дневника осталось совсем мало, поэтому шлю его вам, мои родные и дорогие! Жду новый блокнотик, чтобы радовать вас стихами и рисунками.

Ждите с победой.

Ваш мятежник :)

Мы обязательно встретимся!

* * *

Пара глаз, увидевших войну,
 Стёкла их не однотонны – витражи.
 Между тонких линий сплава, как в плену,
 Расколота на кусочки жизнь.
 Разбросанная мною по полям,
 Расписана кому-то между строк,
 На крыле раскрытом журавля
 Унесённая отсюда прочь.
 Но я остался.
 И пока стою,
 Будет город за спиной стоять.
 Будет сердце колоколить в грудь,
 Отдавая звоном в рукоять,
 Дыбющуюся из вражеской груди, –
 Я кроил и штопал, как сукно,
 Тех, кто смел мой город оградить
 До выходов размерами с окно,
 До выходов размерами с прицел.
 И яблочки созрели и висят
 В центре каждого из выживших сердец,
 Ствол к стволу – невырубленный сад.
 И дрожит, и рдеет на ветру,
 Играя музыку на струнах диких лир.
 Знаю точно, я здесь не умру,
 Ведь мои глаза видели... мир.
 В котором воздух обжигал нутро,
 В котором небо плакало навзрыд
 И клубилось, как бурливый рой,
 Над теми, кто за мир на грех убит.
 Солнце, как в воронку, засосёт
 Беззубый багровеющий закат,
 Не лишь одной молитвой был спасён
 Город, что ни в чём не виноват.
 Пара глаз, увидевших войну,
 Стёкла их не однотонны, витражи.
 Между тонких линий сплава, как в плену,
 Склеенная из кусочков жизнь.

Алеся КАЗМЕРЧУК

Родилась 7 июня 1989 года в городе Луганске. Поэзией заболела в студенческое время. Публиковалась в журналах «Молодой луг», «Александръ», в альманахе «Территория слова», в сборнике «Любимый город над Луганью». Автор сборников «Мечта на подушках пальцев» (2019), «Столица сердца» (2021), соавтор сборника «Мирное поле поэзии» (2021). Лауреат фестиваля «Муза Новороссии» (2018). С 2021 года занимается вёрсткой и оформлением книг. Любит природу, животных, литературу, творчество в любом его положительном проявлении и любит свою Родину.

* * *

Железнодорожникам

И снова о войне, и снова о войне.
 О бесчисленной боли, уплаченной за отсрочки.
 Простые люди знают, как снаряд выглядит извне.
 Каждый вышедший за порог –
 потенциальный срочник.
 Сотня железнодорожников,
 уцелела всего лишь треть...
 Под Попасной: кто ранен,
 а кто навсегда остался
 Из сводок, из новостей,
 из заплаканных глаз смотреть
 На нас, смевших выжить, ещё пока костных,
 страстных.
 Похоронку – не парятся –
 просто оставят в двери,

Наталия МАВРОДИ, Луганск

Поэт, прозаик. Родилась в Мариуполе Донецкой области. С детских лет живёт в Луганске. Образование высшее. По профессии – инженер-литейщик.

Автор книг стихов «Две стороны», «Времена не выбирают», «Голос времени», книги сказок «Снежка», соавтор краеведческой книги «Гостиница "Украина" ("Октябрь")». Стихи, рассказы и сказки напечатаны во многих альманахах, коллективных сборниках и периодических изданиях Украины, России, Беларуси, Германии, Греции, Великобритании.

Председатель правления Межрегионального союза писателей, член исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС), шеф-редактор альманаха и сайта МСП «Свой вариант». Лауреат литературных премий имени Олега Бишарева, имени Михаила Матусовского и имени Владимира Даля.

ФАНТОМНАЯ БОЛЬ

Фантомная боль
таилась до срока:
Вновь кровью – за кровь
и око – за око.
Мы, люди-цари,
подобные Богу,
Что с жизнью творим?
Мостим ЧЕМ дорогу?
Не видим ни зги,
черны злобой вены –
КАК наши мозги
очистить от скверны?
Ни троп, ни моста –
к ответам искомым.
В молчанье уста
на ликах иконных...

Бесовская хворь
вселилась когда-то...
Вновь кровью за кровь... –
потомкам расплата.

ЛУГАНСКОЕ ЛЕТО 2014 ГОДА

Мы – заключённые войны,
Дома, квартиры – казематы.
Не знаем за собой вины –
Лишь тем, что живы, виноваты.

Вновь – росчерк залпов за окном
И в щели воздух жарко дышит.
И страшной жатвы дальний гром
Поля багровые колышет.

Осколки, пули всех мастей
Жужжат и жалят наши души,
И сводки лживых новостей
Нелепостью мозги нам сушат.

А где-то там за горизонт
Всё так же облака стремятся
И разноцветный пляжный зонт
Беседует с журналом глянцем.

Решают тысячи проблем –
Жизнь так сложна и непонятна!
У нас же главная из тем:
Чем смыть с асфальта крови пятна.

О КОТЕ И О ВОЙНЕ

Кот умер на рассвете –
Отмаялась душа.
Стонал чуть слышно ветер,
Снег падал не спеша.

Он мамой-кошкой Соней
Обласкан был всегда –
Пусть не был сын тихоней,
Была им мать горда.

Котом он слыл бойцовым –
Драчун и хулиган,
Для местных кошек – «клёвым»,
Котам – что ураган.

Нередко доставалось –
Он вечно рвался в бой:
Нос «в кровь» – какая малость,
Но хвост зато грубой.

И надо же случиться –
Средь мира вдруг война.
От взрывов жизнь дробится –
И Соне не до сна.

Три дня не покидает
Она свой пост-дозор –
Всё сына ожидает,
Сверлит зрачком забор.

Притихший и ослабший,
Кот из последних сил,
Всю лютъ войны познавший,
Кровавый след чертил.

Задать ему бы трёпку:
Где неслух пропадал?
Но... тут не до упрёков,
Тут ни к чему скандал.

Мурлычет с болью Соня
И лижет сына шерсть –
Как жаль, что не тихоня,
Да уж такой, как есть...

Кот умер на рассвете –
Отмаялась душа...

* * *

Умолкли орудийные раскаты,
И над Луганском воцарилась тишина,
Вновь мирной жизни выстроились даты,
Но крепко держит цепкая война.

Наверно, долго позабыть не сможем
Гарь чёрных дней, и зарево ночей,
И боль за тех, чью жизнь войной итожа,
Уносит в небо стая журавлей.

И будем вздрагивать, и долго будет страшен
Звук канонадный фейерверков и петард,
И в идиллических картинках вешних пашен
Нам будет видеться боёв крошечный ад.

ГРАНИЦЫ, ГРАНИЦЫ, ГРАНИЦЫ...

Границы, границы, границы...
Заборы, заборы, заборы...
Рассечены сёла, столицы,
Рассечены реки и горы.

Рассечены судьбы и души,
Сердца размежованы грубо,
Сковала и море, и сушу
Болезни смертельной остуда.

Планета Земля на закланье:
Сады, перелески и пашни –
Мы прокляты непониманьем
У стен Вавилоновой башни.

Когда ж разорвём эти сети
И Землю любовью согреем? –
Единого семени дети.
Но... делим всё, делим и делим.

ИДЕМ НА ВЫ!

В гостях у журнала «Александр» журнал «Северский Донец» Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России, Луганская Народная Республика.

Владимир КАЗМИН

ИДЁМ НА ВЫ!

Когда вскипела ярость благородно,
Забилось сердце чаще и в душе
Ты слышишь силу-мощь всего народа
На этой исторической меже.

Как будто ничего и не случилось,
Всё так же свет лучится за окном,
Летают птицы и поют на милость,
Но кожей слышу – боль стучится в дом...

И эта боль раздвинула сознание
И спрессовала, как в прежние века,
Всех воедино в центре мироздания
Могучей правдой силы кулака!

Вы разбудили русского медведя,
Так говорят в народе, и теперь
Враги за все деяния ответят,
За плач детей и тысячи потерь.

За весь Донбасс, за Харьков и Одессу,
За Мариуполь и за нашу речь
На вашем пепелище, скажем честно,
За мир любви не пожалею свеч!

От Лены, Енисея и от Волги,
От Дона и Оки, и от Донца
Вольётся правда в Днепр водой тревоги
И отрезвление милостью Отца.

Заблудшим братьям-украинцам скажем:
Вы не враги, единый мы народ!
Да будет мир на общей ниве нашей,
И наша правда всех врагов сметёт!

А тем врагам, кто скалится в Европах,
И тем врагам заокеанским, вам,
Тем, кто сорвался в лае злобном в штопор,
Скажу: вы будете разбиты в хлам!

Вы снова всю историю забыли,
Ох, как же память ваша коротка,
Вам наши сказки не понять и были,
Прочистим память остриём клинка!

Вам просто не понять тех слов великих,
Что вспыхнули на знамени сейчас,
И снова засияли в небе лики,
И воедино Русь собрала нас!

Я лакец, дагестанец и татарин,
Я русский из просторов всей страны,
Ингуш, еврей, якут – все братья с нами...
Едины мы! И мы идём на вы!

УКРОНАЦИСТАМ НА ГИБЕЛЬ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ КРАМАТОРСКА

Вы кровью умоетесь, укры!
И пусть не опустятся руки
Бойцов, зачищающих вас...
Да здравствует русский Донбасс!

И все убиенные дети,
Что светом Божественным светят,
Приблизят возмездия час.
Да здравствует русский Донбасс!

Вы, в огненной корчась геенне,
Сгорите, и место вам в тлене
За гибель невинных...

Мой сказ:

– Да здравствует русский Донбасс!

8 апреля 2022 г.

И СЕРДЦЕ РВЁТСЯ ОТ БОЛИ

ТАКОЕ ВЫДУМАТЬ НЕВОЗМОЖНО, ТАКОЕ МОЖНО ТОЛЬКО ПЕРЕЖИТЬ. ХОТЯ И ПЕРЕЖИТЬ ОЧЕНЬ СЛОЖНО. МНОГИЕ НАШИ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ НЕ ПЕРЕЖИЛИ ЭТОТ СТРАХ И НЕВЫНОСИМУЮ БОЛЬ ВОЙНЫ. А ОНА, ЗЛОДЕЙКА, ГУЛЯЕТ ПО ЮЖНЫМ ПРОСТОРАМ ЗЕМЛИ РУССКОЙ. ВОЙНА ЗАКОНЧИТСЯ, НО БОЛЬ ОСТАНЕТСЯ В ДУШАХ И СЕРДЦАХ МНОГИХ ПОКОЛЕНИЙ. ПРОЙДЁТ НЕМАЛО ВРЕМЕНИ, ПОКА ЗАРУБЦУЮТСЯ РАНЫ ДУШЕВНЫЕ.

СЛОВО ОЧЕВИДЦЕВ О БЕЗУМИИ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА В ДОНБАССЕ

ОЛЬГА:

– Повезло, из Мариуполя выехали всей семьёй. О том, как и что за это время пережили, даже вспоминать страшно. Такое было! Живого места нет в городе. Все школы, садики, магазины, аптеки, дома... Всего этого нет! Везде свисают провода, кругом неразорвавшиеся снаряды. У нас в районе двадцать девятиэтажек и частный сектор вокруг. Всё разрушено. Мы жили в Ильичёвском. Сначала между перегородками спасались, в коридоре, а потом мы в подвале

ютились под магазином. Повезло, что под землёй сидели, но всё равно всё ходуном ходило.

Мы решились выскочить из этого ада, получилось! Но везло не всем. Уезжала моя знакомая Наташа на машине, дорога заминирована, они пошли пешком. Украинские вояки начали стрелять по машине. Падают живые на колени, спрашивают: «Что ж вы делаете? Мы – люди!» А они матом: «Давай отсюда!..» Вот такие дела...

Мы приехали в Донецк, теперь всё позади, слава Богу!

ТАТЬЯНА, БЕЖЕНКА ИЗ МАРИУПОЛЯ:

– Я пешком вышла из Мариуполя и попросила помощи у военных ДНР.

Когда начались боевые действия, думала, что зачистка города от украинских оккупантов закончится быстро и этот период, пока Мариуполь не освободят, я смогу переждать дома. Такой надеждой себя тешили многие горожане. Я до последнего оставалась дома. Связи всё это время не было. Электричества, газа и воды – тоже. В подвал не спускалась, поскольку он был ненадёжным. В случае попадания в него боеприпаса из-под завалов могла не выбраться. Стало очень опасно. По моему переулку начали ходить танки, снесли угол забора. Загорелся один дом, второй, третий...

31 марта рискнула уйти из города. Около суток добирались до места, где были военные ДНР.

ЕВГЕНИЙ ИЗ ИЛЬИЧЁВСКОГО РАЙОНА МАРИУПОЛЯ:

– 1 марта я лишился квартиры в районе металлургического комбината имени Ильича. Украинские боевики разрушили её крупнокалиберными снарядами. Хотел перебраться в посёлок Каменск в отчий дом, но националисты не пропустили. Они заминировали дорогу, чтобы жители не могли покинуть город. Нас держали в качестве живого щита. Когда сильно обстреливали, приходилось прятаться в подвале многоэтажки. Но уже скоро от артударов и сам подвал стал обваливаться. Потом пришли украинские солдаты и сказали, что заминируют нашу многоэтажку. Кто не уйдёт, тот погибнет...

Всё это время приходилось голодать, пили одну воду...

МАРИЯ:

– Повсюду страшная вонь и антисанитария, потому что вокруг сотни разлагающихся тел. Время кажется бесконечным, когда ты прикрываешь рот своему ребёнку, а ему страшно, он кричит, но ты ничего не можешь сделать. Жутко и днём, и ночью. Мы научились плакать тихо, без звука, но всё так же содрогаясь от каждого выстрела или взрыва.

В подвале мы прятались более 20 дней, рядом с нами умер человек. Детям сказали, что он спит, но когда из трупа начала выделяться жидкость, мужчины всё же вытащили тело на поверхность. Больше я их не видела. Хочу верить, что их эвакуировали.

Дети постоянно видят разлагающиеся трупы людей, дышат трупным ядом – это реалии города в полной блокаде. Мёртвые повсюду, могилы повсюду...

Страшные дни моей жизни. Всё, что бабушка рассказывала о войне, оказалось правдой, но в десятки раз страшнее. Дети, искалеченные и физически, и морально. Невыносимо жить. Я не могу спать. Я видела смерть собственными глазами...

СВЕТЛАНА:

– Я вместе с 14-летним сыном провела под обстрелами в Мариуполе три недели.

Город окутал мрак нечеловеческого безумия. На глазах люди переставали быть людьми. Грабили магазины. У меня была истерика, сын меня успокаивал. На второй неделе остались вообще без возможности достать еды. Нам грозила голодная смерть или быть убитыми под обстрелами.

На центральный рынок привезли фуру картошки, собралось много людей. Прилетел снаряд от нацистов прямо в эту фуру, её разнесло, несколько человек погибли. Люди с задних рядов очереди лезли по мёртвым телам и разгребали картошку...

Рыскающими людьми часто становились все мы. Искали всё – воду, еду, дрова, связь. Мы начали ходить по разбитым магазинам, чтобы собирать картон, поддоны, коробки на растопку. Готовили во дворе на костре. Соседи-мужики поставили кирпичи, на них положили железную решётку. Они разводили костёр, один на всех из нашего подъезда, можно было ставить до восьми кастрюль за раз. В других дворах, я видела, бывало, каждый себе разводил костёр. Но мы решили, что вместе экономнее с точки зрения расхода дров и сил. Хотелось не только выжить, но и остаться людьми.

Первое время привозили воду во дворы, я так понимаю, что это никакая не организация, сами люди, сотрудники предприятий, у которых был доступ к воде и транспорт, развозили воду в бочках.

С 10 марта обстрелы становились всё ближе. Связь практически пропала тогда же, когда и продукты. Когда нет связи, ты не знаешь, что происходит даже в соседнем дворе, ты не знаешь, куда можно двигаться, где искать еду, выход, родных. Нет связи – есть ощущение, что ты остался совсем один и помощи уже не будет.

С середины третьей недели с нашего двора те, у кого были машины, начали пытаться уезжать. Автобусов эвакуации я не видела нигде ни разу. Мне казалось, что я умираю с каждой машиной, которая уезжала из города...

Я не понимала, что делать. Появился некий таксист и предложил вывезти из города за 100 долларов с каждой семьи. В машине, если плотно набить, могло поместиться две семьи. Таксист обещал приехать в семь утра. Таксист был слабой надеждой, но он приехал. Мы вылетели со двора, чтобы успеть в паузу между обстрелами. Я не знаю, сколько времени мы выезжали из Мариуполя, казалось, быстро, как стук сердца...

* * *

28 апреля из Попасной были эвакуированы 30 гражданских, которых два месяца насильно удерживали в подвалах солдаты ВСУ.

ПЕНСИОНЕР ИВАН ИЛЬИЧ, ЭВАКУИРОВАННЫЙ ИЗ ПОПАСНОЙ, ЛНР:

– Украинские нацисты закрыли нас в подвале, два месяца мы там сидели. Два месяца. А за это время спалили наш дом. Нам вообще не помогали. Ещё повезло, что не трогали. Хотя так.

В наш подвал наведывался украинский военный служащий. Я его называл «политинформатором». Придёт такой «вояка» и давай полчаса читать лекцию, что в Донбассе живут дегранты, что мы все живём в глиняных хатах.

Мол, посмотрите, как мы живём на Западной Украине. Никто ему уже ничего не отвечал. Постоянно был выпивший и под какими-то препаратами.

Помимо бесчеловечного отношения к людям, находящимся в подвале, националисты расстреливали жилые дома из танков в самом городе. Из-за одного из таких ударов погибла знакомая женщина. 8 марта националисты решили «поздравить жителей Попасной с праздником»: ездили по улице, расстреливая дома из автоматов...

Для эвакуированных из Попасной все беды и ужасы уже позади. 29 апреля, после оказания медицинской помощи, спасённых расселили в населённых пунктах, которые уже не подвергаются обстрелам. Важный со стратегической точки зрения город Попасная в ЛНР был взят 9 мая.

АНАТОЛИЙ, ЖИТЕЛЬ ПОПАСНОЙ:

– В начале марта по Первомайской улице ездили БТР и танк с красно-чёрным флагом «Правого сектора» (*организация запрещена в России*) и стреляли по частным домам. Одноэтажный дом складывался от одного попадания. За ним шли солдаты и стреляли. Я выскочил на улицу и получил пулю. Слава Богу, ранение оказалось лёгким. Бои в Попасной продолжались около двух месяцев. Город находится на высоте, и ВСУ не хотели его отдавать, так как после его падения союзнические силы могли развить наступление на Лисичанск и Северодонецк.

Весь частный сектор изрыт окопами и ходами сообщений. Линии обороны – через каждые 100 метров. В их глубине – ходы, соединяющие между собой подвалы домов. В наиболее крепких из них нацисты делали убежища для личного состава и склады. Огневые точки часто обустраивали на первых этажах. Они обкладывались мешками с песком и тщательно маскировались.

Украинские подразделения в частном секторе активно поддерживали снайперы. Они оборудовали позиции на верхних этажах девятиэтажек в центре города, а в подвалах

держали мирных заложников. Весь город был «пристрелян». Снайперы стреляли и по мирным людям...

**ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА,
ПЕНСИОНЕРКА, г. ПОПАСНАЯ:**

– Мы покинули квартиру и пришли в частный дом дочери. Дочь с семьёй эвакуировалась. В доме есть печка и подвал с «закрутками» – мы ими всё время и питались. Хлеба мы не видели месяца два... К грохоту разрывов привыкнуть можно. Без хлеба жить невозможно, но мы выжили...

РИММА ИЗ г. СЧАСТЬЕ, ЛНР:

– Зверства немецких фашистов меркнут на фоне «подвигов» украинской армии. Я не могу молчать о беспределе, который все эти годы совершался укронацистами. Я хочу быть услышанной и донести правду до всех, кто верит украинской пропаганде. Украинское телевидение регулярно выпускало сюжеты об обстрелах подконтрольных им территорий, заявляя, что это делалось подразделениями Луганской Народной Республики. Но все местные жители точно знали, что обстреливают их те, кто обещал счастливую и спокойную жизнь, те, кто обещал защищать их всё это время. Рассказывать об этом страшно. Националистические батальоны, укрепившиеся в каждом захваченном городе Луганщины, чувствовали свою безнаказанность и вседозволенность, прикрываясь фразой «война всё спишет». Все эти годы мы жили в страхе и не знали, когда наступит долгожданный мир. Спустя долгие восемь лет мы, жители освобождённых территорий, не сдерживаем слёз от радости освобождения!

Сейчас в моём доме из 20 жителей осталось шестеро. Шесть человек за время войны умерли, остальные разъехались в надежде на лучшую жизнь. Многие дома война вообще стёрла с лица земли. В каждой семье полomанные судьбы... Люди были вынуждены жить в холодных сырых подвалах, постоянно болея. На месте некоторых домов остались лишь пустыри с кучей строительного мусора или небольшие фрагменты стен. В лучшем случае полураз-

рушенные пустые коробки без крыши. Перед окончательным отступлением украинская армия сосредоточила огонь на электростанции и организовала жесточайший обстрел мирного населения. Это был ад! Всё вокруг взрывалось, гремело, образовались мощнейшие пожары. Снаряды летели со стороны Старого Айдара и Трёхизбенки. То есть город целенаправленно обстреливали со всех сторон. В результате город оказался на грани гуманитарной катастрофы: отсутствовали свет, газ, отопление и водоснабжение. Не было хлеба и хоть каких-то продуктов. Вся инфраструктура была полностью разрушена. Многие люди остались без жилья. И вот настало долгожданное освобождение!

Мы искренне верим, что уже совсем скоро благодаря мужеству наших солдат жители городов Луганщины и всего Донбасса будут освобождены от гнёта киевской нацистской власти и мы сможем вернуться к спокойной, мирной жизни. Каждый житель будет уверен в завтрашнем дне, находясь под надёжной защитой Луганской Народной Республики и России, с которой можно счастливо жить и созидать, а не бояться и разрушать, как это было последние восемь лет. Русский мир на нашей земле будет восстановлен!

**Подготовил
В. КАЗМИН**

Дебальцево / Островеч, Белоруссия

У меня потребность не в славе – в слове.
Подобрать сумею слова? Смогу ли?
Не забыть пытался, а всё запомнить,
Как бомбили город родной в июле.
А за солнцем в небе следит подсолнух,
Не стирает времени ластик раны...
Даже страшно, сколько всего я помню,
Не свихнуться б только от этих знаний.
Не топлю в гранёном стакане слово –
Мне нужна другая для слов огранка.
Этой ночью дома стреляли снова.
Сколько гари, сколько детей-подранков...
Ровно год Дебальцево под обстрелом...
Без него ничего я не представляю.
Каждой миной, взорвавшейся в нём, –
 расстрелян,
Каждым залпом по мне до сих пор
 стреляют...

Вот и лето прошло, словно не было лета,
Неуверенно, робко бредёт тишина,
Пусть разрывы её не спугнут до рассвета,
Полнолунным прожектором светит луна.
На лице у ребёнка играет улыбка,
Что-то снится хорошее поздней порой,
А в окопах не спят – перемирие зыбко,
Нужно быть начеку здесь, на передовой.
Вдаль плывут облака, как огромные рыбы,
Их уносит бескрайнее небо-река.
Мир настанет, чтоб вместе собраться могли бы,
А пока вдаль по небу плывут облака.

Затяну потуже пояс,
Чуть помятый, но живой,
Сяду ночью в скорый поезд –
Пусть везёт меня домой.
Выйду на Луганской трассе,
Где трава не так густа.
Здесь когда-то был я счастлив...
У разбитого моста
Семь могилок очень стойко
Охраняют тишину.
Я приду сюда и горькой
Всех умерших помяну.
Встречу близких и знакомых
По пути к себе домой,
Подойду к родному дому
По разбитой мостовой...
Мама сыну улыбнётся,
Покачает головой:
– Ты приехал, здравствуй, солнце!
Пусть помятый, но живой...

ФРОНТОВИКАМ

Сколько пришлось пройти
Вам фронтовых дорог,
Сколько перенести –
Ведает только Бог.

Было немало стран,
Был ваш нелёгкий путь,
Храбрым неведом страх –
Били осколки в грудь.

Выполнили приказ,
Свой защитив народ.
Сколько погибло вас...
Сколько растёт сирот...

Вы проливали кровь,
Остановив орду...
Вас сберегла любовь
В этом сплошном аду.

К Родине нашей святой,
К жёнам своим родным –
С этой любовью в бой
Шли вы вперёд – на Берлин.

Вот уже пал Рейхстаг,
Первоисточник бед,
Вот над Рейхстагом флаг,
Знамя больших побед.

Знамя нашей страны,
Алый советский флаг.
Вот он, итог войны –
Нами повержен враг!

В битве света и тьмы –
Стёрли фашистскую грязь!
И в день победы вы
Плакали, не стыдясь.

Было немало стран,
Был ваш нелёгкий путь,
Храбрым неведом страх –
Били осколки в грудь.

Сколько пришлось пройти
Вам фронтовых дорог,
Сколько перенести –
Ведает только Бог.

О ВЧЕРАШНЕМ...

Перемирие Минско-бумажное.
Мы не верим – по горло насытились.
По TV кутюрье эпатажные
И продажные горе-политики.
Дед Мороз где-то бродит с подарками,
Новый год не спеша приближается,
Изогнулась дуга Светлодарская,
У Дебальцево смертью харкается.
В центре города было нехолодно,
Ребятишки собрались у ёлочки.
Детский праздник не просто испортили –
Обстреляли Дебальцево, сволочи.
Прилетело по Первой, по Фестивалу,
Рынку тоже обратно досталось и
Нашей церкви... Напрасно вы креститесь,
У стрелявших – ни Бога, ни жалости.
Кто-то, это читая, поморщится,
Кто-то, это читая, поохает.
Но молчит мировое сообщество –
Мировому сообществу по херу!

ДЕБАЛЬЦЕВСКИЙ ПОЭТ

Я равнодушен к регби и футболу,
С женою сериалы не смотрю.
Мой младший сын уже окончил школу,
А старший сын создал свою семью.

Живу в деревне в деревянном доме,
Дойдёт когда-то и сюда прогресс.
Лежат сейчас в полях тюки соломы,
Шумит за огородом древний лес.

Из янтаря в лесу лисичек россыпь,
Опята кругом на трухлявом пне,
Здесь небо ниже и сильнее грозы,
И дом родной всё чаще снится мне.

Меня судьба хранила не напрасно,
Хотя хлебнул и горя я и бед...
Я был и остаюсь певцом Донбасса,
Я – русский, я – дебальцевский поэт!

Константин КОВАЛЬ,

г. Дзержинск

Родился 16 апреля 1965 года. Окончил Донецкий государственный университет. В настоящее время работает в социальной сфере. Печатался в литературно-художественных журналах Донбасса, России, Белоруссии. Автор пяти поэтических книг.

Член Межрегионального союза писателей, лауреат литпремии им. Михаила Матусовского.

ЗВЕНЯЩИЙ ПОТОК

Война – подруга лекаря и вора.
Один поднатореет на свинце,
Второй его практичностью доволен,
Поскольку йод и скальпели в цене.

И тот и тот презрения исполнен
К тому, кто гимны грозные слагал,
Но оба рады знать, как гордый воин
Поднялся в штыковую на врага.

Покуда легионы и герои
Там где-то рвут шинели и чубы,
Неукротим поток монеты звонкой
За корвалол, тушёнку и гробы.

Зато потом, когда умолкнут пушки,
Они не раз поднимут свой бокал
За тех, кого глубинно и наружно
Обчистили по праву и без прав.

ВРЕМЯ

Время – конь, седока не познавший,
Отмахнувшийся гривой иных –
Вечных пахарей, в нивах уставших,
Дранных вожжами в матах тугих.

К мятным ласкам оно безучастно,
Презирует кровавую прыть.
И властителей бранного счастья
Не желает в триумф вывозить.

Дробным стуком копыт неподковных
Задевает оно скакунов,
Оболяет игривой погоней,
Позволяет тягаться с собой.

Обзывается радостным ржаньем
К тем, кто к скачке весёлой готов,
И дарует обрывом неожиданным
С нервным храпом и ломкой голов.

Продолжает свой бег, как и прежде.
На кого же, скажите, пенять
Обошённым крылатой надеждой –
Обойти, обскакать, наверстать!..

ОДНАЖДЫ

Однажды мы покинем наши замки,
Открестимся от прадедовских лат,
Привыкнем забегать в фастфуд на завтрак,
Планировать детей, бранить ноябрь.

Забудем крепость слов и алкоголя,
Махнём на притязания к меже,
Не будем заводить ночные споры
В винительно-предложном падеже.

Устанем замечать косые мины
И зеркало не станем укорять.
Прилипнем к распродаже на витринах,
Проникнемся к чужим календарям.

Приучимся бездельничать в субботу,
Усвоим все чужие языки,
Купируем хвосты, обрежем когти.
И станем теми, кем не стали мы.

Однажды... всё случается однажды.
Сегодня, завтра, через сотни лет,
Когда как будто наши, но не наши
Приспущат флаги дедовских побед.

ДЕНЬ ТИШИНЫ

В закатных окнах отразился красным
И растворился в бармах синевы,
Возможно, самый лучший в мире праздник –
День, названный Началом Тишины.

Ужели ангел взял нас на поруки?
А если ночью снова за своё?
И мы всё так же пеленгуем звуки
И маскируем шторами жильё.

День Тишины случается нечасто.
А если сделать Годом Тишины?
Кровавый шрам зари зарубцевался
И почернел, но боли не прошли.

СТЕПЬ НЕ РОЖДАЕТ РАБОВ

Отклик на стихи Катерины Жильцовой

Степные волки не приучены юлить,
Вилять хвостом, выпрашивать подачки,
Валяться перед сильными в пыли
И цепью утешаться по-собачьи.

Им с пастбища баранов не гонять,
За рябчиком не бегать по болоту
И пьяненькому лапу не давать
За то, что он под дых не въехал ботом.

На клички и привычки – наплевать.
И слёз не лить над мискою в вольере,
Когда – чего бы ради? – старший брат
С раздачею насущного промедлил.

Пусть в брюхе воют трубы всех мастей
И рана кровоточит от жакана –
Не пёсье дело бегать по стерне,
Не знающей ни рала, ни отары.

Не пёсье дело прыгать под флажки,
И норы рыть на капище сарматском,
И каждому созвездию дарить
Не волчий вой, а песнь степного братства.

Не пёсье... Мы уж точно не из тех,
Кто служит господину с упоением.
Здесь каждая могила – оберег.
И всякий полумесяц – утешенье.

О чём дрожат над Калкой камыши?
Зачем ковыль седеет над Бахмуткой?
Куда Донец серебряный спешит?
И почему Торцу не спится утром?

Спросите у извечных степняков.
Они ответят коротко и просто:
Мы не плодим холопов и рабов,
И в стае места нет для недопёсков.

Здесь вовсе не приучены юлить,
Вилять хвостом, выпрашивать подачки,
Валяться перед сильными в пыли
И цепью утешаться по-собачьи.

Но каждому, кто будкою оброс
И метит степь всё так же по-собачьи,
Какой бы он породы ни был пёс,
Не будет ни спасенья, ни удачи.

Бегите в заборные края.
Скулите от обиды из задворков,
Ошейник завешайте сыновьям –
К свободе не приходят из холопов.

Иван НЕЧИПОРУК, г. Горловка

Коренной горловчанин, родился в 1975 году. В довоенном прошлом – шахтёр с 20-летним подземным стажем. Выпускник Горловского ИИЯ и Славянского ГПУ (филфак, заочно). Автор нескольких книг стихов, прозы и очерков. Зампредседателя Межрегионального союза писателей, член СП России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария), редактор литературного журнала «Пять стихий».

* * *

А сверху город словно сказка –
Ряды недремлющих домов,
Где осень растеряла краски.
Сентябрь ещё предельно ласков,
Но путь его уже тернов.

Без птичьей суеты жизнь тише,
А ветер густ, как будто дым...
И мы опять сидим на крыше,
Надеясь, что Господь услышит,
Мы с Ним стихами говорим.

МЫ ПОБЕДИМ

*Наши лица как дым, наши лица как дым,
И никто не узнает, как мы победим.*

Э. Шклярский

Мы над полем, от ветра седым,
Как стена частокола, стоим.
И готовясь вперёд сделать шаг,
Из небесного выпьем ковша.
Наши лица как ветер, как дым,
И поём мы: «Осанна грядым».

Мы апрельским цветеньем пьяны,
Слышим хрипы старухи-войны.
И готовясь вперёд сделать шаг,
С жаждой битвы стоим чуть дыша.
Силы неба нам в помощь даны,
Мы вернуться с Победой должны.

НОЧЬ С АПРЕЛЯ НА МАЙ

(Горловский сонет)

Как в полусне, сознание парит.
Всё врёт судьба, хоть вроде мягко стелет,
Я вне себя десятую неделю,
И к звёздам рвётся нерождённый крик...
Забычковав последний день апреля,
Я первый майский кофе заварил.

А город содрогается в ночи,
И остывает в чашечке эспрессо.
Там, над Глубокой¹, дымная завеса
И воздух обречённостью горчит.
Моей весны безрадостная пьеса
Трепещет, словно язычок свечи...

Гул сотрясает небо без умолку,
И робкий май шагает по осколкам.

¹ Глубокая – окраинный микрорайон Горловки на линии соприкосновения.

У ПАМЯТНИКА ГРЕНАДЕРАМ

На солнце или в непогоду,
Объятый пышною листвою,
Солдат двенадцатого года
Стоит над старой мостовой.

А взгляд невесел у солдата,
Гнетёт его тугая грусть...
Они отсюда шли когда-то
На битву за Святую Русь.

А нынче боль в тиски зажала,
Ведь не понять, кто враг, кто друг...
Здесь одурели горожане –
Здесь убивают русский дух.

И люди, превратившись в стадо,
Бесчинства по стране творят...
Вдаль смотрит обречённым взглядом
Лишённый Родины солдат.

В ТАКИЕ НОЧИ

*В такие ночи люди умирают.
Зачем же я, дурак, ещё живу?
Б. Чичибабин*

В такие ночи люди погибают
Под вероломным яростным огнём.
Людские жизни, словно свечи, тают...
А мы, счастливы, надо же, живём!

Мы просыпаемся. Шатаясь, на работу
Идём и оживляем города,
И снова дышат шахты и заводы...
А кто-то в Лету канул. Навсегда!

Мы будем жить назло друзьям вчерашним!
Снарядами летят сомненья прочь...
Обязаны, как ни было б нам страшно,
Жить за себя и за ушедших в ночь!

ДЕРЖИСЬ, ГОРЛОВКА!

Не сдаётся зима, и осколки пронзают сугробы,
Давят мысли и страхи, когда сам с собой
не в ладу.

Этот город – души моей вечный Чернобыль
И алтарь, на который я сердце кладу.

Город-мученик, он, опалённый огнём «операций»,
Так устал содрогаться и чувствовать
привкус вины...

Я молю: «Продержись! Мы должны продержаться!
Есть надежда, что мы на пороге весны!»

Я ОСТАЛСЯ ОДИН

Боль людская – тротиловые мегатонны,
Рвётся сердце в моей обречённой груди,
Пожинаю потери свои неуклонно.
Я остался один из семи Симеонов.
Я остался один!

Этой боли мне в душу вколочены сваи,
Плачет сердце, как будто запуганный зверь.
Это время за ворот тоску заливает.
Что мне делать теперь, моя память живая?
Что мне делать теперь?

Говорят: время лечит, но чаще – калечит!
Лишь мгновения мимо сознания бегут.
Страх терзает меня и хватает за плечи.
Я уже не смогу быть бродягой беспечным.
Я уже не смогу!

* * *

Нынче смерти в городе привольно,
Не смолкает канонады грохот,
И летят сквозь тьму то «смерч», то «град».
Спрашивает маленькая кроха:
«Мамочка, а умирать не больно?
Это словно кровь из пальца брать?»
И дрожа в пылу смертельной грусти,
Отвечает мама на вопросы,
Тихо, чтоб не напугать дитя:
«Нет, не больно, как комар укусит...»
...Только боль из глаз течёт, как слёзы,
И снаряды всё летят, летят...

Елизавета ХАПЛАНОВА,

г. Макеевка

Родилась 17 февраля 1977 года в г. Макеевке. Окончила Харьковский национальный университет внутренних дел и адъюнктуру, по образованию – юрист. В настоящее время – студентка Литературного института им. М. Горького. С августа 2021 года проживает в Москве. Автор поэтических и публицистических книг, лауреат нескольких литературных премий. Редактор альманаха «Литературная Макеевка», заместитель редактора журнала «Пять стихий». Член Союза писателей России, правления Межрегионального союза писателей, Международной Славянской литературно-художественной академии (Болгария).

ВЫБОР

Кому-то дым чужих высот,
Кому-то пыль сапог походных.
Кому – острог, кому – свобода.
Кому-то тыл, кому-то фронт.

На каждый дом – своя судьба:
Кому стоять, кому – разруха...
Войне уже вспороли брюхо,
Но продолжается борьба.

На каждый метр моей земли
Идёт охота интервентов.
И нервы вытянутой лентой
Вдоль трасс донецких пролегли.

Кого-то ждёт валютный счёт,
И потому не до трагедий.
Другим – отдать в наследство детям
Родной язык, здоровый род.

Мир взбит, как сливки для безе...
Но встала матушка Россия –
И будет жизнь, и будут силы!
Кому-то Heil¹, кому-то – Z.

ДОМ

Всё теплее воздух за окном.
Майский вечер шире и светлее...
Я молюсь за опустевший дом
Так усердно, словно старец в келье.
Потому что должен быть у стен
Запах жизни, отпечаток счастья.
Чтобы мотылёк в окно летел
И касался тонкого запястья...
Чтобы дом не знал отныне бед
И весну приветствовали птицы.
Чтобы поистёрся горький след
В душах тех, кто всё же возвратится...

МАРИУПОЛЮ

Не хочу вспоминать, кто на чьей стороне.
Не хочу ни винить, ни жалеть.
Мариуполь, ты плавишься в этом огне,
Где мерилом нежданная смерть.

Сердца зрение с каждой минутой острей,
Предо мною – пылающий стан.
Мариуполь, донецкой войны Колизей,
Возрождения образом стань!

Там, в пучине твоих нестигаемых дней,
Моя детская память живёт.
Там – мой брат... И могилы родных мне людей.
Там – мой сильный и храбрый народ.

¹ Нацистское приветствие.

Екатерина РОМАЩУК
Горловка, ДНР

ЭТО ЛОЖЬ, ЧТО К ВОЙНЕ ПРИВЫКАЮТ

Это ложь, что к войне привыкают,
Что черствеют людские сердца.
Не бывает у времени края,
Также боли не видно конца.
И неважно, часы или годы
Совершают убийственный грех.
Это сердце бомбят, а не город.
Это ты умираешь за всех.
В небе душ безголосая стая
(Их смертям оправдания нет).
Это ложь, что к войне привыкают...
Невозможно привыкнуть к войне.

ГОРЛОВКЕ

Мой город спит, укрывшись одеялом
Из ярких звёзд, которым счёта нет.
И лишь луна, что выглядит усталой,
Считает окна, где не гаснет свет.
Мой город сильный. Весь в трудах,
заботах.
Его характер крепкий, как гранит.
Он целый день кипит, живёт работой.
А ночью... как ребёнок малый спит.
Мой город спит. Так тихо и безопасно.
И радужные, верю, видит сны.
Пусть город мой живёт под небом вечно,
А это небо будет без войны.

ЗИМНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Кружится снег, как стая белых мух,
Которым больше некуда прибиться.
И мысли почему-то только вслух,
И ночью почему-то мне не спится.
Зима колдует снежною метлой
И заметает город снегопадом...
Я так люблю стихи писать зимой
И чтобы ты сидел со мною рядом.
А в доме чтоб тепло и детский смех
Звучал по комнатам и разносился эхом...
А за окном чтоб непременно снег
И город, занесённый этим снегом.

ВОЙНА ОПЯТЬ СТУЧИТ В МОЁ ОКНО

Война опять стучит в моё окно,
Скрипит когтями по оконной раме.
И вновь снаряды разрывают ночь
И хочется бежать скорее к маме.
Нет. Не могу. Ведь рядом дети спят.
(Я сильной быть должна, чтоб страх не выдать.)
Им снится сон про семерых козлят,
А за окном... (И к горлу ком обиды.)
У смерти и войны похожий взгляд:
Тяжёлый, обжигающий, бесстыжий...
Глаза закрою. Я должна понять,
Что всё проходит. Нужно просто выжить.

* * *

Мне без тебя ну никак не уснуть
В эту июньскую жаркую ночь.
Хочешь в подарок седую луну?!
Только останься сегодня со мной.
Знаешь, как холодно в этом аду?!
Если одна... без тебя... до утра.
Злые сомнения разум крадут
(Я же в последнее время их раб).
Музыку включим. Закажем еду.
Сядем на кухне и будем мечтать.
Хочешь сегодня в подарок звезду?
(Я их давно научилась срывать.)
Будут стихи. Без листка. Наизусть.
(Правда, я их не умею читать,
Но постараюсь, в чём даже клянусь...)
Только не дай мне одной засыпать.

Виктория ПОЛЯКОВА

* * *

Воздух города сизово-смогов –
Полувздохом толкаю в себя...
Да, страна, ты сейчас не под Богом! –
Размайданить стремятся тебя.

Стран-соседей сошлись интересы...
Лязг затвора – на мушке мишень...
Каждый мостится в «главное кресло»,
А народ – по-макушку в лапше...

Вновь над нами кровавое солнце...
Кто откроет на тысячи счет?..
И гуляет «небесная сотня»,
И смолу, как горilочку, пьёт...

МОЛИТВА

Господи, подай покоя,
Дом над тихою рекою
Во сосновом да бору,
Лодку крепкую и вёсла...
(Для тебя ведь это просто.)
Сяду с удочкой над плёсом
Зорькой, поутру...

В пятистенке, как в палатах,
Я души намою злато,
Жемчуг соберу
Слов, оброненных тобою.
Господи, а будет воля –
Награди меня любовью
(Не сочти за труд).

Коль смогу – то приумножу...
У тебя прошу не много:
Дай мне Царствия Земного
Без войны, вражды и злобы,
Мора и огня.

Дай здоровья самым близким,
Счастьем освети их лица,
Научи меня молитвам...
И прости меня...

* * *

Как тебе живётся, Каин,
Сотни тысяч лет?..
По тропе твоей ступаем
До сих пор след в след.

Для страны не вижу «завтра» –
Высыхает Стикс.
Истину войны гражданской
В крови не найти.

Здесь вода горит, а камни
Плавятся, как лёд, –
Оказалась в Зазеркалье:
Сказка тоже врёт.

Души – в круг седьмой по Данте,
Кости – в лазарет!
Истины в войне гражданской
Не было и нет!

Волчье время зубы скалит,
На Алтарь плюёт...
И во мне, мой пращур Каин,
Кровь твоя течёт...

Оксана ЕГОРЦЕВА,
г. Горловка, ДНР

Родилась в 1984 году, горловчанка. Имеет высшее экономическое образование. Работает главным бухгалтером учебно-профессионального заведения. Стихи начала писать с 14 лет. Член ЛИТО авторов Донбасса «Стражи весны», Межрегионального союза писателей. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат премии им. Олега Бишарева.

РОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ

Млечный Путь отражается в лужах,
Звёзды светятся каплями влаги,
Лунный диск очень бледен – простужен,
Буквы тихо плывут по бумаге.
Опьянённая свежим озоном,
На ладонях у дремлющей ночи
Я брожу по тропинке знакомой,
Оставляя следов многоточье.
Ощущенье покоя витает,
Небо снова становится ближе,
И созвездия томно мигают,
Предвещая рождение Жизни.

НОЧЬЮ...

Ночью все кошки серы,
Ночью бои без правил,
Ночью сдавали нервы –
Ночью опять стреляли...
Днём же жара под тридцать,
Днём отдохнуть бы надо...
Днём на моих ресницах
Отзвуки тех снарядов,
Что громыхали ночью...
Ночью нам спать едва ли...

Хочется выжить. Очень!

Ночью опять стреляли...

СОН

А мне сегодня снился мир,
Где синь небес в оконной раме,
Где нет ни САУ, ни мортир
И я бегу с котёнком к маме.
В моих косичках – белый бант,
И ветер чёлку мне полощет.
Цветёт и пахнет, как дурман,
Вдали берёзовая роща.
Где на деревьях виден мох
И мама в платье... Папа рядом...
А в небе – птиц переполох...
Проснусь под грохот канонады...

ЭТЮД

У ЖЕЛЕЗНЯНСКОГО ПРУДА

Тараторят грачи без умолку,
И в пруду голубеет вода –
Я проеду свою остановку,
Чтобы снова вернуться сюда.
Пряный воздух мне память разбудит,
Я синичку с руки покормлю,
И ромашковый дух полной грудью
Я вдохну и с собой заберу.
В городском – пыльном, старом – трамвае
Зайчик солнечный прыгнет на руку:
Я живу, я люблю, я мечтаю,
Прогоняя февральскую скуку.

СТАРОМУ КРЫМУ

Связанные одной тенью!
Александр Товберг

Бродит тенью душа, заплутав между гор,
В тихом Старом Крыму поселилась,
Красной нитью прошла, разлилась молоком,
С Агармышем ментально сроднилась.
Запах мяты, душицы, дымка от костра
Расслабляет и голову кружит,
Я так счастлива, рай на земле отыскав,
Что опять опоздаю на ужин...
Расставания день, собираюсь домой,
Напоследок вдохну полной грудью...
Мы с тобой, Старый Крым, стали тенью одной –
Я влюбилась! Никто не осудит!

* * *

Луна. Безветрие. И ночь.
На канонаду невзирая,
Со мною спит не просто дочь –
А целый Мир и отблеск Рая.
Зароюсь в волосы её –
И сердце радостно стрекочет:
Родное солнышко моё,
Что светит мне и днём, и ночью.
А по щеке бежит слеза,
Шепчу во тьму: «Окстись, не надо!»
А за окном – нет, не гроза! –
Наш город «поливают» «Градом».

ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

Кресты на окнах – времени примета,
Точнее, не примета даже, данность.
Больной вопрос остался без ответа –
Ужель их не страшит такая «малость»:
Детей и женщин, стариков хороним,
Здесь каждый третий – чудом уцелевший,
И детский плач, и раненого стоны,
И крик вдовы, от горя поседевшей!

ЗДЕСЬ – КАЖДЫЙ

Здесь каждый повенчан с бедой,
Сверяя потери на раз.
И вновь продолжается бой –
Удар принимает Донбасс.

Здесь в городе каждом – прилёт,
Что рушит и судьбы, и дом:
Плодит бесприютных сирот
Под артиллерийским огнём...

Здесь каждый на слух отличит,
Чем именно давят Донбасс.
Молитвами город укрыт
И криком.
И слёзы из глаз

У каждого, увидевших Смерть –
Старуху с блестящей косой.
Струною натянутый нерв:
Здесь каждый, кто выжил, – Герой!

ОТВЕЗИ МЕНЯ В ПИТЕР!

А я хочу в Питер! Отвези меня в город дождей!
Всё тебе по плечу, для меня это многое значит.
Этот город мостов, и каналов, и белых ночей
Встретит нас, как приятелей старых,
и небо заплачет.

Отвези меня в Питер: хочу посмотреть на Неву,
На железные руки мостов, разведённых до срока,
В Лавре я помолюсь и тихонечко свечку зажгу,
Ну а в Летнем саду приручу балаболку-сороку.

Отвези меня в Питер: мечтаю попасть
в Эрмитаж,

Разгадать Петергоф и «Кресты», побродить
по аллеям,

Прогуляться по крышам и впасть
в туристический раж...

Отвези меня в Питер – я городом этим болею...

Василий ТОЛСТОУС

г. Макеевка

* * *

С недавних пор упрямо снится
зимой, но чаще – по весне,
что упраздняются границы
в моей холмистой стороне,
что снег сойдёт, и лёд на реках
внезапно сплавится на юг,
и установится навеки
до горизонта вешний дух.
И будет всё как в добром детстве,
когда возьмёшь велосипед
и – ходу! – в город по соседству,
лишь только пыль взвзвётся вслед.
Там, за мостом, где склон дороги,
ворвёшься в прежние года
и ощутишь, как что-то ноги
зацепит, холодом обдав,
мелькнут назад машины, лица,
затихнут крики, посвист мин,
и наваждение границы
сойдёт за городом твоим.
Растает марь над ковылями
поверх акаций и столбов.
Как сон дурной – воронки, ямы
исчезнут в поле за тобой.
Асфальт прогретый ровной змейкой
под шины ляжет в тишине.
Заметишь – так, беспечно, мельком, –
что классно жить не на войне.

* * *

«Мама, мама, кто мы есть?
Включишь телик – слышишь крик.
Там чужой звучит язык.
Мама, разве эту речь
ты велела мне беречь?
Словно не из этих мест
наш народ, живущий здесь».
Говорит сыночку мать:
«Спи, мой сокол, засыпай.
Рядом есть родимый край,
там такие же, как мы.
Просто вдруг среди зимы
нам сказали, пряча взгляд:
"Вот кордон. Столбы стоят,
и для вас проход закрыт".
И с тех пор в плену границ
мы родных не видим лиц.
Нам велели забывать:
сын – отца, дочурку – мать.
Ссохлась память-инвалид.
Ну а сердце? Что ж, болит...»
Говорит сынок родной:
«Прошлой ночью снилось мне,
что скачу я на коне,
а враги моей земли
в лютой сече полегли.
Чёткий сон, не как в кино,
не видал таких давно».
Сжав ладонями виски,
в тишине сидела мать.
Ей с утра опять вставать
и служить в родной стране
тем, кто ввёл границы в ней.
И сжимались от тоски
две ладони в кулаки.

* * *

Что ж дорога не пылится
 и пустынен край небес?
 Кто провёл под ним границу
 со шлагбаумом и без?
 Здесь и птицы не щебечут,
 и цикады не поют,
 да и речи человеческой
 за пять вёрст не слышно тут.
 Всё как прежде: те же рощи,
 и овраги, и поля.
 Может, кто-то напроорочил,
 бросил в небо мёртвый взгляд?
 Взгляды мёртвые нередки:
 им бы сил, чтоб сеять зло, –
 в каждый дом по чёрной метке
 непременно бы пришло.
 Мир бы серым стал и ровным
 и, блистая словно сталь,
 усмирил навеки волны,
 не веля о них мечтать.
 Путь застыл и не пылится.
 Не слышать полёта птиц.
 Улетают, видно, птицы
 в мир, не знающий границ.

ТРЕТЬЕ ЛЕТО

«Не пропущу! – сказал солдат сурово. –
 Звонит разведка, что "укроп" звереет.
 Мы ожидаем ночью много крови:
 за тем леском стоит их батарея».

Так что же, говорю ему, нам делать?
 На завтра приглашает пенсионный.
 Со мной в машине едет пол-отдела,
 а в целом нас, наверно, миллионы.
 Мы заработали свои копейки,
 на них живём, без них подохнем скоро.

«Не пропущу, родные, хоть убейте, –
 вздохнул солдат. – Мы защищаем город.
 Вот перебьют вас на нейтралке, в роще –
 а нам ползти, ведь мы своих не бросим».

Я оглянулся. Мой родной, хороший –
 Донецк, переходящий мягко в осень, –
 на горизонте заиграл огнями.
 Пенсионеры вышли из машины,

под ветром ёжась налетевшим, пьяным:
 он дул с полей, что стали вдруг чужими.
 Сказала женщина: «Ну что ж, уедем.
 Быть может, снова выберемся утром.
 Мы днём и ночью молим о победе,
 но и без пенсий невозможно, скрутно».

Мы уезжали с линии контакта.
 Путь освещала красная ракета.
 Темнела рядом взорванная шахта.
 Кончалось третье огненное лето.

«СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ»

«Когда-то здесь летали самолёты». –
 «Да ну? Не заливай, братан». –
 «Ей-богу, я не вру.
 Я убегал сюда, придя с работы,
 смотреть, как вниз аэроплан
 идёт на первый круг».

И направляли снова два бинокля
 в окно соседи средних лет.
 Вдали аэропорт
 чернел, эпохой ошалевшей проклят,
 и башни высохший скелет
 глядел на них в упор.

«Назвали же вокзал "Сергей Прокофьев",
 он ведь не лётчик – музыкант!» –
 «И хорошо. Он наш.
 И музыканты гибнут на голгофе.
 За что? Наверно, за талант,
 за стиль и за кураж». –
 «Наверно, здесь легко было взлетать-то», –
 сосед соседу говорил.

«А бой, поди, утих».

Они курили и не знали, кстати,
 что над посёлком дрон парил
 и снайпер видел их.

Родился 10 января 1974 года в пгт Колпны Орловской области. С 1977 года проживает в донбасском Краматорске. Журналист. Автор нескольких поэтических сборников, участник и лауреат многих фестивалей поэзии и авторской песни. Член Национального союза журналистов Украины, Межрегионального союза писателей и СП России. Лауреат литпремии им. «Молодой Гвардии».

ЧЁРНЫЙ ВОРОН

У меня, покуда жив, раны пусть болят!
Ну а ежели умру, стану чёрной птицей,
И кружиться над землей буду не спеша.
В мире мёртвом и пустом продолжает виться
Чёрный ворон, чёрный лик, чёрная душа.

Опустились крылья на гудрон,
Привкус нефтяной смолы во рту.
Я по соглашению сторон
Увольняю старую мечту.

Всё перегорело, улеглось,
Отлюбил, отверил, отлетал.
Жизнь петляет дальше вкривь да вкось,
Но к рукам не липнет капитал.

Словно заключённый по УДО,
Волю обрела моя мечта.
Тот, кому она теперь уйдёт,
Будет мне, возможно, не чета.

Крылья есть у дятлов и ворон,
Небеса ж мои теперь пусты!
Отпечатки перьев и гудрон –
Я ошибся с выбором мечты!

Разойдёмся ж сделкой мировой,
Острых не затрагивая тем!
Напоследок в книжке трудовой
Штамп поставлю выбывшей мечте.

Вертит Бог веретено,
Запускает время в пальца.
С первозданной тишиной
Седина сочится в пальцах.
Сумрак. Мёртвая вода.
Успокоенное эго.
А у Бога борода
Как перина для ночлега.

Тот дилетант, а этот профи,
Господь кому-то лайкнет профиль.
В борьбе за лайки и репосты
Мы в этом мире всё же гости.
Я, как и все, in mea vita
Пощусь и делаю ретвиты,
Несу дань мыслей на погост.
Великий пост.

НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЯ

Я истину вам, люди, говорю:
В державе нашей каждый день приколы.
Вчера пошили платье королю,
А он предстал пред публикою голым.

Совсем без ничего, и я слышал,
Король косоного не боится глаза!
Есть у царя на севере – меха,
На юге у эмира есть алмазы.

У западных соседей – конь стальной,
Есть на востоке – дивная жар-птица.
У нашего же – только уд срамной,
И только этим можем мы гордиться.

Мы от забав, чудачеств и причуд
Величества соскучимся едва ли,
Мы созерцаем королевский уд,
Которым он играет на рояле.

Он в этот миг собою горд вполне,
И мнится королю в минуты эти,
Как он елозит членом по стране,
Как он имеет всех и всё на свете.

Трясёт хозяйством, смердов веселя,
И создаётся музыка мошонкой.
Лишь только шут при виде короля
Всё нервно курит и ворчит в сторонке:

– Король наш гол! А публика глупа!
В упадке нравы! Дикая эпоха!
Но вскормленная пошлостью толпа
Не слышит возражений скомороха.

Есть у царя на севере – меха,
На юге у эмира есть алмазы,
А у меня до финиша стиха
Ещё каких-то три-четыре фразы.

Раздался грохот. Финиш. Вуаля!
Пока зеваки всё ещё зевали,
На голое хозяйство короля
Упала крышка старого рояля.

ЖИЗНЬ НАСЕКОМЫХ

Садовник нас завалит всех землёй.
Стрекозы, муравьи, жуки, цикады –
Мы, насекомых звонкая громада,
Страшимся встречи с вечною зимой.

Один сидит тихонько под корой,
Поскольку здесь его не видят птицы,
Он никуда не хочет торопиться.
Другой ползёт рогатый, как король.

Летим на свет и бьёмся о стекло,
Разнообразный утоляем голод.
Мой друг сошёлся с самкой богомола,
Теперь страдает, дескать, тяжело.

«To be, or not to be? – вот в чём вопрос!»
«Что наша жизнь? Игра!» А мы в испуге
Трещим о смысле, спорим на досуге
И на себе таскаем свой навоз.

Мы все умрём, умрём наверняка,
Задув седьмую домну пятилетки,
Пусть в куколок играют наши детки,
И будет Кафка на ночь про жука.

АВТОР ЖЖЁТ

Я к вам обращаюсь, друзья по палате,
Давайте напишем роман о Пилате!
Продумаем тщательно схему сюжета
О том, как пророк превращается в жертву!
О юноше рыжем, несчастном поэте,
Считавшем, что зла не бывает на свете.
Обычный мальчишка, совсем безбородый,
Казнённый своим же гуманным народом,
Забытый в пустыне безродный отказник,
Он так и не смог отвертеться от казни.
Мы так же, как он, оказались в ловушке
Прогнившего мира убогой психушки.
Буквально сегодня проснусь на заре я
И буду писать о судьбе Назорея,
О времени, судьях и ложных доносах,
О неразрешимых извечных вопросах,
Сомнении, вере, любви и свободе,
О том, кто и где путь к спасенью находит.
Я вновь не найду подходящего слова,
И будет гореть моя рукопись снова.

Александр САВЕНКОВ

Горловка

Родился 10 апреля 1964 года в Горловке Донецкой области. После окончания школы поступил в Туапсинский морской гидрометеорологический техникум. В 1983 году получил диплом океанолога. Работал в Крыму, на Каспии, в Прибалтике, Карелии, Москве, Донецке. Был шахтёром, поваром, моряком, менеджером. В настоящее время работает строителем в родном городе. Пишет стихи с 33 лет, начинал с авторской песни в 24 года. Печатался в журналах, коллективных сборниках и антологиях. Автор книги «Скудное время». Лауреат литературной премии им. П. Беспощадного. Член Союза писателей России.

* * *

Небо рушилось на дома,
камни брызгали ало...
Так хотелось сойти с ума,
и не получалось.

Накрывала и кровь, и боль,
жирная копоть...
Так хотелось, чтоб мир – любовь,
а не окопы.

Искорёженной жизни ось
просто вырвут, как жало...
Запрягай, мужичок, «авось»,
трогай помалу.

ПИСЬМА ИЗ АДА

Он, смеясь, ответил мне:

«Встретимся в аду».

А. Ахматова

1

Она сказала: «Встретимся в аду»,
и если я всё верно понимаю,
то на беду, на страшную беду
в одном году сошлись три чёрных мая.

2

Я пишу тебе из ада
на слепом излёте дня:
кладбище разбито «Градом»,
дом на линии огня,
хлеба нет, надежда только,
что поможет лямку Бог
нам тянуть с соседским Колькой,
раз уж чёрт нам не помог,
во владениях Аида
шоколадный жирный чёрт...
Ну, прощай, сестрёнка Лида,
может, свидимся ещё.

3

Вот и Медовый Спас...
Только б хватило сил:
рядом рванул фугас,
мальчик заголосил...
Но и в своём аду
город ещё живой:
очередь в триста душ
за питьевой водой.

4

От страха – смех нервозно-сладкий,
а от смешного – не смешно,
где даже спящие с оглядкой
лихую коротают ночь.
Быть может, всё свершится скоро,
но час здесь тянется сквозь дни,

и люди так вкрапились в город,
что их стирают вместе с ним.

5

Им нет покоя – ангельский уют
саднит и колет там, где сердце билось,
им видно землю грешную свою
до мелочей, вплоть до своих могил...

6

Лучше войны никто не научит
самым простым вещам:
долго ли ждать,
что значит «сущий»,
стоит ли обещать
плачущим детям
детство как праздник,
светлый покров небес...
прошлой и будущей
выверив разность
веры в самом себе.

7

Когда вы были молодыми,
именно в те полмига
подыскивал мне ангел имя
в апрельских книгах,
на тёмной дудочке играя,
смывая переливом нот
воспоминания о рае,
что будет всё наоборот
и в разлинованной тетради,
как на фейсбуковой стене,
воспоминания об аде
запечатлеются во мне.

8

Пустые слёзы на щеках
под ветром стылым:
всё то, что мнилось – на века! –
сошло в могилу.
Талдычат суетные дни
войны законы,

да колоколенка бубнит
чудные звоны,
и чья-то жизнь длиною в шаг
из ада в царство,
пока другой душе душа
плетёт мытарства.

9

Но мы друг другу стали ближе,
иного не нажив добра,
когда всю пытались выжить,
чтоб научиться умирать.

10

И кто-нибудь потом напишет:
здесь люди-стены, люди-крыши,
как дети, мечутся во сне
и кровь, как звон, в набрякших венах
о всех невинноубиенных
на диком поле наших дней.

* * *

Бывает так, и было так, и будет:
внезапность, очертив незримый круг,
тасует судьбы на зеркальном блюде,
как мишуру на ледяном ветру...
Ещё покоен дом, и дети рядом,
и ужин на столе горячий, но
смерть за спиной стоит с холодным
взглядом
и смотрится в разбитое окно...
И треснет время в деревянном чреве,
и протечёт забвением имён,
и дочке будет пять, а сыну – девять
отныне до скончания времён.

* * *

Затишье... в оцеплении минут,
когда ничто не рвётся и не жалит,
ты слушаешь живую тишину
езде: в доме, на улице, в подвале,
ты слушаешь её до немоты,
до хруста пальцев, до ушного звона
и чувствуешь: меняются черты
и тишина становится иконной.

Анаит АГАБЕКЯН

Донецк

Родилась в Ереване, Армения.

В 1989 году после Спитакского землетрясения переехала с семьёй на Донбасс.

В 2004 году с красным дипломом окончила экономический факультет Донецкого национального технического университета. Работает в Донецком художественном музее, параллельно получает второе высшее образование (культурология). Пишет стихи и прозу. Лауреат литературных премий им. Алины Остафийчук, им. Олега Герасимова и им. «Молодой Гвардии». Публиковалась в коллективных сборниках, литературных альманахах и журналах Донбасса, России и Белоруссии. Член ЛИТО авторов Донбасса «Стражи весны» и Межрегионального союза писателей. Автор книги «Тирановремя».

ГОРОД...

Город, лишённый надежд и отдушин,
сгорблен, сплетением улиц задушен,
мимо наростов из камня и стёкол
время бесцельно идёт самотёком.

Город болезненно серый в удушье,
бьётся в конвульсиях раненой тушей,
пригоршню гордости будто рассыпав,
стал он доступен ветрам ненасытным.

Крохи тщеславия смыло дождями,
город клаксонами суетно мямлит,

но оттого, что все почести – первым,
взвинчены высоковольтные нервы...

Всюду засилье заржавленных истин,
воздух и тот обречённо-охристый –
город во власти тумана-воришки,
больше не верит ни правым, ни пришлым.

Бог не спасёт, и не выручит случай –
город утратами крайне измучен,
только живёт, несмотря на потери,
чья-то любовь рудиментом на теле.

ГРАЖДАНСКАЯ...

Не супруга, а так – на время,
не забавы, беды лишь для,
чтобы судьбы и жизни креном,
чтобы вмиг из-под ног земля,
появилась невесть откуда,
беспринципная, словно месть,
разметала металла груды,
промеж братьями лишь бы влезть
и пустить хрупкий мир насмарку,
красоту всю испепелив,
ей, скиталице и дикарке,
кровь людская – что сок из слив,
слёзы детские – капли в море.
Отчего же не бьют в набат?
Ею будет, как видно, вскоре
всем живущим объявлен мат...
Но её приютили снова
те, кто продал бы всех и так, –
честь почила, и им не ново
стать Иудами за пятак.
И свирепствуют с нею пуще
те, кто знают не на словах
лицемерие власть имущих:
кто не выжил – сам виноват.
На богатых когда-то нивах
ныне пустошь и лёг разлом –
нищету, боль и страх глумливо
вносит бестия в каждый дом.
Не любовница, не подруга,
хоть гражданская – не жена...
В этом адовом первом круге
безраздельно царит Война.

КРЫМСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

4 мая в Севастополе состоялось знаменательное событие – писатели СевСПР провели торжественную акцию дарения у стен знаменитой Морской библиотеки им. Михаила Петровича Лазарева. В честь её 200-летнего юбилея рабочий секретарь Союза писателей России, главный редактор журнала «Александръ», профессор Анатолий Сергеевич Труба привёз в дар старейшей библиотеке саженцы груши «Золотой витязь» из питомника материковой России. Со словами благодарности принял из его рук два молодых деревца директор Морской библиотеки Николай Иванович Краснолицкий. Он отметил, что писатели Севастополя всегда были самыми лучшими друзьями библиотеки. Они не только сами постоянно пополняют фонды замечательной и качественной литературой, проводят мероприятия как в библиотеке, так и в подведомственных ей отделениях в военных частях и на кораблях ЧФ, но и являются сами активными читателями.

Председатель Севастопольского регионального отделения Союза писателей России Татьяна Андреевна Воронина поздравила библиотекарей с юбилеем и пригласила писателей непосредственно участвовать в посадке деревьев. Выступил и писатель Владимир Владимирович Стефановский, который в своё время уже проявил внимание к военному учреждению культуры, обеспечив работы по установке объёмных накладных букв названия библиотеки на фронте и мраморных плит по обеим сторонам входных дверей. Севастопольские писатели вместе со своим столичным гостем с удовольствием выполнили почётную миссию по высадке саженцев. В ходе мероприятия поэты прочли свои стихи, посвящённые предстоящему событию празднования 200-летия Морской библиотеки. Анатолий Сергеевич вручил библиотеке очередной номер журнала «Александръ».

Пятого мая в Симферополе, в Крымском Центре творчества, культуры и науки, Анатолия

Трубу встречали председатель Крымского отделения Союза писателей России, генеральный директор Крымского центра творчества, науки и культуры, писатель Владимир Сорокин и члены крымской организации.

Встречу вела заслуженный деятель искусств Республики Крым, поэт, публицист, критик Елена Осминкина. Она представила гостя собравшейся публике.

Общение шло тепло и непринуждённо. Издание с 2016 года радует читателей широтой рубрик, многообразием тем и жанров публикаций, встречами на своих страницах с интересными людьми современного общества, привлекает полиграфией и художественным оформлением. Ежемесячный журнал выходит при поддержке Союза писателей России, чем объясняется авторитетный состав редколлегии, представленный именами многих известных деятелей литературы, культуры и науки.

Директор и главный редактор журнала рассказал об истории его создания и становления. Несмотря на определённые трудности прошлых лет, издание не только выстояло, но и постоянно продолжает расширять круг своих авторов и читателей. Его ждут и приветствуют в разных писательских регионах. И «Александръ» открыт для одарённых поэтов, прозаиков, публицистов, литературоведов, деятелей культуры, создавая живую и крепкую нить творческого общения и единства.

Комментируя вопросы и предложения ведущей встречи Елены Осминкиной, Анатолий Труба увлекательно рассказал также о программе «Литературный город России», подробнее познакомил с планами выхода сборника «Пора в космос». В него войдут лучшие поэтические, прозаические и публицистические произведения космической темы. Книга будет иллюстрирована фотографиями члена Союза писателей России, космонавтом Олегом Артемьевым, с которым Анатолия Сергеевича связывают тёплые дружеские отношения. И одобрительно

отозвался на предложение Елены Фёдоровны, отражающее общее пожелание – познакомить читателей журнала с произведениями поэтов, прозаиков, литературоведов Крымского отделения Союза писателей России.

Идею горячо поддерживают председатель организации Владимир Иванович Сорокин, член правления Олег Геннадьевич Азарьев, который будет заниматься подготовительной работой по реализации плана.

Крымские писатели благодарны Анатолию Сергеевичу Трубе за его огромный общественный энтузиазм, писательскую, творческую и редакторскую деятельность, душевную щедрость и сердечное тепло, которые он дарит окружающим.

С коллективной фотографией на память каждый унёс частицу вдохновения и радости от подобного творческого единения. И этому способствует издание, носящее имя великого русского поэта, над именем которого время не властно:

Крылом слегка взмахнуло время,
Столетий отпуская бег.
Поэта чтят всё так же – племя,
Россия, двадцать первый век.

В преддверии Дня Великой Победы, 6 мая, в севастопольском сквере им. Анны Ахматовой члены Союза писателей России во главе с рабочим секретарём СПР, главным редактором журнала «Александръ», профессором Анатолием Трубой провели обновление посадки миндаля из питомника Никитского ботанического сада. Были вновь высажены 20 деревьев, на замену не выдержавшим знойное лето и суровую зиму саженцам.

Посадка деревьев первоначально была посвящена большому международному кинофестивалю «Золотой Витязь», который ежегодно проходит в Севастополе в конце мая под руководством народного артиста России Николая Бурляева. Прекрасная обстановка, сопутствовавшая работам в сквере, а затем выступления поэтов Татьяны Вольновой, Николая Ильченко, Александра Федосеева, Марины Орловой, Ма-

рины Александровой и Татьяны Халаевой со стихами, посвящёнными Анне Ахматовой и Николаю Гумилёву, способствовали инициативе, прозвучавшей от председателя Севастопольского регионального отделения Союза писателей России Татьяны Ворониной, создания поэтического сборника под названием «Ахматовский парк» со стихами крымских и севастопольских писателей, посвящёнными поэтам Серебряного века Анне Ахматовой и Николаю Гумилёву. Сборник решено издать в 2022 году.

В тот же день, 6 мая, в 16 часов в Севастополе состоялось ещё одно значимое мероприятие. «Цветущая память» – красивое название для акции у здания Центральной городской библиотеки им. Л. Н. Толстого в преддверии праздника Великой Победы.

В честь писателей-фронтовиков, чья судьба и творчество тесно связаны с Севастополем, – Эдуарда Асадова, Константина Паустовского, Юлии Друниной, Андрея Платонова, Бориса Лавренёва, Леонида Соболева – в Толстовском дворике высажены 20 кустов роз, переданных Никитским ботаническим садом.

Праздничные посадки растений стали ярким примером сотрудничества и дружбы библиотек и писателей нашего города.

В 2020 году двадцать молодых плодовых деревьев были посажены на благоустроенной территории возле библиотеки-филиала № 27 (село Первомайское) в честь 60-летия со дня её основания.

22 апреля 2021 года в честь 120-летия со дня основания Центральной городской библиотеки им. Л. Н. Толстого у здания был высажен подаренный писательской организацией дуб (каменный, вечнозелёный) – символ долголетия, силы, благородства и верности.

В памятной акции по высадке роз в Толстовском дворике в этом году приняли участие сотрудники библиотеки, члены Союза писателей России и юнармейцы Севастополя.

Татьяна ВОРОНИНА,
Елена ВОЛКОВА,
Елена ОСМИНКИНА
Симферополь

ВРЕМЯ ЗЕМЛИ

Промыслительно: буква Z, исстари обозначавшаяся в нашем алфавите как «Земля», вдруг вновь стала русской и её мгновенно выучил весь мир. Через столетие она вновь ворвалась в наш обиход, как в 1945-м пришли к нам слова «Великая Победа», в 1961-м – «Космос», в 2014-м – «Бессмертный полк».

Вписанная совершенно спонтанно в документы неким армейским штабистом как наиболее удобный знак для обозначения своих войск, она вдруг объединила, выстроила круговую оборону и вокруг традиционных культурных и духовных ценностей внутри страны.

Z – означает конец отступления, заискивания, полупоклонов и расшаркиваний, выплеснула наконец-то из русской закваски те добавки, которые мешали нам выпечь полноценные хлеба.

Z – это направление главного удара по вседозволенности, желанию «дорогих партнёров» властвовать над нашими умами и территориями, исследованиями и производствами, законами и психологией, над нашей молодёжью и нашим будущим.

Z – это родник, вдруг пробившийся сквозь железобетон западных условий и болотную жижу отечественных ультралибералов и русофобов, набравших критическую массу в области образования, науки, культуры, финансов. Она – конец разрыхлителям, очищение от ржавчины внутреннего стержня.

Z – это прерванная цепочка испытания боевых вирусов над славянским генофондом и заслон свастики, жирно нависшей над памятью защитников Отечества, над моим партизанским брянским лесом.

Z отныне и навсегда изменила психологию войны, когда выполняющим спецоперацию бойцам не нужны чужие территории, но при этом они идут на личную жертвенность ради сохранения жизни других.

Z – это немыслимое ещё вчера единство армии, народа и власти.

Z – это сохранённое достоинство Отечества. Сбережение кода нации, не утратившей готовность прийти на помощь ближнему и не предавшей свою историю.

Я, русский офицер и русский писатель, принимаю Z в свой внутренний мир. Внешний мир сложен, переплетён мириадами нитей, но время русской «Земли» уже не замолчать и не предать забвению.

Я – не предам!

Николай ИВАНОВ

*председатель Союза писателей России,
полковник*

«АЛЕКСАНДРЪ»

alexlib.ru